

ОТКРЫТИЯ ~ ЗАВОЕВАНИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

А. Н. ЕГОРОВ.

ЗАПИСКИ
СОЛДАТА

Берналя Дияза

II

ЗА ЗОЛОТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ~ ВРОКТАУЗ ~ ЕФРОН

С. 1142176 1924

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

9

415/11-482
СОУНЬИМ. В. Г. Белинского
<http://bookuraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

СОУНЬ ИМ. Б. П. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

<http://book.uraic.ru/>

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Д. Н. ЕГОРОВ

91-

E30

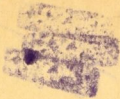
ЗАПИСКИ СОЛДАТА БЕРНАЛЯ ДИАЗА

I
В погоне за золотом

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. Сverdlovsk

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1924

р-3

Обложка и рисунки работы
В. Н. Талепоровского.

С. 1142176

СОУНЬ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

ОТ РЕДАКЦИИ.

Место Записок Диаза, впервые переводимых на русский язык, определяется немногими, но достаточными моментами.

Берналь Диаз один из многих, вырвавшихся из привычных условностей и узости старой Европы в неожиданную и неизвестную ширь Нового мира. Но он же — один из немногих, оставивших запись об этом решающем времени. Новые миры возникают не часто, а выковка новых людей происходит далеко не на виду. Записки солдата Диаза в этом смысле занимают исключительное почти место. С небывалой дотоле настойчивостью и отчетливостью он противопоставляет себя, часть коллектива, всякому одиночному фактору, хотя бы даже Кортесу. С не встречающейся раньше ясностью он проводит черту между старым и новым, сдобривая множество привычных выражений и суждений чисто солдатской иронией и крупно-зернистым юмором. Понятно, что записки оказались „опасными“ и печатание их задержалось почти на сто лет: ведь даже тогдашняя политическая и церковная цензура поняла, что за благочестивой и верноподданнической внешностью кроется нечто совершенно иное, что факты книги беско-

нечно красноречивее ее слов. Эта характерная светотень книги, давшая ей столь исключительное место, осталась, разумеется, в полной неприкосновенности в первой ее русской передаче. Наконец, Записки Диаза, по богатству и интересу рассказа, являются одним из наиболее удачных образцов литературы воли, дерзания и успеха, всегда сопровождающих каждую крупную и ответственную эпоху.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

Я, Берналь Диаз дель Кастильо, рехидор города Сан-Яго в Гватемале, автор этого правдивого, честного рассказа, ныне закончил его и издаю.

Много в нем читатель найдет нового и удивительного: как открыта и завоевана была Новая Испания; как взята была столица Мексики и многие другие города, вплоть до полного замирения страны; как основаны и заселены были многие новые города и селения во славу и пользу нашего господина, короля.

Подтверждаю, что все рассказанное здесь — истинная правда, ибо во всех битвах и всех предприятиях я лично участвовал. Не старые басни, не деяния римлян, что случились 700 лет тому назад, а события вчерашнего, так сказать, дня предлагаю я, точно указывая, как, где и когда все произошло. Ибо все это составил я по собственным записям и заметкам, каковую работу закончил 26 февраля 1568 г.

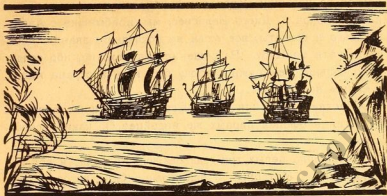
Ныне же прошу печатников, чтоб они к моим словам ничего не прибавляли и ничего от них не урезывали, а дали бы все именно так, как я написал.

Завет Берналя, к сожалению, удалось исполнить лишь на-половину. К величавой наивности и эпической силе его рассказа нечего, конечно, было добавлять; зато «урезать» пришлось таки

некоторые части — излишние длинноты, неоднократно повторения, словом, все то, что необходимо и можно было отбросить на пользу целого, ни на что не затрачивая особенностей изложения и даже стиля.

Относительно жизни самого Берналя мы, помимо его великолепных Записок, знаем удручающе мало: родился он ок. 1495 г., умер в глубокой старости, ок. 1580 г. Его Записки впервые увидели свет лишь в 1632 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

ОТКРЫТИЕ ЮКАТАНА.

В год 1514 оставил я Кастилию в свите Педро Ариас де Авила, назначенного губернатором на Материк ¹⁾. На море было то бурно, то тихо, и прибыли мы в Номбре де Диос ²⁾, где как раз была эпидемия; много людей потеряли мы и почти у всех образовались опасные желваки на ногах. К тому же пошли столкновения между губернатором и тем гидальго, который завоевал эту провинцию, — Васко Нуньес де Бальбоа ³⁾. Много у него было богатств, и Педро Ариас де Авила выдал за него дочь. Но так так имелось подозрение, что Бальбоа на собственный страх замышляет морскую экспедицию и оттянет туда много солдат, то тесть велел его судить и отрубить ему голову.

Видя все это и еще многие другие распри между солдатами и капитанами ⁴⁾, и услышав, что недавно завоеван

¹⁾ Terra Firma; ныне Панама.

²⁾ В Панаме, около тепер. гор. Колон.

³⁾ Знаменит. открыватель, впервые прошедший перешеек и „овладевший“ в имя Испании Тихим океаном.

⁴⁾ Начальниками.

остров по названию Куба и что наместником там гидальго из Кизельяра ¹⁾ Диего Веласкес, мы, прибывшие с Авила, гидальго и солдаты, все люди не последнего звания, порешили уйти на Кубу. Разрешение дали охотно, ибо солдат было больше, чем нужно; всюду был мир, а страна малая, с малым населением.

Счастливы прибыли в Кубу; губернатор приветливо нас встретил и обещал первых же индейцев ²⁾, какие освободятся.

Но прошло целых три года без всякого дела; и вот мы, прибывшие с Материка, и еще люди с Кубы, которые тоже не имели индейцев, собрались в числе 110 и соединились с Франсиско Эрнандесом де Кордова, богатым человеком, имевшим несколько деревень, с индейцами, порешив, что он будет нашим капитаном, когда мы испробуем свое счастье и отправимся открывать новые земли, где уж сумеем показать себя. Мы купили два довольно больших корабля. Третий дал нам в долг сам Веласкес, предлагая сделать набег на Гуанахские острова ³⁾, чтоб забрать оттуда индейцев, благо он нуждается в рабах; этим де будет заплачено и за корабль. Но мы поняли, что Диего Веласкес не прав, и ответили: ни бог, ни король не велели нам свободных людей превращать в рабов. Тогда он и сам согласился, что открывать новые земли — лучше, и снабдил нас провиантом.

Итак, у нас было три корабля и достаточное количество хлеба из касавы ⁴⁾; купили мы еще свиней по три пезо за штуку, ибо в то время на Кубе не было еще ни коров, ни баранов. Других припасов было мало; зато каждый из нас приобрел стеклянные бусы для обмена.

¹⁾ Т.-е. земляк и даже родственник Диаза.

²⁾ Т.-е. „коммendu“, землю, с приписанными к ней туземцами.

³⁾ Ныне Bahia, на побережье Гондураса.

⁴⁾ Cazabe — мука из корня маниока.

Наняли мы трех пилотов ¹⁾ — старший из них Антонио де Аламинос из Палоса, а также матросов; купили канаты, якоря, парусину, бочки для воды и все, что полагается при плавании. Все это шло на наш счет.

И вот, собравшись вместе, все 110, мы отправились в гавань Ахаруко на северном берегу Кубы; выбрали там из наших солдат Бернардино Инигеса в казначеи короля, дабы, если господь даст нам открыть земли с многим золотом и жемчугом, среди нас был бы человек для бережения королевской пятины ²⁾; затем отслужили обедню, поручили себя богу и деве, и вышли в море 8 февр. 1517 г.

Двенадцать дней шли мы вдоль Кубы, затем, пройдя мыс Антонио, где живут еще дикари ³⁾, мы вышли в открытое море, идя на запад, без знания мелей, течений, ветров. Велик был риск; да мы и штормовали двое суток и едва не погибли.

Но вот — буря стихла, мы изменили курс и пред нами показалась земля. Сие случилось на 21-ый день нашего отбытия с Кубы; мы возвеселились и возблагодарили бога. Никто еще не открывал этой земли, никто о ней не слышал! С мачт мы узрели крупное поселение внутри страны, да такое крупное, какого нет на Кубе. Мы и прозвали его „Великий Каир“.

На утро хотели мы приблизиться к берегу, выискивая надежную стоянку, как вдруг появилось пять больших лодок, на подобие корыт, под веслами и парусами, в каждой по 40 — 50 индейцев. Не было тогда у нас никого, кто бы

¹⁾ Штурманов, кормчих.

²⁾ Real Quinto; пятая часть (раньше — половина) всякой добычи шла королю.

³⁾ Т.-е. не „поделенные“ индейцы.

знал по-юкатански, и мы махали руками и плащами в знак миролюбия и приветия.

Без всякой боязни они приблизились, и человек 30 взобрались на главный корабль. Мы угостили их хлебом и салом, дали каждому по нитке стеклянных бус, и когда они насмотрелись на нас и на наш корабль, главный из них, касик ¹⁾, дал нам понять знаками, что они хотят вернуться, но завтра придут в большем количестве и поведут нас на берег. На индейцах этих были безрукавки из бумажной ткани, а на бедрах фартучки — *maltates*, по-ихнему; и показались они нам культурнее, нежели индейцы на Кубе, ибо там лишь женщины имеют тряпку вместо одежды.

Рано утром, действительно, явился тот же касик и с ним вместе 12 лодок со множеством гребцов. Знаками он уверял нашего капитана в дружбе и приглашал к себе. Помню и сейчас, как он повторял: *con escatoch!* т.-е. „идемте ко мне“. Мы по сему и назвали местность мысом Каточе ²⁾.

Наш капитан держал с нами совет, и мы решили высадиться. Весь берег кишел индейцами, мы же держались вместе. Тогда касик вновь стал упрашивать нас итти вглубь страны, в поселок; и капитан вновь посоветовался с нами; большинство решило итти, но быть на-стороже, в строю и добром вооружении. Мы, посему, взяли с собой 15 арбалетов и столько же пищалей ³⁾ и последовали за касиком и его индейцами.

Когда же мы приблизились к холмистому лесу, касик дал сигнал и из засады выскочили его воины, обдав нас такой тучей стрел, что сразу же ранили 15 из наших. Одеты они были в панцыри из бумажной ткани, а ору-

¹⁾ Общее название для всякого туземного начальства.

²⁾ *Punta de Catoche*, так и сейчас.

³⁾ В тексте: эспиньолы или эскопетты.

жием служили копья, щиты, луки, пращи; головы украшены были перьями. Выпустив стрелы, они кинулись в рукопашную и сильно теснили нас своими длинными копьями. Но мы скоро их обратили в бегство, действуя нашими добрыми мечами и нанося им урон арбалетами и пищалками; 15 трупов оставили они на поле битвы.

Неподалеку находилась маленькая площадка с тремя строениями из камня и извести. То были храмы, а в них много идолов мужских и женских, значительной величины, с дьявольскими лицами. Там же нашли мы небольшие шкатулки из дерева, а также плоские, три короны, разную утварь и безделушки, вроде рыб и уток, из низкопробного золота, что мы и забрали с собой.

Увидев все это, и золото, и солидную стройку храмов, мы испытали великую радость. Ведь в то время Перу не было еще открыто, а лишь 16 лет спустя.

Забрали мы в плен и двух туземцев, которых потом ¹⁾ крестили, назвав одного Мельхиором, другого Юлианом; у обоих вокруг глаз были рисунки.

Окончив битву, мы отправились на корабли и решили продолжать наши открытия на запад. Перевязав раненых, мы тронулись в путь.

Много открывали мы мысов, заливов, рифов, мелей. Пилот Аламинос уверял, что это — остров; днем мы, по сему, шли вперед, осторожно, а ночью бросали якорь. Через 14 дней плавания увидели мы вдаль поселение, и показалось нам, что подле течет река; а ведь воды стало у нас мало, ибо все мы были небогаты, и боченки купили мы старые, неплотные. И решили мы пристать к стране, которую индейцы называют Кампече. Реки не оказалось, а водоем, откуда берут воду и туземцы, был далек; памя-

¹⁾ Очевидно, судя по именам, уже 6 или 7 янв.

туя события в Каточе, пошли осторожно, держась вместе, в хорошем вооружении.

Только что мы наполнили бочки, как из селения пришло человек 50 индейцев, вроде касиков, в хороших бумажных одеждах. Знаками они спросили нас, что нам нужно, а затем — прибыли ли мы с восхода, и при этом несколько раз сказали „Castilan“, на что мы тогда не обратили внимания. Затем они предложили пойти в селение. Посовещавшись, мы согласились, и последовали за ними с великой опаской.

Привели они нас к ряду крупных строений, весьма ладно построенных из камня и оштукатуренных. То были храмы с изображением змей и божеств на стенах; вокруг алтаря ясно видны были брызги совершенно свежей еще крови, а на некоторых изображениях, к несказанному нашему удивлению, — знаки креста.

Народу везде было множество; женщины улыбались нам, и все казалось мирным и спокойным. Но вот появилась новая толпа, в плохих одеждах, неся связки сухого камыша, который они складывали в одну кучу. Одновременно прибыли и два отряда воинов в бумажных панцырях, с луками, копьями, щитами и пращами, во главе с своими предводителями. Вдруг из соседнего храма выбежал десяток индейцев в длинных белых одеждах; волосы их были настолько перепутаны и загрязнены запекшейся кровью, что их нельзя было расчесать, а только срезать. Это были жрецы, которых в Новой Испании обыкновенно называют „папás“. Да, повторяю ¹⁾, так именно их зовут.

Эти папás несли курения, вроде смолы, прозываемые у них „копал“; они окурили нас из глиняных плошек, в которых был огонь, и знаками дали понять, что мы

¹⁾ Очевидно, Берналь имеет в виду звуковое сходство с „папа“ — „поп“.

должны уйти раньше, нежели сгорит принесенная куча камыша, а то нас атакуют и убьют.

Затем они велели зажечь кучу, и весь народ, построившись в отряды, стал трубить в раковины, бить в барабаны, играть на дудах.

Вспомнили мы раны, полученные в Каточе (двое товарищей умерло), и сомкнутым строем двинулись к берегу, погрузили бочки с водой и уехали. Шли мы шесть суток. Но вот ветер подул с севера, превратился в бурю и бушевал четверо суток. Близки мы были к гибели! В море уйти было нельзя, пришлось стать на якорь; порвались наши старые канаты, быть бы нам снесенным к берегу, где мы бы и разбились.

Когда ветер стих, пошли мы вновь вдоль берега, как можно ближе, чтоб забирать воду, ибо бочки наши, как сказано, были плохи, да и с водой наши распоряжались неаккуратно, думая, что ее всюду можно достать.

Так плыли мы, пока не увидали залив, а вдаль, в часе ходьбы, большое поселение,¹⁾ Потончан, окруженное маисовыми полями. Подойти близко к берегу было невозможно из-за мелководья, и мы отправились за водой в лодках, сопровождаемые одним, самым маленьким нашим кораблем.

Дело было к полудню. Начали мы забирать воду, но со всех сторон сбежались туземцы, вооруженные, с мечами вроде наших „двуруких“²⁾; все они были украшены перьями, а тела их расписаны белой, черной и бурой краской. В грозном молчании надвинулись они на нас и, подойдя, опять-таки спросили знаками, с восхода ли мы пришли, и опять-таки произносили „Castilan“, что невольно вносило в нас смуту и недоумение. Брать воду стало трудно; мы выставили посты и пикеты и заночевали. Все время мы

¹⁾ Poton-chan, теперь Chan-poton.

²⁾ Длинный меч, введенный особенно лаискнехтами.

слышали, как прибывали с шумом и гамом новые отряды. Ясно было, что готовится битва, и капитан наш устроил совет. Много было разных мнений. Одни хотели сейчас же уйти на корабли, но, конечно, индейцы напали бы при посадке и сильно нас побили. Другие, среди них и я, советовали нам самим напасть, еще этой ночью, памятуя старую поговорку: наступление — первый залог выигрыша битвы. Так мы спорили до наступления утра. Индейцы со всех сторон шли по-ротной, со знаменами и музыкой; пришлось биться, и каждый поручил себя господе, в твердом намерении продать жизнь свою подороже. Понеслась на нас такая туча стрел, дротики и камней, пущенных из пращей, что сразу было ранено более 80 человек. Затем перешли в рукопашную и на каждого из нас приходилось по 30 врагов. Не мало добрых ударов нанесли мы мечами и копьями; безостановочно стреляли наши пищали и арбалеты — одни только заряжали, другие только стреляли. Мы отбивали их натиски, но они не бежали, а держались на-готове вне выстрела, все время крича *a! calachoni*, что значит — „убивайте вождя“. И, действительно, наш капитан получил 12 ран; три стрелы попали и в меня, при чем одна, в левый бок, проникла до кости. Двух из нас они унесли живьем: Алонсо, по прозванию Посол, да старого одного португальца.

Врагам то и дело подносили все новые стрелы и дротики, а также еду и питье в изобилии; прибывали к ним и свежие подкрепления. Мы же все до единого были изранены, многие сквозь горло, и более 50 уже пало мертвыми. В этом отчаянном положении мы решили пробиться к лодкам. Эх, какие поднялись крики, свист! как замелькали стрелы, дротики, камни! Нас же подстерегала новая беда: когда мы, не рассчитав нагрузки, бросились в лодки, все они перевернулись, и мы должны были плыть, держась за них, пока не достигли нашего малое судно. Многих при этом

еще ранили и убили, так как индейцы преследовали нас в своих лодках.

Так мы спаслись. Но не все: при перекличке не оказалось 75 товарищей, помимо тех двух, которые были захвачены живыми; а вскоре еще пятеро умерло от ран и жажды. А ведь битва продолжалась около получаса!

Местность, как сказано, называлась Потончан, но наши моряки занесли на свои карты: Залив злой битвы (Bahia de mala pelea).

Тяжко страдали раненные при перевязке, ибо промывать раны пришлось морской водой. Ранеными же, за исключением одного лишь солдата, были все, многие трижды и четырежды, а капитан наш, как сказано, имел 12 ран от стрел. Решили мы, посему, вернуться на Кубу, но так как большинство наших матросов были с нами на берегу и тоже ранены, то не хватало рук для управления кораблями, и мы зажгли наше малое судно, взяв оттуда припасы и снасти.

Хуже же всего было отсутствие пресной воды. Наши бочки мы оставили в Потончане, и теперь нас томила такая жажда, что мы охлаждали губы и язык, прикладывая к ним лезвие топоров. Да! тяжелое дело открывать новые страны! Понять это может лишь тот, кто сам прошел сквозь беды и ужас.

Мы держались как можно ближе к берегу, надеясь увидеть какую-либо речку. Но лишь на третьи сутки мы набрали не то на залив, не то на устье. Сейчас же мы отрядили на берег 15 матросов, не участвовавших в битве, и трех солдат, получивших поверхностные лишь раны; взяли они с собой топоры, кирки, лопаты и три бочки. Но вода в заливе оказалась соленой, и когда они вырыли колодцы, то и там набралась такая же вода соленая и горькая. Наполнили они один боченок, но никто ее не мог пить, а двое из порабощенных сильно разболелись.

НИИТОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ

г. СВЕРДЛОВСК

Пока они искали воду, поднялся ужасный норд-ост, почти выбросивший наши суда на берег, ибо якорных канатов у нас не хватило, да и матросы наши были на суше за водой. Видя это, они поспешили на корабли и кое-как заякорили их; двое суток висели мы на волоске, а затем опять вышли в море. Но тут Аламинос и другие пилоты предложили идти прямо на Флориду, от которой мы будто бы на расстоянии лишь 70 часов пути, так как это будет ближайший и самый удобный путь к Гаване: сам Аламинос уже бывал в тех водах, когда Хуан Понсе де Леон 12 лет тому назад ¹⁾ открыл Флориду. Действительно, в четверо суток мы пересекли залив и берег Флориды открылся пред нами.

Сейчас же мы порешили, что 20 из нас, наименее израненных, высадутся. Среди них были и я, и Аламинос. Захватили мы с собой бочки и кирки, а также изрядное количество арбалетов и пищалей. Прощаясь с нами, наш капитан, тяжело раненый и очень ослабленный от мук жажды, умолял нас ради бога найти пресную воду, иначе он должен умереть.

И вот, мы вступили на берег. Аламинос сейчас же признал страну, и сказал, что именно здесь они пристали и с Понсе де Леон и сразились с индейцами при, крупных потерях. Посему мы действовали осторожно: выслали вперед двух товарищей в качестве передового поста, а сами начали копать колодезь. К счастью, проступила хорошая вода. С легким сердцем насладились мы вкусной влагой, а кстати прополоскали перевязки раненых. Так прошел добрый час, и когда мы весело принялись грузить бочки, прибежал солдат с поста с криком: „К оружию! с суши и моря идут индейцы!“. Действительно, тотчас же появились и они; рослые, сильные, одетые в звериные шкуры, с гро-

¹⁾ Ошибка Бернала вместо 1512 г.

манными луками, острыми стрелами и копьями на манер мечей. С первого же наскока они ранили шестерых; я сам тоже получил легкую рану в правую руку. Но мы их встретили такой пальбой и столь могучими ударами, что они отпрянули и устремились к берегу на помощь своим, которые в лодках сражались с нашими товарищами. Побежали туда и мы; во истину во время! Ибо индейцы уже овладели нашей лодкой и прицепили ее к своим челнокам; четверо из наших были ранены, а Аламинос даже опасно ранен в глотку. Мы храбро набросились на врагов, до пояса вошли в воду и, действуя мечами, изгнали индейцев из нашей лодки. Трех раненых индейцев взяли мы в плен (потом они все же умерли), и 22 трупа лежало на берегу.

Сейчас же мы стали расспрашивать солдата, прибежавшего с известием о нападении, что же стало с Беррио, его товарищем. Оказывается, что тот пошел срубить дерево, да так и не вернулся, а лишь слышны были его крики; помочь ему он не мог, а тотчас побежал к нам с предупреждением. Тогда мы пошли его искать; нашли надрубленное дерево и кругом много следов, но крови не было — значит, они увели его живьем. Все наши поиски и крики ни к чему не привели. Странно, что именно Беррио так кончил: это был тот единственный солдат, который остался цел и невредим в Потончане.

Итак, мы вернулись к лодке и наконец-то привезли нашим пресную воду. Радость была такая, точно мы жизнь им привезли! А один из солдат, точно бешеный, не мог дожидаться, прыгнул в лодку и стал пить, пить без конца, так что вскоре потом вспух и помер.

Забрав воду, мы подняли паруса и двинулись к Гаване. Прекрасная была погода, но море так мелко, что главный корабль напоролся на риф и затонул бы, если бы мы все не стали на помпы. Никогда не прощу нескольким матро-

сам с Леванта ¹⁾; когда мы к ним обратились: „Братья, помогите откачать воду, вы ведь видите, что мы изранены и изнурены“, то они ответили: „Дело ваше, мы не солдаты, да и нам перепало немало голода, жажды и ран“. Пришлось их силой приставить к помпам. Так мы, страдая от ран, обслуживали и помпы, и паруса, пока не прибыли благополучно в порт Карена, где ныне построен город Гавана ²⁾.

Вступив на сушу, возблагодарили мы бога, и немедленно донесли губернатору, Диего Веласкесу, что мы открыли страну с большими селениями и каменными домами, где население одето в бумажные ткани, возделывает маис и имеет золото. Капитан наш сухим путем отправился в Сан-Спирито, где у него была коммenda ³⁾, но, не доехав, умер на 10-ый день нашего прибытия. Остальные товарищи рассеялись по всему острову, а трое умерли от ран в самой Гаване.

Корабли наши переправлены были в Сан-Яго де Куба, где пребывал губернатор. Там мы выгрузили и двух наших пленников из Каточе, а также золотую добычу и идолов. Много это наделало шуму, и на Кубе, и в Доминго, и даже в самой Испании. Говорили, что это — самая богатая из всех пока открытых стран, ибо нигде еще не встречали домов из камня; указывали на то, что идола древние, еще до Христа; были и такие, которые предполагали, что привезены они евреями, изгнанными из Ерусалима Титом и Веспасианом, потерпевшими здесь крушение. Сам Веласкес тщательно выспрашивал наших двух индейцев: есть ли на их родине золотые прииски. Они ответили: да; тогда он показал им золотой песок с Кубы, и опять они заявили,

¹⁾ Повидимому, греки.

²⁾ Ошибка; Гавана уже 1522 перенесена была в более защищенную гавань Ахаруко.

³⁾ См. в. стр. 10, прим. 4.

что таковой у них в великом множестве. Лгали они; ведь известное дело, что ни в Каточе, ни во всем Юкатане нет ни жильного, ни речного золота!..

На эту прекрасную экспедицию пошли все наши средства; нищие вернулись мы на Кубу, нищие и покрытые ранами. Да и то счастье! Могло быть и хуже. Ведь потеряли же мы одними убитыми более 70 человек. Вот и вся корысть от нашего „открытия“.

Губернатор же, Диего Веласкес, обо всем доподлинно написал в Испанию, к важным господам, руководившим тогда индийскими делами: какое де великое открытие он сделал, и сколь сильно на сие потратился. И ему поверили; епископ Бургоса, Хуан Родригес де-Фонсека, президент Индийского Совета, отписал в этом смысле королю во Фландрию, восхваляя заслуги Веласкеса. А о нас, открывших эту страну, он даже не помянул!

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

ЭКСПЕДИЦИЯ В ТАБАСКО.

Я с несколькими товарищами, тоже ранеными, остался в Гаване. Когда мы немного оправились, мы сговорились с местным жителем, Педро де Авила, вместе отправиться в город Тринидад.

За 10 дублонов он согласился нас взять в свою лодку, когда отправится туда с партией бумажной материи.

Плыли мы вдоль берега, то под парусами, то на веслах. Но однажды ночью поднялся сильнейший ветер, мы не смогли против него выгresti, и наше судно разбилось о береговые скалы. Пропал весь груз Педрода Авила, и мы, совсем нагие — мы разделись, чтоб лучше плыть и спасти лодку — с массой ссадин и кровоподтеков еле-еле взобрались на сушу.

Пришлось надеяться лишь на свое счастье и пешком направиться в Тринидад. Дорога шла берегом по острым камням, часто заливалась волнами, все время под напором ветра; как мы ни обкладывались листьями, но кожа наша лопалась и тело покрывалось мелкими язвами; особенно страдали ноги, и так как ни у кого из нас не осталось ножа, то мы камнями отбивали кору и лианами подвязывали ее в виде сандалий.

Наконец, совершенно изнеможенные, мы дошли до индейского поселка Иагуарама, принадлежавшего в то время патеру Бартоломео де лас Казас ¹⁾, тому самому, который потом был епископом Чиапским. Индейцы дали нам поесть, и через несколько дней мы пришли в Тринидад, где мой знакомый, Антонио де Медина, дал мне одежду, а другие добрые люди сделали то же с моими спутниками.

Без гроша и сильно ослабевши добрался я оттуда в Сан-Яго де-Куба, столицу губернатора Веласкеса, который как раз хлопотал по снаряжению новой экспедиции. Очень он мне обрадовался; ведь мы были сродни. И вот, в разговоре, он спросил меня: подлечился ли я настолько, чтоб вновь отправиться в Юкатан. „Эх, сказал я, лучше бы Вы эту страну назвали „Смерть одних, увечье других!“ „Ну, ответил он, не Вы первый, не Вы последний; так всегда бывает с открывателями новых стран. Но зато Вам будет и великая награда от короля, которому я все сие доподлинно опишу. А пока, сынок, примкни к экспедиции, которую я готовлю; почетное место тебе обеспечено“.

Эспедиция состояла из 4 кораблей; два наших, купленных на наши средства для прошлой поездки, и два приобрел Веласкес из собственной казны. Генерал-капитаном стал Хуан де Грихальва, родственник Веласкеса; начальниками других кораблей Педро де Альварадо, Франциско де Монтехо, Алонсо де Авила. Все они имели комменды на Кубе, и на их долю падало снабжение экспедиции хлебом и солониной; сам же Веласкес, кроме кораблей, давал арбалеты, мушкеты, безделушки для обмена.

Рассказы о солидных домах во вновь открытых странах и болтовня индейца Мельчорехо ²⁾ о массе золота, разожгли всех, кто не имел индейцев. Вскоре набралось

¹⁾ Знаменитый „Защитник индейцев“.

²⁾ Выше назван Мельхиором.

220 человек, горящих желанием отправиться в „богатую страну“. Каждый из них еще и от себя накупил провизии, оружия и всяких вещей для обмена.

Инструкция Веласкеса гласила: наменять сколь можно больше золота и серебра и, буде нужно, основать где-либо поселение. Контролером с нами пошел некто Пеньялоза из Сеговии, а Хуан Диаз — священником. Примкнули к нам и наши три пилота, во главе с Антонио де Аламинос, а имени четвертого что-то не припомню.

Корабли стояли на северном берегу Кубы, в гавани Матансас, где находились самые крупные склады хлеба и солонины, и где посему всегда назначался сборный пункт для солдат и матросов.

Оттуда-то мы, 5-го апр.¹⁾ 1518 г., и отправились, отслужив молебен. Через 10 дней мы обогнули мыс Гуанигуанико и еще через 8 дней мы увидели остров Косумель, к южной части которого нас и привело течение. На берегу виднелось селение, и капитан наш, Грихальва, высадился с значительным отрядом. В поселке мы не нашли ни души, ибо все жители, увидев корабли, бросились бежать. В скирдах изловили мы лишь двух стариков, которые не могли быстро двигаться, и наш капитан, при помощи Мельчорехо и Хульянильо, наших индейцев с Каточе, переговорил с ними. Дал он им зеленые бусы и, обласкав, отпустил, велев позвать „калациони“, т.-е. касика поселка. Но они так и не вернулись.

А пока мы ждали, пришла индианка, видная собой, говорившая по-ямайски; по ее словам — все туземцы ушли в горы. Многие из нас, и я сам тоже, понимали ее речь, сходную с кубанской, и мы удивлялись, как это она сюда попала. Оказывается, что она года за два выехала с Ямайки в большой лодке с 10 индейцами; хотели они ло-

¹⁾ 4 апр. была Пасха.

вить рыбу в соседних архипелагах, но течение унесло их в Косумель; их захватили, часть перебили, часть принесли в жертву богам. Узнав все это, наш капитан решил, что ее отлично можно послать для переговоров, ибо нашим двум индейцам он все же не доверял. Действительно, она вернулась на следующий день, никто из местных жителей не отважился прийти с нею.

Местность назвали мы Санта-Крус, так как прибыли туда не задолго до праздника Обретения Креста ¹⁾. Здесь было изобилие меда, маниоки, пататов ²⁾ и целые стада чудных мускусных свинок.

Видя, что ожидание наше ни к чему не приводит, Грихальва велел отправиться дальше. Индианка с Ямайки отправилась вместе с нами.

Шли мы в том же направлении, как и при Эрнандесе де Кордова, и через 8 дней прибыли к Чампотону, где индейцы так сильно побили нас, как я уже рассказывал. В виду мелководья, суда наши остановились на дальнем рейде, а мы, добрая половина всего отряда, хорошо снабженная арбалетами, пищалями и даже несколькими фальконетами, высадились на берег. Индейцы, в обычном своем вооружении, размалеванные белой и черной краской, уже ожидали нас, и по их нахальному поведению видно было, что они отлично помнят свою победу. Как ни осторожно мы приближались, но при высадке половина из нас уже понесла раны.

Зато на сухом пути мы себя показали! Против их стрел мы надели панцыри из хлопка, и хотя все же многие были ранены, — сам Грихальва тремя стрелами, да от камней потерял еще два зуба, — все же мы их опрокинули и проникли в их селение. Все оттуда бежали; мы перевязали

¹⁾ 3 мая.

²⁾ Картофеля.

наших раненых (всего 60) и похоронили убитых. В плен захватили мы троих, среди них одного знатного; капитан отпустил их, одарив бусами и бубенцами и наказав привести касиков. Но ... только мы их и видели! Думается, что Хульянильо и Мельчорехо нарочно переврали им наши приказания.

Четверо суток оставались мы здесь, и местность эта навсегда мне памятна массой саранчи. Во время боя она то и дело налетала на нас, и так как одновременно нас осыпал град камней и стрел, то мы саранчу тоже принимали за стрелы, а когда убедились в своей ошибке, то впали в еще большую: стрелы мы стали считать за саранчу, не закрывались щитами, и большой был нам от сего урон.

В дальнейшем плавании дошли мы как будто до устья большой реки. Но, оказалось, это не лиман, а великолепная обширная гавань, целый залив, глубоко входивший в материк. Аламинос, конечно, заявил ¹⁾, что это конец „острова“, почему на картах и получилось название Бока де Терминос („Устье Конца“). Три дня мы пробыли здесь. На берегу нашли храм из камня с множеством идолов. Думали мы, что недалеко поселение, но вся местность оказалась необитаемой. Очевидно, храм построен был проезжими купцами или охотниками, тем более, что там было множество рогов разных животных. Действительно, охота здесь была чудесная, и с одной лишь собакой мы в один день заpoleвали множество дичи. Собаке нашей так тут понравилось, что она сбежала, и лишь впоследствии, когда мы были здесь с Кортесом, мы вновь овладели ею: стала она вся круглая, так и лоснилась от жира.

Осторожно подвигаясь вперед, только днем, мы на третьи сутки дошли до устья большой реки, которую ту-

¹⁾ Ст. в. стр. 14.

земцы называют Табаско; мы же, по нашему капитану — рекою Грехальвы, как это и отмечено на морских картах.

Бросив лот, мы убедились, что два наших судна не могут пройти через барьер реки, а остальные, взяв лодки на буксир, двинулись вверх по реке.

На берегу виднелось такое множество индейцев, вооруженных совсем, как в Чампотоне, что крупное поселение — как это и оказалось на деле — должно было быть поблизости. К тому же по берегам поставлены были верши; из двух мы вынули рыбу и передали на главный корабль.

Не дойдя еще до поселка, мы отовсюду из леса слышали шум падающих деревьев: то индейцы устраивали засеки для борьбы с нами.

Итак, ясно было, что будет бой, и мы сами высадились на берег. Скоро к нам направилось около 50 лодок с воинами в полном боевом снаряжении, а множество других стояло еще вдалеке. Готовы были и мы встретить друзей, фитили дымилась и арбалеты были на изготове. Но сам бог надоумил нас попытаться вести дело миром.

Велели мы Хульянильо и Мельчорехо сказать начальникам, чтоб они без опаски пришли бы переговорить, что у нас для них такие сообщения, какие наверно их обрадуют; пусть лишь приходят, и мы их одарим прекрасными вещами. И вот, приблизились 4 лодки с 30 индейцами. Мы им показали нити синих бус, маленькие зеркальца и кораллы из зеленого стекла. Последние особенно обрадовали их, ибо они приняли их за камень „чалчиус“, который у них в великом почете.

Далее наш капитан, чрез толмачей, рассказал им, что мы пришли из далеких стран, что мы подданные великого государя по имени Дон Карлос (Карл V), что у того множество подвластных князей и касиков; пусть и они признают его господином, тогда много добра произойдет для них; а также пусть в обмен на стеклянные бусы дадут нам кур.

Отвечали два индейца: один — предводитель, другой — „папа“¹⁾. Припасы они нам готовы обменять, но господин у них уже есть, и удивительно, что мы, никогда не видав их, сразу же навязываем господина. Пусть мы не спешим воевать с ними, как в Потончане: все окрестные войны уже прибыли, и сейчас на месте уже два отряда, каждый по 8000 человек. Они отлично знают, что на-днях, в Потончане, мы уложили и ранили более 200 человек, но они куда сильнее жителей тех стран; вот почему они и готовы узнать наши намерения, о которых они сообщат всем касикам, собравшимся здесь со своими воинами.

Капитан наш обнял их в знак мира, дал им несколько нитей стеклянных бус и наказал вернуться поскорее с ответом, прибавив, что иначе мы в селение войдем силой, хотя обижать их не хотим.

Посланные, действительно, держали совет и порешили: быть миру. По обычаю же этих стран, для мира и доброй дружбы необходимы подарки. Вскоре посему прибыло 30 индейцев, нагруженных рыбой, курами, фруктами, майсовыми лепешками. Притащили также жаровни, чтоб всех „окурить“. Затем разложен был на земле бумажный платок, а на него они положили разные вещички из плохого золота: фигурки вроде уток, ящериц, три ожерелья из литых золотых бус — всего на 200 пезо, не более; а также несколько плащей и одежд, как сами носили. „Берите все это с благосклонностью. Больше золота у нас нет; зато к закату лежит страна, где его великое множество“. При чем они несколько раз повторяли Culba и Mexico, чего мы тогда не поняли.

Пусть самые подарки были ничтожны, все же мы радовались, что здесь есть золото. В ответный дар мы под-

¹⁾ Жрец; см. в. стр. 15.

несли им зеленых стекол. Затем мы решили немедленно двинуться дальше, ибо не только наши два судна были в опасности из-за северного ветра, но и мы сами должны же были отыскать страну, где, по уверению индейцев, золото было в изобилии.

На второй день мы увидали поселок, Агуаиалуко. Множество индейцев виднелось на берегу с копьями и щитами из черепахи, которые так блестели на солнце, что многие из нас приняли их сперва за золотые. Они выделяли разные маневры, но мы прошли дальше этой *Ia-Rambla*, (высохшее русло), как мы называли местность, и скоро дошли до реки, прозванной нами Сан-Антонио. Оттуда мы быстро дошли до большой реки Гуакасуалко, но не могли войти в лиман из-за противного ветра. Тут же открылись нам Снежные Горы (*Sierras Nevadas*), где снег весь год лежит на вершине, а ближе к берегу другая гора, которую мы называли Сан-Мартино, по солдату, который первый ее увидел. Педро де Альварадо, командовавший самым быстрым кораблем, первый вошел в реку, которая и носит его имя, и стал вести переговоры с индейцами из Тлакотальпа, но получил от них лишь рыбу. Мы же должны были смотреть издали и это вызвало большое недовольство, а Альварадо получил выговор за самовольные действия, и с тех пор все наши суда держались всегда вместе. Так прибыли мы к реке, прозванной нами рекой Бандерас („Флажков“), ибо на берегу стояла масса индейцев, на длинных копьях которых развевались белые флажки. Они звали нас сойти на берег. Это было ново и необычно.

Не знали мы еще тогда, что места эти принадлежали к державе великого Мотекусумы, повелителя города Мексики, подобно Венеции, построенной на воде. Его страна была вчетверо больше Испании, а власть была так велика, что все сокровенное было ему известно. Так знал он о нашем первом приезде при Эрнандесе де Кордова,

знал о битвах на Каточе и при Чампотоне, знал о нашем втором прибытии. Известно ему было, что нас малая горсточка и что охотнее всего мы берем золото за наши товары. Все это ему сообщили путем рисунков, исполняемых здесь на „maqueu“, из волокон агавы, вроде нашего холста. И вот, узнав о нашем дальнейшем пути к северу, он велел своим губернаторам обменять наши бусы, особенно зеленые ¹⁾, на золото, дабы узнать, куда же мы целим. Побуждала его к этому старая грозная легенда, что из моря с востока придут люди, которые овладеют всей здешней страной.

Итак, отряды могучего Мотекусумы приглашали нас к себе. Мы не сразу доверились и сперва отрядили две хорошо вооруженные лодки, всего 20 человек, под начальством Франсиско де Монтехо. Я тоже был прикомандирован, и мы при редкой здесь тихой погоде благополучно высадились. Нас ожидали три касика, из которых один был губернатор Мотекусумы, и множество индейцев стояли наготове с курами, маисовыми лепешками, фруктами и прочей снедью. Разостланы уже были циновки и нас пригласили сесть. Все это делалось знаками, ибо наш Хулианильо не понимал их языка.

Монтехо немедленно донес о всем капитану и тот решил произвести общую высадку. Ему оказаны были большие почести, сильно, очень сильно его „окурили“ смолой, похожей на ладан; он же отвечал не меньшими любезностями, дарил белые и зеленые бусы и знаками приглашал их нести золото в обмен на наши товары. Губернатор ихний распорядился, и вскоре из всех ближайших поселков стали тащить разные украшения, посредственной работы, но так много, что за шесть дней нашего пребывания мы наменяли на 15000 пезо слишком, хотя золото было низкопробное.

¹⁾ См. в. стр. 27.

Овладев страной во имя креста и его наместника на Кубе, Диего Веласкеса, мы заявили индейцам, что отправляемся дальше. Взяли мы также одного из них для языка; и, действительно, он потом крестился и уже после завоевания я его встречал в Санта-Фе, где он поселился.

Вскоре мы наткнулись на небольшой архипелаг и отправили лодку на разведки. На самом большом острове мы нашли несколько каменных домов, в которых по ступеням можно было подняться к какому-то подобию алтаря, на котором стояли отвратительные идола. Не далее как ночью им принесли в жертву пять индейцев; тела их, растерзанные, с вскрытой грудью и обрубленными руками и ногами, валялись еще здесь; стены были окроплены свежей кровью. С великим удивлением увидели мы все это, и острову дано было название острова Жертвоприношений (Isla de Sacrificios).

Высадились мы и на материк против острова, где на долинах расположились лагерем. И опять, как и на реке Бандерас, пришли индейцы для обмена, неся свое золото по тому же приказу Мотекусумы. Но приближались они к нам с опаской и не часто, а посему наш генерал велел идти дальше.

Остановились мы вновь на песчаном берегу и построили хижины высоко на деревьях, так как внизу не было мочи от москитов. Недалеко в море лежал остров, и сам капитан отправился с нами туда, где мы опять нашли храм и в нем 4 индейцев-жрецов с распущенными космами, в черных плащах. Только что они принесли в жертву двух мальчиков, рассекали им груди, вырвали им сердце в дар пакостному своему богу. Хотели они нас окурить, и хотя пахло как-бы ладаном, но мы не дались: очень уже потряс нас вид зарезанных мальчиков. Спросили мы нашего индейца Франсиско, зачем это сделано; но он еще мало понимал и лепетал лишь „Ulua, ulua“, и вот мы

назвали остров Сан Хуан де-Улуа, ибо имя нашего капитана было Хуан, а случилось это в день Иоанна (6 мая). Гавань здесь отличная и очень скоро пошла в ход; масса кораблей в ней потом исправлялась и все товары Мексики и Новой Испании здесь нагружаются и выгружаются.

Целых 7 дней пробыли мы на том берегу, несмотря на москитов, ибо дальше итти нам было нельзя. Хлеб наш заплесневел и вызывал тошноту, 10 человек умерло от ран, 4 были больны; для устройства колонии не хватило народа, и мы решили послать Веласкесу весточку о себе и попросить от него подкрепления. Послом избрали мы Педро де Альварадо, дали ему судно, которое немного протекало, чтоб оно кстати было исправлено на Кубе; отправили мы также все добытое золото и бумажные ткани, а также наших больных. Каждый из наших начальников написал, как кто мог, реляцию о всем случившемся, и корабль отправился на Кубу, к Веласкесу. А тот, оказывается, сам посылал уже корабли на поиски нас.

Все время он опасался за нас и снарядил небольшое судно с семью людьми итти по нашему следу; но тех настигла буря и они вернулись. Приезде Альварадо он искренно порадовался; когда же увидел золото, да еще в поделках, которые ему, на первый взгляд, показались очень ценными, его радости не было конца. Альварадо потом рассказывал, что Веласкес его то и дело обнимал и целовал, и что банкеты и турниры по сему поводу длились целую неделю. Слава о „золотой стране“ росла неимоверно не только на островах ¹⁾, но и в самой Испании.

Мы же, оставшиеся, по обыкновению продолжали наш путь вдоль берега. Так прошли мы горы Туспа и Туста, мимо множества селений теперешней провинции Пануко, пока не встали на якорь в устьях большой реки, которую

¹⁾ Антильских.

прозвали рекой Канотов. А дело было такое. Только что мы бросили якорь, как вдруг с реки понеслись на нас 16 больших канотов ¹⁾ и атаковали наше маленькое судно, стоявшее впереди других. От первого же залпа двое из наших были ранены, и индейцы стали перерубать канаты, желая взять нас на буксир. Три их лодки мы опрокинули, а тут подоспели и другие суда и добрая треть индейцев поплатились за дерзость, остальные же бежали, не очень-то радостно.

Но и мы сейчас же пошли дальше, пока не дошли до мыса с таким сильным течением, что никак не могли его обогнуть. Тут-то и порешили вернуться на Кубу. Причин было много. Штурман Аламинос предостерегал от дальнейшего следования, тем более, что один корабль, несколько раз напарывавшийся на рифы, дал сильную течь. Затем приближалось зимнее, беспокойное время. Припасы пришли к концу. Среди командиров шли раздоры: капитан наш, Хуан де Грихальва, непременно хотел основать поселение, а другие начальники были против в виду незначительности наших сил. Всем, наконец, надоело шатание по морю, и вот — мы повернули обратно, идя прежним путем, пока не дошли до реки Сан Антонио, в которую вошли, чтоб основательно исправить больное судно.

За это время перебывало у нас не мало индейцев, охотно выменивая припасы и золотые вещицы. У большинства из них были блестящие топоры из меди с расписными рукоятками. Нам и показалось, что они тоже из золота, и в течение трех дней мы наменяли их 100 штук, радуясь им не менее, нежели индейцы нашим стеклышкам. Один из матросов тайком выменял целых 7 штук, но другой товарищ донес на него командиру и ему пришлось их выдать в общую добычу. Впрочем, такие утайки были и

¹⁾ Индейские лодки.

раньше. Помнится, солдат Бартоломэ Прадо побывал в каком-то храме и взял оттуда идолов, курения, кремневые ножи, служащие для жертвоприношений и несколько ящичков с разными приношениями из плохого золота. Идолы он передал командиру, а золото оставил себе — и всего-то на сотню пезо; об этом узнал Грихальва, и плохо бы пришлось солдатику, если бы мы за него не вступились.

Да, чтоб не забыть. Здесь же я посадил, подле одного из храмов, несколько апельсиновых зернышек, припасенных мною еще на Кубе. Принялись они отлично, и после нашего ухода храмовые „папы“, вероятно, ухаживали за чужестранным растением, поливая его и оберегая от муравьев. Рассказываю я это потому, что это были первые апельсиновые насаждения в Новой Испании.

Вся эта провинция считалась, после завоевания, самой богатой и по почве, и ради рудников, и вследствие отличной гавани. Прекрасные здесь были пастбища, и самые видные конкистадоры ¹⁾ поселились здесь. Был и я там, и не упустил случая посетить свои апельсиновые деревья и даже пересадил их в свое поместье.

Индийцы с нами очень сердечно простились — рассказы Гомары и других писак о наших зверствах сущий вздор, — и мы на всех парусах пустились к Кубе.

Через 45 дней мы прибыли туда (15 ноября 1518). Веласкес принял нас отменно хорошо и радовался золоту, которого было еще на 4000 пезо, а с привезенным прежде ²⁾, значит, более 20.000. Когда же королевскую пятину ³⁾ захотели взять и с топоров, то оказалось, что все они позеленили, и все поняли, что это — чистейшая медь. Не мало было смеха и шуток по поводу нашей „выгодной“ мены!...

¹⁾ Завоеватели.

²⁾ См. в. стр. 30.

³⁾ См. в. стр. 11.

Все нравилось Веласкесу, недоволен он был лишь своим родственником, Грихальвой, вследствие нашептывания других командиров. И когда тотчас же начались хлопоты по снаряжению новой экспедиции, стали искать и нового для нее капитана.

А пока Веласкес послал одного из своих капеланов ⁴⁾, Бенито Мартинеса, в Испанию с докладом, письмами и образцами ценностей. Очень расположены были к Веласкесу господа из Индийского Совета, и сам епископ Фонсека, и его аудиторы, тем более, что Веласкес записал за ними ряд индейских селений на Кубе, а также золотые прииски. Теперь же не мало переправил он им золотых вещиц. Так было дело; а о пользе государя совсем забыли, тем более что сам он находился тогда во Фландрии.

И вот, за многие его заслуги и великие издержки Диего Веласкес получил высокое отличие — он стал аталантадо (наместником) Кубы, по собственному почину мог снаряжать экспедиции, завоевывать страны и основывать города. Впрочем, назначение это пришло уже тогда, когда Кортес со всем флотом готовился к отплытию.

⁴⁾ Духовн. лиц.

СНАРЯЖЕНИЕ КОРТЕСА.

Диего Велаксес немедленно начал снаряжение нового, большого флота. Десять судов было скоро собрано в гавани Сан-Яго: 4 наших, из прежней экспедиции, после основательного ремонта, и 6 других, собранных со всех концов острова. Началась и заготовка сухарей, хлеба, копченой свинины и проч. провианта. Дольше всего шли разговоры о главном начальнике. Один был хорош, да Веласкесу негод, ибо он мог от него отложиться; другие были верны ему, даже его родственники, но не любы нам, солдатам, ибо мы хотели лишь одного — нашего прежнего капитана, отважного и честного Хуана де Грихальва.

Так шел спор. Но вот потихоньку и понемножку два наперсника Веласкеса, его секретарь и его казначей, сговорились с Эрнандо Кортесом. Это был видный гидальго, сын Мартина Кортеса и Каталины Писарро, оба из древних, но бедных родов с Эстремадуры. У Эрнандо Кортеса была комменда на Кубе, и недавно он по любви женился на донье Каталине Суарес Пачеко. Секретарь и казначей ловко обладили дело, тем более, что Кортес обещал им хороший пай в добыче, а та должна была быть не мала,

так как Веласкес думал не столько об устройстве колонии, сколько о выгодном обмене. При всяком случае они говорили о различных качествах Кортеса, об его преданности Веласкесу, и вскоре Кортес был назначен генерал-капитаном всего предприятия.

Выбор этот одним понравился, других обидел. Помнится, как в ближайшее после назначения воскресенье, когда Веласкес с подобающей свитой шел в церковь и пригласил Кортеса занять место по правую руку, некий шут, Сервантес, подскочил к Веласкесу, состроил ему рожу и разразился насмешками. „Ну, дядя Диего, не плохого ты генерал-капитана состряпал! Славное произведение: оно тебя быстро перерастет! Прощайся с своим флотом! Дай-ка и я пойду с ним, а то с тобой, здесь, придется только плакать!...“ Ясно, что шута кто-то подговорил, но удивительно, как все сложилось именно так, как сказал шут...

А Эрнандо Кортес, после своего назначения, сейчас же стал скупать всяческое оружие и военные запасы. Не забывал он также товаров для обмена и всего прочего. Наконец, и собственную свою персону он вырядил авантажнее прежнего: на шляпу нацепил плюмаж, а также золотую медаль. Красивый он был малый!

Но денег у него было мало, зато много долгов. Комменда его была не плоха, да и индейцы его работали в золотых приисках, но все уходило на наряды молодой хозяйке. Впрочем, Кортес имел приятную наружность, тонкое обхождение и легко располагал к себе людей. Немудрено, что его друзья из купцов снабдили его суммой в целых 4000 пезо золотом, да еще дали, под залог комменды, множество товаров разных. Теперь Кортес мог себе заказать бархатный парадный камзол с золотым галуном, а также знамя с королевским гербом, крестами и латинской надписью.

С этим знаменем он и стал, чрез герольдов и глашатаев, производить вербовку во имя короля и его намест-

ника, Веласкеса, обещая всем долю в добыче, а после завоевания — коммунду с индейцами. Впечатление было громадное, и люди так и липли к вербовщикам. Сам же Кортес написал многие письма своим друзьям, приглашая их примкнуть к нему. И вот, многие стали продавать все свое имущество, чтоб купить оружие и лошадь; другие готовили провиант и все остальное, что полагается в подобных случаях. Таким образом, экспедиция наша уже в Сан-Яго дошла до 300 человек, и даже из самой свиты Веласкеса отозвались многие. Пошел, например, Диего де Орлас, домоправитель Веласкеса, может быть, по тайному приказу — блюсти интересы своего господина, ибо Веласкес уже начал недоверять Кортесу. Пошли и другие друзья, сотрапезники и сродственники Веласкеса, среди которых был и я.

Пока Кортес хлопотал о наилучшем снаряжении флота, его недруги, особенно обойденная родня Веласкеса, видевшая в назначении Кортеса обиду себе, не дремали. Как ни ловок был Кортес, как он ни старался говорить с Веласкесом только о великих ожидаемых прибылях и других приятных и лестных вещах, — охлаждение все нарастало, и умный секретарь посоветовал Кортесу ускорить отъезд.

Простился Кортес с молодой женой, послав ей извещение о своем отбытии и прося прислать прощальные подарки прямо на корабль, велел всему экипажу не сходять на берег, а сам, в назначенное время, в сопровождении лучших своих друзей и соратников, а также наиболее именитых жителей города, отправился к Веласкесу. Много тонких любезностей они друг другу наговорили и несколько раз облобызались. На утро же мы отстояли обедню, и на проводах был сам губернатор с многими рыцарями.

Через несколько дней мы прибыли в город Тринидад, где и высадились.

Нас встретили отменно. Множество народа толпилось на пристани, а местные гидальго завладели Кортесом и повели к себе; он же сейчас выставил свое знамя и начал вербовку, а также стал скупать все оружие и множество припасов. Примкнули к нему здесь все Альварадо целиком, известный уже нам Педро, затем Гонсаго, Гомес, Хуан и пр.; потом Алонсо де Авила, бывший начальником при Грихальве; Хуан де Эскаланте, Кристобал де Оли, некогда невольник на галерах, потом видный командир при взятии города Мексико и всех дальнейших завоеваниях, музыкант Ортис, Гонсало Мехиа и многие иные ¹⁾ — все люди видные и знаменитые.

Отсюда же Кортес написал письма в близкий город Сан-Спирито, и множество виднейших мужей прибыло к нему в войско. Мы все вышли им навстречу, во главе с Кортесом. То-то была радость; всюду слышались приветственные залпы, дружеские слова, уверения в преданности!... Тут же купили и лошадей, которых на Кубе в то время было мало и которые, посему, стоили неимоверно дорого. Не было у Алонсо Пуэртокарреро средств на покупку коня; сам Кортес купил ему таковую, срезав золотые галуны с недавно сшитого парадного камзола.

В это же время в Тринидад пришел корабль некоего Хуана Седеньо с грузом хлеба и солонины. Кортес не только сторговал у него весь груз, но и самого Седеньо уговорил примкнуть к экспедиции. Так получилось у нас уже 11 кораблей и все шло, как нельзя лучше.

Вдруг к Кортесу прибыл насторожайший приказ: сдать немедленно командование!...

Дело в том, что по нашем отплытии, недруги Кортеса так насели на Веласкеса, так его настрашали, что он не знал, куда деться. И секретарь, и казначей впали в не-

¹⁾ Берналь здесь, как и в других случаях, дает длинные перечни.

милость, а некий Хуан Мильтян, свихнувшийся старикашка, считавшийся за астролога, серьезно предостерегал Веласкеса: „Смотрите, он наверное Вас погубит, если Вы его не предупредите“. Вот и довели его до того, что он велел своему шурину, Франсиску Вердуго, бывшему в то время старшим алькальдом ¹⁾ в Тринидаде, во что бы то ни стало задержать отплытие флота, сместить Кортеса и передать команду другому. Тот же курьер привез письма к Диего де Ордас и другим приверженцам губернатора.

Но тот же Ордас повлиял на алькальда Вердуго — повременить со всем делом, да и вообще не разглашать его. Ибо он, Ордас, ничего подозрительного за Кортесом не замечал; да и отнять у него командование не так-то легко; слишком много здесь друзей Кортеса, слишком много врагов Веласкеса, которых он водил за нос с разными коммендами. Да и солдаты довольны Кортесом, и в случае чего весь город будет вовлечен в борьбу, разграблен, разгромлен...

Сам же Кортес, как ни в чем не бывало, воспользовался „окказией“ и послал Веласкесу почтительное письмо с просьбой не слушать наущников и старых дураков-астрологов.

Нам же всем Кортес велел привести оружие в порядок. Кузнецы всего города работали только на нас, изготавливая наконечники для пик и самострелов; а в конце концов, по уговору Кортеса, они все присоединились к нам.

Двенадцать дней пробыли мы в Тринидаде, а затем отправились в Гавану, причем Кортес всем нам дал свободно выбрать — идти ли морем или сухим путем, сквозь остров. Я, например, с 50 товарищами избрали сухопутье, к нам же примкнула и вся наша конница. Сам Кортес отправился морем, но ночью как-то отстал от эскадры.

¹⁾ Градским головой.

И вот, все до единого отряды собрались в назначенный срок в Гаване. Не было лишь Кортеса! Прошло целых пять дней, и мы стали опасаться, что он разбился подле Садов ¹⁾ недалеко от Гаваны. На поиски отрядили мы три мелких судна, но пока они прособирались, прошло почти два дня.

Наконец-то, на горизонте показался парус. Оказывается, Кортес действительно засел на рифах; пришлось выгружать корабль и с громадным трудом снять его с камней.

Радость была великая. Офицеры и солдаты окружили Кортеса и с триумфом повели в город. И опять Кортес выставил свое знамя, и опять начал вербовку. И опять потянулись к нему видные и отважные люди; и Франсиско де Монтехо, ставший впоследствии губернатором Юкатана и Гондураса, и Диего де Сото, и один из Пачеко, и один из Рохасов (но не Рохас Богатый!) и Хуан де Нахара (не Глухарь!) и многие другие.

Много нас собралось, и Кортесу приходилось все вновь и вновь думать об усилении провианта. Для сего он послал корабль к мысу Сан-Антонио, где находилось одно из владений Веласкеса, чтоб забрать там хлеб и солонину. Командиром назначил он Диего де Ордаса, так как тот в качестве домоправителя Веласкеса лучше всего мог распорядиться в его имении, а также и потому, что хотел его пока удалить под благовидным предлогом, ибо в отсутствии Кортеса Ордас повел было опять речь о замене генерал-капитана. Итак, Ордас должен был погрузиться в Сан-Антонио, а потом уже прямо итти к острову Косумелю, если по дороге не настигнут его иные распоряжения.

В Гаване же Кортес закончил и военное снаряжение. Вся наша артиллерия, именно 10 медных пушек и несколько фальконетов, были перевезены на сушу, и пуш-

¹⁾ Jardines — название шхер с богатой флорой.

карь Меса, левантиец Арбенга и некий Хуан Каталонец проверяли их и налаживали, а также заботились о должном количестве пороха и ядер. Столь же тщательно проверены были и арбалеты, снабжены свежей натяжкой и човыми машинками ¹⁾, а также испробованы на дальность и силу выстрела. Здесь же изготовили мы, в виду изобилия хлопка, ватные панцыри, отлично предохраняющие от ударов, стрел и камней.

В Гаване же Кортес впервые ввел у себя особый церемониал, как то полагается важным особам, назначив к себе домоуправителя, стольника и спальника.

Все теперь было приготовлено, и можно было пуститься в море. Но, дабы сохранилась память о них, хочу я еще перечислить всех коней, принимавших участие в этом великом предприятии. Сам Кортес владел темно-гнедым конем, павшим потом в Сан-Хуан де-Уллоа.

Педро де Альварado и Эрнандо Лопес де Авила совместно владели отличной гнедой кобылой, хорошо дрессированной и для турнира, и для битвы. По нашем прибытии в Новую Испанию, Альварado один овладел лошадей, либо силой, либо купив у Лопеса его долю.

Алонсо Эрнандес Пуэртокарреро имел чалую лошадь, отличного боевика; ее-то Кортес и выменял для него за галуны с парадной одежды ²⁾.

Той же масти была лошадь Хуана Веласкеса де Леон, могучая, огневая, страшная в бою; мы ее все звали „Краткохвосткой“ ³⁾... Хуан Седеньо из Гаваны взял с собой гнедую кобылу, которая ожеребилась в дороге. И считался этот Седеньо самым богатым среди нас. Да и шутка сказать: ему принадлежали и собственный корабль, и конь,

¹⁾ Для накручивания.

²⁾ См. в. стр. 39.

³⁾ С такой же обстоятельностью, любовью и своеобразным уважением Берналь описывает и всех остальных коней, всего 16 числом.

и негр, а также целый груз хлеба и соленой рыбы! А ведь в то время лошади, в виду их редкости здесь, были в страшной цене, да и негры были еще дороги.

Впрочем, нужно вернуться к Веласкесу. Узнав, что Франсиско Вердуго не только не лишил Кортеса командования, но, вместе с Диего де Ордас, всячески потворствовали ему, он от злости взревел точно бык. Отправлены были гонцы к Педро Барба, вицегубернатору в Гаване, чтоб он задержал флот, арестовал Кортеса и доставил бы его в Сан-Яго. Но ничего не вышло. Тот же гонец привез письмо и патеру Ольмеда, духовнику нашего флота, и от него Кортес узнал, как обстояли дела. К тому же Ордас, как мы знаем, отсутствовал, и все остальные, не исключая и вицегубернатора Барба, тем теснее примкнули к Кортесу. Все мы за него жизнь бы отдали. Никаких поэтому повелений Веласкеса здесь тоже не опубликовали, а Барба написал, что захватить вождя среди преданной ему армии — бессмысленное и опасное предприятие: весь город поплатился бы за подобную попытку. Написал Веласкесу письмо и сам Кортес в выражениях деликатных, на что он был мастер, а кстати доносил, что на следующий день он выходит в море ¹⁾.

¹⁾ 10 февраля 1519 г.

МОРСКОЙ ПЕРЕХОД.

На острове Косумель все должны были встретиться: и Ордас, раньше туда посланный, и Альварадо, который с 60 человеками — среди них был и я — отправлен был вперед, и весь остальной флот.

Мы с Альварадо счастливо прибыли и высадились; но местные жители все ушли в леса; то же сделали они и в следующем селении, хотя и не успели захватить с собой весь свой скarb. Альварадо разрешил нам взять сорок, но не более, кур, а кроме того, мы из одного местного храма унесли старые бумазейные коврики, да несколько коробок с разной мелочью из очень плохого золота. Забрали мы также двух туземцев и одну женщину.

Но как только прибыл Кортес и убедился, что поселки пусты, и что мы нахватили кур и храмовой мелочи, он дал сильнейшую отстрастку Альварадо и нам: угоном людей и отнятием имущества плохо утверждается дело мира. Сейчас же он велел привести пленников, спросил их чрез Мельхорехо (другой наш толмач, Хуанильо, к тому времени уже умер), вернул им все вещи, кроме съеденных уже кур, одарил их и велел привести касиков и остальных жителей.

Так это и случилось. На другой же день вернулись все, с женами и детьми, и так доверчиво отнеслись к нам, точно всю жизнь нас знали. Впрочем, Кортес издал строжайший приказ ничем нигде их не обижать.

Впервые здесь Кортес проявил свою энергию, и дело его и здесь и далее росло и крепло: умел он расположить к миру туземные народы.

Тут же, на острове, произведен был и окончательный подсчет наших сил; оказалось — 508 человек, не считая 109 моряков и 16 коней, добрых и хорошо обученных; арбалетчиков было, если не ошибаюсь, 32, а мушкетеров 13, несколько крупных пушек и 4 фальконета. Затем тщательно проверены были еще раз все припасы, особенно военные.

Кортес же, от глаз которого ничто не могло скрыться, позвал меня и еще другого участника экспедиции де Кордова и стал спрашивать, что, по нашему мнению ¹⁾, подразумевали индейцы на побережье Кампече, когда произносили свое „Castilan“. Мы снова ему рассказали все подробно и он заявил: „Думаю, что среди них жили или живут испанцы; нужно бы спросить здешних касиков“. Так мы и сделали. Оказалось, что действительно в глубине страны, в двух днях хода от побережья, имеются два испанца в положении рабов. Кортес сейчас же написал им письма, присоединив, по указанию касиков, разные вещи для выкупа, и те понесли их, щедро одаренные. Вместе с ними отправил он и Диего де Ордас с командой в двадцать человек, повелев в течение недели ждать на мысе Каточе.

Индейцы скоро розыскали обоих несчастных, но лишь один из них пошел к своему господину, передал ему свой выкуп и был отпущен; другой же, несмотря на все уговоры

¹⁾ См. в. стр. 14 и 16.

товарища, так и остался у индейцев, так как женился, наплодил детей и занимал довольно видное положение. Когда же Херонимо Агуилар, так звали спасенного, вместе с индейцами прибыл на Каточе, то... Ордаса уже не было! Продав лишних два дня, он уехал обратно!

Сильно разгневался Кортес, тем более, что в лагере были и другие неприятности. Так, один из солдат обвинил нескольких матросов, что они у него украли несколько полотей сала; те отрицали это и даже дали страшную клятву; и вот—украденое все же оказалось среди их вещей. Виновных было семеро и Кортес, несмотря на заступничество командиров, жестоко наказал всех до единого...

Остров Косумель был как бы местом паломничества для всей округи: из Юкатана отправлялись сюда целые толпы, чтоб принести жертву в местном храме и послушать, что скажет старый жрец, говоривший какие-то проповеди. Кортес распросил Мельхорехо о содержании этих речей; оказалось, что нет в них ничего, кроме ужасающего суеверия. Тогда Кортес велел собрать знатнейших жителей, а также жрецов, и самолично обратился к ним с речью, что пора де отказаться от идолов, ибо те не божества, а бесы, которые их здесь морочат, а на том свете прямо поведут в ад с его муками; пусть лучше заменят идолов крестом и изображением богородицы—это им поможет всячески, даст изобилие плодов, мир и покой, а также и жизнь вечную. Так и многое еще иное, столь же прекрасное, рассказал Кортес о святой нашей вере. Касики же ответили: „Нет, не хотим отказаться, ибо это—боги наших отцов, и боги хорошие; смотрите, как бы вам не поплатиться, когда вы войдете в открытое море!“

Не испугался Кортес этих угроз, а, наоборот, разгневался пуще: идолы были сброшены с алтарей и разбиты вдребезги. Затем индейцы-каменщики должны были по-

строить новый, очень красивый алтарь, на который и был поставлен образ богородицы, а двое наших плотников, Алонсо Ианес и Альваро Лопес, соорудили великолепный новый крест. Наш священник справил обедню, а касики и прочие индейцы с большим вниманием присматривались ко всему. Чрез несколько дней мы вышли в море, наказав жителям весьма и весьма беречь алтарь и украшать его свежими ветками. Но вскоре же нам пришлось вернуться, ибо один из кораблей, груженный как раз нашим хлебом, стал давать тревожные сигналы. Кортес очень обеспокоился, велел всем повернуть, и поврежденный корабль счастливо добрался до Косумеля. Индейцы прекрасно помогали при перегрузке, а также исправлении корабля, а алтарь наш был не только цел и невредим, но его еще тщательно и окуривали.

Лишь через четыре дня мы могли опять двинуться в путь, и за это время к нам примкнул Агуилар, находившийся в рабстве на Коточе. Именно, узнав, что мы вернулись, он нанял лодку с 6 гребцами и благополучно прибыл на остров. Их приближение увидели наши солдаты, отправившиеся на охоту, и сейчас же доложили Кортесу. Тот послал разведчиков, которые подтвердили, что большая лодка с семью индейцами пришла с материка. Агуилара они приняли тоже за индейца и лишь когда он на ломанном испанском языке произнес „бог, святая дева, Севилья“, то поняли — кто он, и один из солдат стремглав понесся к Кортесу, надеясь за эту радостную весть получить изрядный подарок.

Но вот их всех привели. Где же наш земляк? Никто его не мог признать, ибо его и без того темная кожа стала совсем, как у индейцев, волосы его были острижены, как у местных рабов, на плече он нес, как и они, весло, а одежда, какая-то рвань, покрывала его столь же мало, как и остальных. Не признал его и Кортес, пока тот

не вышел, преклонившись пред ним совсем по-индейски. Щедро его одарили одеждой и всем необходимым, а затем он должен был рассказать о своих похождениях. Говорил он, все еще путая испанское с индейским.

Лет восемь тому назад они, целой компанией, всего 15 мужчин и две женщины, ехали из Дарии ¹⁾ на остров Сан-Доминго. Корабль напоролся на рифы и пришлось спастись на лодке, но они потеряли направление, и море выбросило их на эти берега, где попали в плен и были поделены между касиками. Большинство было принесено в жертву, другие, между прочим, обе женщины, умерли с горя. Сам он, Агуилар, совсем изнемогший от растирания хлеба между двумя камнями, тоже предназначен был для жертвы, но сбежал и попал к далекому касику, где и остался рабом. В живых сейчас лишь еще Гонсало Гэрреро, который, однако, отказался вернуться к своим. Ведь у него жена-туземка и трое крепких ребят; сам он стал совсем индейцем — пронзил себе уши и нижнюю губу, изрезал щеки, раскрашивает тело. Гэрреро — силен и пользуется большим уважением, особенно в минуту опасности; так он, около года тому назад, когда на Каточе появились три корабля с испанцами ²⁾, стал как бы военачальником, советовал не мириться и дать пришельцам боевой отпор. Как ни уговаривал его теперь Агуилар, Гэрреро не соглашался бросить семью, но и с собой ее брать не хотел. Да и жена его набросилась на „раба“, который соблазняет семейного человека. „Даже когда я“, продолжал Агуилар, „сказал ему, что нехорошо из-за индейской бабы продать свою христианскую душу, то и это не подействовало“.

О многом его еще расспрашивал Кортес, но тот не многое знал, ибо в качестве раба жил лишь на одном

¹⁾ На „Материке“ (Terra Firma).

²⁾ Экспедиция Эрнандеса де Кордова.

месте, и мало, что видел. Зато язык индейцев он знал в совершенстве, чем очаровал жителей Косумеля, которые верили ему больше, нежели Кортесу. По его совету, напр., они испросили у Кортеса охранное письмо, чтоб другие испанцы, буде они придут, не грабили их.

Исправив повреждения, мы направились, — это было 4 марта 1519 г. — прямо к реке Грихальва.

Особых приключений не было. Погода, если не считать одной бурной ночи да сильных противных ветров, все время была хороша. Флот наш, поэтому, шел дружно, и когда какой-либо корабль отставал или пропадал, его немедленно отыскивали, часто в том самом месте, какое указывал главный наш пилот, часто упоминаемый Аламинос. При таких поисках мы, между прочим, открыли мыс с 4 храмами, наполненными колоссальными женскими изображениями, почему мы и дали название Мыс Женщин ¹⁾; Агуилар при этом заметил, что отсюда до его прежнего господина — рукой подать, да недалеко и до Гэрреро, и что местное население имеет кое-какое золото, и что он готов нам служить проводником. Но Кортес лишь улыбнулся, сказав, что отправились мы не за пустяками, а надеясь послужить богу и королю.

Не остановились мы и в заливе Терминос ²⁾, куда послали лишь быстроходное судно, чтоб выведать — удобно ли место, как это и оказалось в действительности, для основания колонии. Кстати, здесь к нам пристала и наша собака ³⁾, жирная и лоснящаяся, весьма обрадованная нашим появлением.

Не могли мы, из-за ветра, остановиться и на Потончанском побережье, где так сильно побиты были и де Кордова, и Грихальва. Кортес намеревался здешним жителям

¹⁾ Punta de las Mujeres.

²⁾ См. в. стр. 26.

³⁾ См. в. стр. 16.

преподать не плохой урок, да и многие из нас горели желанием мести. Но ждать попутного ветра было некогда, и мы поспешили дальше.

Уже 12 марта мы подошли к Табаско, она же река Грихальвы. Не мало мы удивились, что весь берег был покрыт вооруженными, тысяч двенадцать. Оказывается, что другие племена, из Потончана и с мыса Сан-Антонио, глумились над жителями могучего Табаско, что они нас, при Грихальве ¹⁾, встретили подарками, а не копьями. Напрасно, поэтому, Агуилар, хорошо понимавший их язык, уверял их, что мы пришли с добрыми намерениями и готовы их одарить из своих припасов. В ответ они требовали лишь, чтоб мы не высаживались, иначе они всех нас перебьют.

Так как более крупные суда, как мы уже знали, не могли войти в устье, Кортес велел им встать на рейде, и мы высадились на лодках и мелких судах. На следующий день Кортес разделил войско на двое: Алонсо де Авила с сотней людей должен был пойти в обход и, в случае сражения, напасть на врага с тыла; Кортес же с остальными стал подниматься вверх по реке.

Индейцы усеяли оба берега, всюду сновали их лодки, по здешнему „пироги“, отовсюду неслись звуки барабанов, писк дудок, рев больших раковин. Мы подошли совсем близко, но Кортес не велел еще стрелять, ибо хотел все выполнить по форме, чтоб не могли нас упрекнуть. Посему выступил королевский нотариус, который, при посредстве Агуилара, торжественно объявил, чтоб они дали нам беспрепятственно забрать свежей воды, а кстати сообщил им самое главное о нашем боге и нашем государе, и что, если они нас атакуют, то вина за убийство падет на них...

¹ См. в. стр. 27.

Но индейцы остались при своем и, окружив нас бесчисленным множеством пирог, сомкнутой массой двинулись вперед. Много мы понесли ран, и трудно было сражаться, ибо зачастую мы стояли по пояс в воде, а дно было илистое или скользкое. Сам Кортес при этом потерял одну из своих веревочных туфель, которая застряла в донной глине. Но вот стало мельче, а там мы и совсем вышли на берег и с таким неистовством обрушались на врага, что опрокинули его. Впрочем, он не бежал, а засел недалеко в свежестроенных засеках, а когда мы его выбили и оттуда, битва продвинулась к самому селению, где каждая улица была забарикадирована. Тут-то и ударил на них Авила с другой стороны, враг дрогнул, но все же отошел в порядке. Хорошо они бились с своими деревянными пиками, концы которых были закалены на огне! Хорошо и стреляли!

Овладев городом, Кортес по всей форме, как то полаглось, объявил страну сию владением нашего государя. Мечом своим он трижды ударил в большое дерево, росшее во дворе большого храма, причем громогласно заявил, что мечом и щитом, и всей своей мощью он готов защитить новое владение против всякого, кто будет его оспаривать. А мы все громко свидетельствовали правильность акта и принесли клятву помочь ему всегда и всюду. Королевский нотариус все это чистенько записал в протокол. Сторонники Веласкеса, впрочем, были недовольны, так как о нем не сказано было ни слова.

Всего в битве мы имели 14 раненых, и сам я получил стрелу в бедро; индейцев на поле сражения осталось 18.

Ночь провели мы в совершенно пустом селении, а на следующее утро Кортес послал три отряда, каждый по 100 человек, для разведки во внутрь страны. Одним командовал Педро де Альварадо, и толмачом у него должен был быть Мельчоре, но... его нигде не нашли. Зато заме-

тили его платье, развешенное на опушке леса. Измена эта сильно разгневала Кортеса, тем более, что беглец мог сообщить врагу о многих наших слабостях.

Плохо пришлось бы одному из отрядов, если бы случайно оба других не наткнулись на битву. Потери были большие—одних убитых 5 человек; правда, индейцы потеряли 15 убитыми и трое, из них один знатный, попали в плен.

Когда Агуилар спросил их, почему они так осмелели, те ответили, что ночью к ним перебежал Мельхорехо и посоветовал не прекращать атак ни днем, ни ночью, ибо нас мало и мы в конце-концов будем наверное уничтожены. Итак, опасения Кортеса относительно изменника сбылись полностью!

Одного из пленных мы отослали с подарками и предложением мира. Но он не вернулся и ответа не было. Зато от двух остальных мы узнали, что совет вождей еще накануне решил напасть на наш лагерь.

Кортес, поэтому, приготовился к битве, в которой участвовать должны были все, даже и раненые. Свезли на берег и наших коней. После долгого морского пути они плохо себя чувствовали, неловко и неуверенно выступали, но уже на следующий день вполне оправились и приобрели прежнюю силу и ловкость. В качестве всадников Кортес избрал 13 человек, устранив некоторых из владельцев, которые были неважными наездниками. Так, кони музыканта Ортиса и некоего Гарсиа отошли к Франсиско де Монтехо и Алонсо де Авила. Сам Кортес встал во главе конницы. Артиллерией заведывал Меса, а все остальные были под начальством Диего де Ордас, прекрасного знатока пешего строя.

В день благовещения ¹⁾, ранним утром, после краткой мессы, мы, в боевом порядке, двинулись вперед, в напра-

¹⁾ 25 марта.

влении к поселку Синтла, где скучились враги. Произошла битва, настоящая битва, одна из самых страшных на моей памяти.

Число неприятеля было так велико, что на каждого из нас приходилось сотни по три, и все окрестные поля кишели людьми. Как бешеные псы, набросились они на нас, и с первого же натиска 70 человек было ранено, а один из наших, Салдана, пал мертвый, пронзенный стрелой в ухо. Впрочем, и мы изрядно отбивались, и выстрелами, и холодным оружием, так что враг несколько отошел, предполагая, что мы его достичь не сможем, а он нас будет расстреливать неустанно. Но наш Меса взял их отлично на прицел, и артиллерия могла бить по ним, сколько душе угодно. Тем не менее, они не дрогнули, и как я ни советовал произвести атаку, зная по опыту, что им не выдержать наших клинков, Ордас все медлил...

Никогда не забуду адского шума, свиста и крика при каждом нашем выстреле; буду всегда помнить, как они с заклинаниями бросали вверх землю и солому, как они делали вид, что не замечают своих потерь. Таким образом Кортесу удалось с конницей подойти незаметно. Долго мы его ждали, но он был задержан то толпами местами, то сражением с крупным отрядом, причем было ранено 5 всадников и 8 лошадей. Теперь же он, наконец, нагрянул с тыла и маленький отряд его произвел чудеса, тем более, что и мы перешли в наступление. Никогда еще индейцы не видали лошадей, и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное. Вот тут-то они и дрогнули, но и то не побежали, а отошли к далеким холмам.

С великой радостью бросились мы на землю, в тень, чтоб немного успокоиться и отдохнуть, затем все вместе возблагодарили бога за победу. Был, как я уже сказал,

день благовещения, и вот называли мы этот городок св. Мария Победная ¹⁾).

Лишь потом принялись мы за перевязки ран: людям пришлось их соорудить из платков; лошадей мы пользовали жиром, вытопленным из тел павших индейцев. Много их пало; более 800 покрывали поле битвы, и среди них многие еще не совсем померли. Большинство погибло от наших мечей и пик, многие от артиллерии; но больше всего поработала конница. Пятерых мы захватили живьем, среди них двух касиков.

Голодные и измученные, вернулись мы в лагерь, похоронили наших двух убитых (еще другой был сражен наповал стрелою в горло), выставили сторожевую охрану, поели, а затем завалились спать.

Такова была первая битва Кортеса в Новой Испании, и длилась она более часа.

Иначе она описана у Гомара ²⁾. По его словам, вместе с Кортесом, и даже раньше его, прискакал не Франсиско де Морла на своем сером в яблоках, а сам апостол-хранитель св. Яков. Конечно, все наши победы исходили от Христа, да иначе нам бы не сдобровать, ведь брось каждый из врагов лишь по горсти земли на нас, мы были бы похоронены под земляным холмом. Конечно, божье милосердие все время поддерживало нас и возможно, что послан был сам апостол Яков. Возможно, что я, великий грешник, не сподобился узреть апостола и видел лишь Франсиско де Морла. Но почему же никто другой из нас, участников, не заметил этого! Неужели мы, в виду чуда, не построили бы церковь св. Якову, боясь навлечь на себя его немилость. Но дело было не так. Не мы плохие христиане, а Гомара — плохой писака.

¹⁾ Santa Maria de la Vitoria.

²⁾ Франциск Лопес де-Гомара дал (1559) первое описание завоевания Новой Испании.

Долго обрабатывал наших пленных Агуилар, выясняя им, почему мы, победители, хотим мира. Наконец, двоих из них можно было послать к крупным вождям и касикам. Что они сказали, мы не знаем, но вскоре присланы были 15 рабов в драной одежде и с измазанными лицами, принесшие кур, печеную рыбу и маковые лепешки. Кортес принял их милостиво, но Агуилар был недоволен: зачем рабы, а не знатные, если уже хотят мира, а не войны. Тем не менее, с ними ласково обошлись и отпустили с подарками. Вот тогда, на следующий день, прибыли уже 30 видных туземцев с множеством припасов, прося о разрешении собрать и сжечь павших, чтоб они не заражали воздух и чтоб их не растащило зверье. О мирных переговорах они не хотели толковать, так как в их большом совете дело это еще не порешено.

Вот тут-то Кортес, не упускавший из вида ни одной полезной мелочи, сыграл следующую штуку. Помня, какой ужас объял индейцев при виде коней, и предполагая, что они думают, будто и кони, и пушки сами ведут с ними борьбу, он хотел в них укрепить это мнение. Заранее велел он поставить в определенном месте самую большую нашу пушку и зарядить ее двойной порцией пороха и увесистым ядром, а также тайком поместить кобылу Хуана Седенью, проведя несколько раз подле нее жеребца музыканта Ортиса, очень горячего. Когда опять пришла целая толпа касиков в богатых одеждах и с многими поклонами, Кортес принял их с нахмуренным челом, заявляя, что терпение наше истощается, что лишь с трудом он мог удержать своих от полного истребления всех здешних жителей, что особенно трудно удержать неистовых *terupstli* — так индейцы называли наши пушки — и столь же грозных коней. И в этот же момент, по тайному знаку Кортеса, грянул громоподобный выстрел и ядро со свистом понеслось по побережью, срывая вершины песчаных холмов. Испу-

гались касики и уверовали, что слова Кортеса — сущая правда. А когда в это же время подведен был жеребец и, учуяв спрятанную подругу, громко заржал, стал дыбиться и рваться вперед к палатке, где стояли касики, они убеждены были, что он рвется именно к ним, и испугались еще пуще. Кортес сам усмирив коня, а затем успокоил и вождей. Они ушли с уверенением, что завтра же придут в полном составе и с подарками.

Действительно, явились все касики со всего Табаско; это был один из последних дней марта месяца. Приблизились они с большим почтением, неся подарки в виде корон и различных животных из золота. Количества точно не помню, но оно было не велико, да ведь мы теперь отлично знаем, что вся эта провинция небогата металлом. Зато привели они с собой 20 молодых женщин и среди них исключительную красавицу, дочь могущественного касика Пайналы, претерпевшую много бед, та самая, которая по принятии христианства получила имя: донья Марина.

Кортес ласково принял подарки, но заявил, что приятнее всего для него, если они распорядятся, чтоб все жители, с женами и детьми, в двухдневный срок вернулись на прежние места. Вот тогда он поверит, что они истинно хотят мира.

Действительно, скоро все вернулись на свои пепелища. Даже больше: когда Кортес пожелал, чтоб они отстали от своих идолов и человеческих жертв и, через Агуилара, преподавал им ряд христианских истин, они охотно согласились. Показал он им при этом икону богородицы с бесценным ее сыном на руках и объяснил, что этому святому изображению мы и поклоняемся. Касики же ответили, что великая *teclicignata*, т.-е. госпожа по ихнему, очень им нравится и они охотно оставят ее у себя. Вот тогда и был воздвигнут алтарь для нее, а наши плотники изготовили еще высокий красивый крест.

Узнав из разговоров с касиками, что причиной трижды возобновленных военных действий было не только глумление касиков Чампотона, но и науськивание нашего беглого толмача, Кортес потребовал его выдачи. Они же ответили, что он пропал и нигде его нельзя сыскать. Но это было не так: бедняга здорово поплатился за свои советы — после неудачной битвы его схватили и принесли в жертву богам.

На вопрос же, откуда у них берется золото, они указывали на Закат, произнося все время „Culua“ и „Mexico“, значения которых мы тогда еще не понимали.

По сооружении алтаря отслужили мы торжественную мессу, при которой присутствовали все касики и множество туземцев. Тогда же мы, с великим церемониалом, переименовали город в Санта-Мария Победная. И тогда же патер Ольмедо произнес прекрасную речь об утешениях нашей святой веры и о мерзостях язычества, после чего все двадцать подаренных нам женщин и были крещены. Это были первые христиане в самой Новой Испании, и Кортес разделил их между командирами. Донья Марина, самая красивая, умная и расторопная из всех, досталась Алонсо Эрнандесу Пуэртокарреро, славному, знатному воину. Когда же впоследствии он отбыл в Испанию, сам Кортес взял ее к себе и их сын, Дон Мартин Кортес, был потом командором в Сан-Яго. Но и до того Кортес всюду брал ее с собой в качестве удивительной переводчицы, и была она нам верным товарищем во всех войнах и походах, настоящим божьим подарком в нашем тяжелом деле; многое удалось нам свершить только при ее помощи. Понятно, что она имела громадное влияние, самое громадное во всей Новой Испании, и с индейцами могла делать, что хотела.

Еще пять дней пробыли мы здесь и все это время Кортес поучал касиков насчет величия нашей родины и

ее государя. И пожелали они все стать верными вассалами; и это были первые подданные в Новой Испании.

Справив вербное воскресенье ¹⁾, мы на следующий день вышли в море, следуя по прежнему пути Грихальвы, причем мы, уже бывшие здесь, рассказывали Кортесу про Ла-Рамбла ²⁾, берег Сан-Антонио, реку Гуакасуалко, Снежные горы, про реку Бандерас, где мы тогда получили золота на 16000 пезо, остров Жертвоприношений и т. д.

Нигде мы не останавливались, и уже в великий четверг ³⁾, около полудня, мы подошли к Сан Хуан-де-Улуа.

Не забуду я разговора между Алонсо Пуэртокаrrеро и Кортесом. „Вот она, богатая страна!“ воскликнул первый и продекламировал отрывок из старой рыцарской песни. Кортес в тон же ответил: „Даст бог нам счастье Роланда, непобедимого паладина, то с вашей и других рыцарей помощью, не миновать нам удачи!“

¹⁾ Для 1519 г. — 17 апреля.

²⁾ См. в. стр. 29 и след.

³⁾ Т.-е. 21 апреля.

ПОСЛЫ ИЗ МЕКСИКИ.

Не прошло и получаса, как Аламинос велел на тихом месте бросить якоря, как от берега отчалили две большие пироги с множеством индейцев, держа курс прямо на корабль Кортеса, откуда развевался большой адмиральский флаг. Без всякой опаски они взойшли на палубу и спросили, где tlatoan, что по ихнему значит „повелитель“. Донья Марина указала им на Кортеса, они к нему подошли с многими поклонами и иными знаками почтения, как то требует индейский церемониал. Они приветствовали его от имени Мотекусумы, своего господина, который хочет узнать, кто мы и что мы намерены делать в его стране. Если у нас в чем-либо недостаток, они сейчас готовы его восполнить.

Кортес, с своей стороны, поблагодарил их за учтивость и готовность помочь, велел их угостить едой и питьем, а также одарил их синими стеклянными бусами. А потом сообщил, что они прибыли, чтоб ознакомиться с этой страной и завязать торговый обмен. Дурного мы не помышляем, посему опасаться нас нечего.

Послы уехали удовлетворенные, а Кортес сейчас же выгрузил артиллерию и велел ее поставить в наиболее

выгодную позицию. Построен был также алтарь и отслужена месса. Для Кортеса и остального начальства воздвигнуты были бараки-клетушки из ветвей; мы же, солдаты, по-трое соорудили себе хижины. Хорошо помещены были и лошади.

Так прошла вся великая пятница, а на следующий день прибыло множество индейцев, которых послал губернатор Мотекусумы. С собой они принесли множество припасов, между прочим, слив, которые как раз поспели, а также умело и расторопно помогли нам достроить хижины. Кортесу, они объявили, что завтра прибудет и сам губернатор.

Действительно, в светлый праздник ¹⁾ прибыл с большой свитой сам Тендиле, так звали губернатора, и еще один важный сановник. С поклоном на индейский манер приблизились они к Кортесу, и затем поклонились и нам, стоявшим подле. Кортес приветствовал их, обнял, а затем пригласил отстоять мессу, после чего была торжественная трапеза. Затем начался разговор. Кортес сообщил, что мы христиане и подданные величайшего монарха в мире; по его велению мы прибыли в эту страну, о которой, как и о ее великом властителе, наш государь уже давно и много слышал; посему он и хочет подружиться с Мотекусумой, и Кортес сообщит ему многое, что, несомненно, сильно ему понравится. Но для всего этого ему, Кортесу, нужно знать, где проживает Мотекусума, чтобы лично его приветствовать.

Тендиле ответил довольно высокомерно: „Ты только что прибыл, а посему правильнее было бы не требовать сейчас свидания с нашим повелителем, а сперва принять подарки, какие он посылает, а затем уже передать свои желания мне“. При этих словах он из деревянного ларя стал вынимать множество драгоценностей, одну за другой, из прекрасного золота и чудесной работы; затем более

¹⁾ Для 1519 г. — 24 апреля.

20 штук ткани из белоснежной бумазеи или очаровательно пестрых птичьих перьев; наконец, еще массу других ценных вещей, не говоря о съестных припасах, нагроможденных горами.

Все это Кортес принял с изяществом и веселой простотой, и, с своей стороны, одарил пришедших гранеными стеклянными самоцветами и другими блестящими вещами. Предложил он также, чтоб местным жителям было объявлено: стекаться на обмен с нами, ибо у нас есть много вещей, которые мы охотно уступим за золото.

Тут же он велел принести парадное кресло с инкрустацией и росписью, несколько кусков марказита ¹⁾, завернутые в дорогие надушенные платки, нитку граненых стеклянных брильянтов, кармазинную шапку с золотой медалью и изображением победы конного Георгия над драконом. На этом де кресле пусть Мотекусума примет его, Кортеса, обернув волосы бесценной блестящей нитью. Все это — подарки великого нашего государя. Спрашивается лишь, где и когда можно будет предстать пред самим Мотекусумой.

Тендиле принял подарки и ответил, что Мотекусума, сам великий монарх, несомненно обрадуется вести о другом великом кесаре, а посему он немедленно отправит ему подарки и передаст его ответ.

Тендиле привел с собой ряд искусных художников, каких много в Мексике. Быстро и ловко изобразили они черты, всю фигуру и даже одежду Кортеса и всех остальных начальников, затем солдат, корабли, лошадей, донью Марину и Агуилара, даже наших двух собак, затем орудия, ядра — словом, все, что они видели у нас. Все эти рисунки были также отправлены к Мотекусуме.

Чтоб дать им надлежащее представление о нашей жизни, Кортес велел палить из пушек, а также устроить

¹⁾ „Железный камень“, серный колчедан.

кавалерийскую атаку. Выстрелы очень испугали индейцев, но, оправившись, они велели... зарисовать и их! Тут же увидели они на одном из наших солдат каску с позолотой. Тендиле заявил, что каска похожа на тот древний шлем, какой надет на их боже войны, Huitzilopuchtlі, и Мотекусума несомненно обрадуется, ежели сможет увидеть эту драгоценность. Кортес немедленно передал каску, выражая желание узнать, похоже ли их золото на наше: ежели они вернут каску, наполненную золотым песком, он охотно перешлет его нашему императору.

Тендиле откланялся, и Кортес на прощание дружески его обнял. Потом уж узнали мы, что Тендиле не только важный сановник, но удивительный скороход. С величайшей быстротой прибыл он к Мотекусуме, который был не мало удивлен и обрадован как рисунками, так и подарками; при виде же каски он ни минуты более не сомневался, что мы именно тот народ, который, по древнему пророчеству ¹⁾, должен прийти с моря и овладеть всей страной.

Тендиле отбыл, но другой сановник, Питальпиток, остался с нами, чтоб следить, исправно ли нам будут доставлять провизию. Впрочем, это касалось лишь начальства; мы же, простые солдаты, должны были сами себе промышлять пропитание — собирать ракушки, ловить рыбу. Вскоре появились и индейцы, менявшие нам за стеклянные бусы, которыми мы снабдились в изрядном количестве, всякую живность, фрукты, а также кое-какие безделушки из золота.

Так прошло около недели. Вдруг, утром, показался большой караван тяжело нагруженных носильщиков, не менее сотни, а во главе их Тендиле и с ним еще другой великий мексиканский касик, Кинтальбор. Сразу бросилось в глаза, что он замечательно похож на Кортеса, и это

¹⁾ См. в. стр. 30.

заметил сам великий Матекусума, когда ему показывали рисунки; вот почему его и отрядили к нам. И вот мы все, в отличие от „здешнего“ Кортеса, стали звать Кинтальбора „Кортесом тамошним“.

Приблизившись к Кортесу, послы по индейскому обычаю преклонились, дотрагиваясь рукой до земли у его ног, затем его и нас всех окурили из кадилъниц, а потом повели учтивую речь, полную приветствий и пожеланий, пока не дошли и до принесенных подарков.

Разостлана была большая циновка, на нее наложили разной бумажной материи, а затем стали извлекать чудесные предметы. Прежде всего диск, величиной с обычное колесо, изображающее солнце, — из чистейшего золота, удивительной работы, ценностью более 20.000 пезо. Во-вторых, серебряный диск, еще больших размеров, изображающий луну с лучами и разными фигурами. Потом каска, до краев наполненная золотым песком, прямо с приисков; ценность превышала 3.000 пезо, но нам этот подарок казался бесценным, так как давал уверенность, что в этой стране действительно добывается золото. Далее шли разные изображения, тоже из массивного золота, зверей и животных, искусно сделанные и очень красивые: десятки уток, обезьян, тигров, фазанов. Далее — около десятка золотых ожерелий с подвесками, не менее художественной работы, все из золота, как и великолепный большой лук с двенадцатью стрелами и два чудных жезла в 5 футов длины, литой превосходной работы. Далее — опахала и веера из перьев, больше всего удивительного зеленого цвета, в золотых и серебряных оправках и с такими же ручками. Затем опять множество различных изображений. Словом, такое великое множество ценных диковинок, что всего не упомнишь. Знаю лишь, что было еще более 30 тюков тончайшей материи, сотканной отчасти из перьев удивительных цветов.

Передавая все это, послы просили Кортеса принять дары столь же благосклонно, как они были посланы великим Мотекусумой, который искренно рад прибытию чужаков, так как считает их за храбрецов, а про великого императора их знает уже давно и готов ему послать привет из драгоценных камней. Все, что нам нужно, будет доставлено быстро и неукоснительно. Но о поездке Кортеса к самому Мотекусуме придется отложить попечение, ибо это и затруднительно, и излишне.

Неоднократно Кортес благодарил послов и наградил их двумя рубашками голландского полотна, синими бусами и другими мелочами. Он просил их, по возвращении к Мотекусуме, сообщить, что велик будет гнев нашего монарха против Кортеса, если он, придя из столь дальних стран, через столько морей, ради одной лишь заботы — увидеть великого Мотекусуму, именно этого-то и не исполнит. Вот почему он непременно должен направиться в столицу и добиться личного свидания.

Все это послы обещались сообщить со всею точностью, но опять-таки прибавили, что поездка — излишня.

Пред отъездом послов Кортес дал им еще для Мотекусумы бокал флорентийской работы с позолотой и рисунками, 3 рубашки голландского полотна и разную мелочь — больше от нашей бедности дать было нельзя... Послы отбыли, а Питальпиток опять остался в лагере, чтоб попрежнему блюсти доставку припасов из ближайших поселений.

Кортес же отрядил два корабля, под командой Франсиско де Ментехо и при пилоте Аламиносе, которые оба уже были в этих местах, чтобы они обследовали побережье к северу, не найдется ли где надежная гавань и удобное место для поселения, ибо наш лагерь стал невыносим от жары и москитов.

Дошли они до Пануко, где их остановили сильные морские течения; ничего подходящего не нашли и дней через

10-12 вернулись лишь с известием, что в полдня пути от нас находится укрепление Киауитлан с достаточно защищенной бухтой.

За это время положение наше очень ухудшилось: Питальпиток что-то очень ослабел в своих заботах о нашем пропитании, сухари наши стали плесневеть, мука кишела червями, и нам часто приходилось голодать, если не удавалось найти ракушек. Индейцы тоже стали появляться все реже, держались с опаской и недоверчиво. С великой заботой, поэтому, ждали мы возвращения послов из Мексики.

Наконец-то, они явились. Прибыл лишь Тендиле, ибо великий касик Кинтальбор заболел в дороге. Привел он с собой и караван носильщиков. Опять пошли поклонны, приседания, окуривания; опять извлечены были подарки — десяток тюков замечательных плащей, сделанных из перьев; затем, 4 редких зеленых камня, подарок нашему государю, более ценный, по уверению Тендиле, чем столько же возов золота; затем изящные золотые вещи, ценностью в 3000 пезо,

Из разговоров же было ясно, что дальнейших посольств из Мексики не будет и что личное свидание отклоняется совсем.

Как ни неприятно это было Кортесу, но он и вида не показал, а самым любезным образом благодарил Тендиле за труды, нам же втихомолку шепнул: „Велик и богат, должно быть, этот Мотекусума! Тем приятнее будет посетить его!“ „Эх, если бы он был тут, подле“ — ответили мы солдаты.

Случилось так, что как раз зазвонили к вечерне. Сейчас же мы собрались подле высокого креста и преклонили колена, а Тендиле, видя это, удивлялся, зачем мы так унижаемся пред простым столбом. Тогда Кортес заметил патеру Ольмедо, не пора ли послу и другим кое-что сообщить о нашей святой вере. И вот Ольмедо, пользуясь толмачами, произнес удивительную рацею, которой не постыдился бы

и величайший теолог. Всего не перескажешь, но тут было великое изобилие убедительных и благочестивых указаний: что такое бог, и кто христиане, и почему здешние боги — бесы, вредные, бегущие от креста, и кто был Христос, его жизнь и смерть, и искупление, и грех, и страшный суд, и многое другое.

Тендиле уверял, что все понял и обо всем сообщит Мотекусуме, а Кортес прибавил, что одной из причин нашего прихода является желание нашего государя, чтоб страна сия отказалась от мерзких своих идолов, уничтожила бы человеческие жертвоприношения и вообще бы воздержалась от разбойной умычки людей. Пусть во всех городах будут воздвигнуты кресты и поставлены образа — вот о чем он просит.

А пока шли эти речи, наши солдаты начали выгодный обмен с новоприбывшими, и на их золото не мало потом накупили рыбы у наших моряков. Да и винить их в этом нельзя — иного способа утишить голод не было. Так полагал и Кортес и втайне радовался обмену, креатуры же Веласкеса громко выражали свое негодование по поводу недозволенной частной торговли.

Послы уехали, а в нашем лагере дела шли все хуже. Партия Веласкеса все более наседала на Кортеса, чтоб он запретил солдатам обмен, иначе Веласкесу не будет прибыли, да и контракт этим нарушается. А тут выяснилось еще, что в одну из ночей Питальпиток и все индейцы тайно покинули лагерь. Говорят, что это произошло по приказанию Мотекусумы, которому жрецы внушили не слушаться Кортеса и его советов, особенно насчет креста и богоматери, и сделать все, чтоб нас погубить. Ежедневно, говорят, Мотекусума приносит в жертву мальчика, чтоб умилостивить богов, и те поведали, что ожидающая нас участь — стать рабами и жертвами в их храмах.

В виду возможных нападений, мы стали опять высылать сторожевые посты. Так, я с одним товарищем стояли до-

зором на дюнах, когда увидели, что идут пятеро индейцев. Они казались миролюбивыми и знаками просили их провести в лагерь. Товарищ остался на посту, я же пошел с ними. Когда мы приблизились к Кортесу, они высказали великое поклонение и часто произносили „Iopelucio“, что по-тонаски обозначает „великий господин“. По языку и одежде они не походили на Мексиканцев; нижняя губа была прободена в нескольких местах и туда были вставлены куски цветного камня и золотые пластинки, и так же изукрашены были их уши. Ни донья Марина, ни Агуилар не понимали их языка, и только когда двое из них стали говорить по-мексикански, разговор завязался.

Кортеса и нас они приветствовали от имени своего владыки, который прислал их сюда, так как думает, что столь отважные люди принесут не мало пользы и ему. Пришли бы они и раньше, да опасались людей из „Culhua“, т.-е., Мексиканцев, которые теперь вот уж три дня, как ушли.

Много полезного узнал Кортес от них, особенно о противниках и врагах Мотекусумы. Посему он обращался с ними хорошо и с великой щедростью, и просил, как можно скорее опять вернуться.

У нас же дела шли все хуже. От мелких, серых москитов нельзя было спать. Хлеб наш, даже червивый, совсем вышел. Неудивительно, что многие, особенно те, которые на Кубе оставили поместья и индейцев, мечтали о возвращении. На этом же настаивали и приверженцы Веласкеса. Тогда вот Кортес и дал приказ готовиться к отплытию в Киауитлан, где добрая земля и хорошая гавань.

Как ни настаивала партия Веласкеса, что пора вернуться, что мы от ран, болезней и недоедания потеряли уже 35 человек; как ни указывали, что туземцы многочисленны и сильны и наверно вскоре нападут на нас; как ни указывали, что добычи пока довольно — Кортес неиз-

менно возражал, что потеря людей неизбежна в военном деле, что туземцев стыдно трусить, что страну мы исследовали еще мало.

На время люди молчали, но Кортес видел, что нужно предпринять что-либо решительное. И вот он сделал так, что войско его избрало главнокомандующим, независимым от Веласкеса. Больше всего помогали ему при этом Алонсо Эрнандес Пуэртокарреро, Педро де Альварадо и его четыре брата, Кристобал де Оли, Алонсо де Авила, Хуан де Эскаланте, Франсиско де Луго, я, а также ряд других более видных лиц.

Меня, между прочим, так притянули к этому делу. Приходят раз ночью Пуэртокарреро, Эскаланте и Франсиско де Луго, мой земляк и дальний родственник, и зовут на обход с Кортесом. Взял я оружие и вышел; отойдя довольно далеко, они начали: „Сеньор Берналь Диаз дель Кастильо, есть у нас до Вас дело, но держите его в секрете. Опасаемся мы, как бы войско не вернулось на Кубу. Ведь все мы тогда разорены, а Веласкес преспокойно загребет себе все денежки, как то было и раньше. Вспомните, что Вы сами участвуете уже в третьей экспедиции, и что Вы на них потратили все, до ниточки. Вернуться сейчас — немыслимо. Вот почему мы должны настоять, чтоб Кортес был провозглашен войском главнокомандующим, чтоб он основал здесь колонию...“

Так думал и я, и согласился с ними быть заодно. Так думали и другие, и тоже примкнули. Конечно, приверженцы Веласкеса пронюхали про все, но Кортес, надеясь на нас, их предупредил. Как бы повинуясь инструкции Веласкеса, он велел готовиться к отплытию домой. Но мы, заговорщики, воспротивились, собрали сходку, орали о том, что государю лучше всего можно послужить не возвращением, а основанием колонии, пусть трусы уйдут, если хотят и т. п. Кортес как бы противился, по поговорке „твое настояние —

мое давнишнее желание“, но, наконец, согласился на наши доводы, но с условием, чтоб войско его избрало и, что гораздо хуже, чтоб пятина всякой добычи, за вычетом королевской пятинны, шла бы ему. Так тогда и порешили, и королевский нотариий Диего де Годои занес все это в особый акт.

Решено, значит, было основать город, и дали мы ему название Villa rica de la Vera Cruz (Богатый город истинного креста), памятуя разговор Кортеса с Пуэртокарреро в день прибытия ¹⁾. Избрали мы управителей города, алькальдов и рехидоров, на рынке водрузили позорный столб, а за городом построили виселицу. Так положено было начало первому новому городу.

¹⁾ См. в. стр. 58.

ПЕРВЫЕ ПОДДАННЫЕ.

Сторонники Веласкеса скрежетали от злобы, собирались кучками, грозили, указывали на то, что избрание Кортеса было не всеобщим, и лишь заявление Кортеса, что он никого не удерживает силой, внесло успокоение и раскололо наших противников, так что можно было прибегнуть к крутой мере: часть недовольных, между прочим Диего де Ордас, Эскобар, Эскудеро, т.е. все родственники и приближенные Веласкеса, были схвачены и закованы в цепи...

Между тем, припасов у нас не было, и порешили отправить Педро де Альварадо на фуражировку во внутрь страны. Намечено было более ста человек, между ними 15 арбалетчиков и 6 мушкетеров, и половина всех состояла из бывших сторонников Веласкеса. Мы же, наиболее верные, остались с Кортесом, чтоб не было более раздоров и бунта.

Альварадо дошел до ряда поселений, которые подчинены были городу Костатлану, как он назывался на языке Кулуа. А этот язык — мексиканский, и сам Мотекусума говорит на нем.

Людей нигде не было, но алтари еще дымились от недавних жертв, и у большинства зарезанных не хватало рук и ног, которые, как слышно, съедались во время цере-

монии. Все мы были возмущены этим скотством, но что об этом говорить—езде и всюду мы ведь встречали то же самое!

Людей нигде не было, но припасов было довольно, и все, нагруженные мешками и обвешенные курами, благополучно вернулись в лагерь. Грабежа нигде не произвели, ибо Кортес, помня случай на острове Косумель ¹⁾, строго-настрого запретил его.

Припасам мы обрадовались, как дети. Что и говорить: коль брюхо сыто, так и половина горя с плеч. Да вот еще золото: им можно горы сдвигать. Так поступил и Кортес со сторонниками Веласкеса. Одних он одарил золотом из нашей добычи, другим надавал обещания. Всех он освободил, за исключением Хуана де Леон и Диего де Ордас, да и тех расковал, а скоро и совсем выпустил, сделав их понемногу настоящими своими друзьями, что они не раз и доказали на деле. Конечно, и тут не жалели золота, оно, ведь, лучший укротитель страстей.

Так, соединившись все во-едино, мы порешили сделать еще одну экспедицию. Двинулись мы по берегу; перешли большую реку, пользуясь оставленными лодками, а я так и просто переплыл ее; затем увидели ряд селений, которые принадлежали к стране Семпоала. Тут-то, оказывается, и была родина тех пяти индейцев, которые некогда ²⁾ пришли в наш лагерь. Но жители опять убежали, так как испугались и нас, и, особенно, наших коней; но в домах осталось все нетронутым, вплоть до каких-то книг из местной бумаги, сложенных так, как у нас складываются штуки кастильского сукна.

Переночевав, мы отправились дальше, не зная пути и идя наобум. Лишь когда появилась дюжина индейцев,

¹⁾ См. в. стр. 44.

²⁾ См. в. стр. 67.

объявивших, что они посланы местным касиком, который всех нас зовет к себе, мы узнали, что находимся в полудне пути от Семпоалы.

Переночевали мы в поселке, где опять не было ни души, но только что принесено было в жертву множество несчастных... Впрочем, читателю надоело, небось, слышать об этих индейских жертвах, и я не стану более о них распространяться. Зато скажу, что мы отлично наелись и великолепно выспались.

На следующий день мы выступили в Семпоалу, в добром строю, впереди разведчики, по флангам цепи дозорщиков. Навстречу нам попались посланные от касика с великолепными, ароматными ананасами, дружелюбно протягивая их и конным, и пешим. Самого касика они просили извинить, так как он не мог выйти навстречу вследствие своей тучности.

С облегченным сердцем вступили мы в город. Величина его нас ужасно поразила, ибо ничего подобного мы еще не видали в этих странах. Весь город был точно волшебный сад, и улицы полны жителей обоего пола. Возблагодарили мы господ, что он дал нам открыть такие великие страны.

Конный наш авангард намного ушел вперед и раньше нас добрался до большой площади, где нам приготовлены были квартиры. Стены домов только что были вновь оштукатурены — индейцы большие мастера этого дела — и все сияло на солнце так, что одному из всадников показалось, что это серебро, и он карьером понесся к Кортесу, крича уже издали, что здесь стены из серебра. Конечно, ошибка легко вскрылась и немало смеялись над доверчивым чудаком.

Когда мы все пришли к отведенным нам квартирам, прибыл сам касик, действительно дородный сверх меры, поклонился, как водится, Кортесу, окурил его и нас и повел нас во внутрь, где все было так чисто и просторно, и куда сейчас же принесли еду.

Очень мы изголодались за последнее время и давно уже не видели такой массы снеди, вот почему мы город прозвали Роскошным (*Villa viciosa*), а другие — Севильей. Кортес при этом еще раз напомнил, что жителей обижать нельзя, нигде и ни в каком случае.

Когда касику доложили, что мы откушали, он просил Кортеса принять его, и вскоре явился в сопровождении индейцев, несших массивные золотые украшения и богатой работы плащи. Кортес вышел ему навстречу, обнял касика и они направились в покой. Тут-то и были переданы подарки, не слишком все же дорогие. Но касик неоднократно повторял: „*Lopelucio* ¹⁾), возьми это с благосклонностью! Было бы у нас больше, дали бы и мы больше!“

Кортес же отвечал, что благодарить он будет делом, и что готов всегда помочь его народу. Наш де император послал нас, чтобы мы везде искореняли зло и обиды, наказывали несправедливых, оберегали угнетенных. И что прежде всего не следует приносить человеческих жертв, а кстати Кортес прибавил не мало и насчет истинной веры.

Слыша это, касик глубоко вздохнул и горько пожаловался на Матекусуму и его губернаторов. Лишь недавно его страна подчинилась Мексике, и отняли они у них все, особенно золото. Гнет так силен, что некуда двинуться, но никто не смеет противиться, зная, что Мотекусума владеет множеством провинций и городов и несметным войском.

„И все же“, ответил Кортес, „мы облегчим ваше положение, но не сию минуту, ибо сперва нужно вернуться к нашим *acaules* (так прозвали туземцы наши корабли), построить себе город и хорошенько все обдумать“...

На следующее утро мы покинули Семпоалу. Толстый касик снабдил нас 400 носильщиков, и каждый из нас мог сдать им всю свою поклажу и итти налегке. Впервые это

¹⁾ См. в. стр. 67.

с нами случилось и мы радовались, как дети. А тут нам донья Марина объяснила еще, что по обычаю этих стран касики должны всегда, в мирное время, снабжать проезжих нужным количеством носильщиков. Так мы отныне везде и поступали!

Уже на следующий день мы пришли в Киауитлан. Лежал он высоко на горе; итти пришлось по отвесу скал, и если бы эта крепость дала отпор — не взять бы нам ее никогда. Продвигались мы с величайшей опаской, и когда один солдат, Эрнандо Алонсо, вышел из строя, Алонсо де Авила, человек горячий и свирепый, ударил его копьем в руку, но удар пришелся по пустому рукаву, так как Эрнандо был одноруким... Впрочем, скажут, что и я выхожу из строя своего рассказа. Но ведь воспоминания, большие и малые, так сами и напирают!

Вошли мы в город, и на удивление — долго не встретили ни одного человека. Только на площади, перед большим храмом, появилось человек 15 индейцев, прекрасно одетых, с жаровнями для приветственного обжаривания. Они-то и сказали, что население разбежалось из боязни; но Кортес успокоил их и кстати, как то вошло в наш обычай, поговорил с ними о нашей религии и нашем короле.

Как раз в это время доложили Кортесу, что прибыл в насилках толстый касик из Семпоалы с большой свитой. Он сейчас же возобновил свои жалобы на Мотекусуму, а свита и местный касик вторили ему со стонами и слезами, так что все мы растрогались. Оказывается, что недавнее покорение сопровождалось крупными бесчинствами; затем Мотекусума ежегодно требовал большое количество юношей и девушек для жертвоприношений или для рабского услужения; его чиновники тоже не отставали и выбирали себе, кто что хотел. Так поступали по всей стране Тогонаков, а в ней ведь более 30 значительных поселений.

Кортес утешал их, сколько мог, давал разные обещания и уверения, но все же не мог избавить их от страха пред

Мотекусумой. К тому же не замедлил и подходящий пример. Именно, донесли, что в город только что прибыли пять мексиканских чиновников для сбора налогов. Касики побледнели и затряслись при этой вести и сейчас же ушли. Для встречи неожиданных гостей, для которых моментально приготовлены были покои и кушанье, особенно какао — весьма вкусный напиток. Прибывшие прошли мимо нас, но так надменно, что не удостоили нас даже взгляда. Одеты они были по богатому; блестящие волосы были подняты к макушке и скручены узлом, в который воткнута была чудесная роза; в руках у них были посохи с крючками, и за каждым шел раб с опахалом. За ними шла толпа именитых Тотонаков, и они же присутствовали при их трапезе.

После еды Мексиканцы позвали к себе толстого касика и других местных начальников и напустились на них с угрозами и бранью за то, что они нас впустили в свои города: Мотекусума де этим разгневан, и им придется еще поплатиться, а пока следует дать 20 юношей и столько же девушек для умиловливания богов, оскорбленных их изменой...

Заметив всеобщее замешательство, Кортес чрез донью Марину узнал о причине и решил наказать дерзких Мексиканцев.

Когда он сообщил об этом касикам, те пришли в дикий ужас. Но Кортес ободрял их до тех пор, пока они не решились: они схватили чиновников Мотекусумы и по своему обычаю привязали их к крепким столбам, так что те не могли шевельнуться. Затем Кортес велел им объявить, что они отказываются от повиновения Мотекусума, а также прекращают плату дани.

Быстро разнеслась эта неслыханная весть во все стороны, и с тех пор за нами укрепилось название „teules“, т.е. „боги“, ибо индейцы были уверены, что такие по-

ступки и столь великие дела не могут происходить от простых людей.

Все касики были убеждены, что пленников следует принести в жертву, но Кортес энергично воспротивился и даже приставил к ним нашу стражу, дав ей тайный приказ, чтоб ночью они освободили и привели к нему двух наиболее дюжих. Когда это было сделано, Кортес прикинулся, что ничего не знает об их пленении, а когда они ему все рассказали, заявил, что он очень огорчен случившимся, обласкал и накормил их, а затем велел отправиться к Матекусуме с заверением, что он, Кортес, верный его друг и неизменный блажелатель. Так как они боялись отправиться обычным путем, он велел нескольким матросам отвести их по морю и высадить в безопасном месте.

Исчезновение двух пленников, конечно, не мало изумило касиков, и они вновь требовали жертвоприношения оставшихся, но Кортес прикинулся разгневанным на плохой присмотр, велел с кораблей принести цепи и объявил, что пленников он отныне будет охранять сам, для чего их и увел на корабли. Там, впрочем, их сейчас же освободили от цепей и обхождение с ними было самое деликатное.

Успокоил Кортес и местных касиков, опасавшихся с часа на час мести великого Мотекусумы. Он объявил, что готов защитить их до последней капли крови, но и им нужно примкнуть к нам теснее. В конце концов Диего де Годои составил формальный акт их подчинения испанской державе, и так как ни о какой дани пока не было речи, то ликование их было велико. Все 30 поселков страны Тотонаков подчинились дружно и охотно.

Столь благоприятный оборот дела мы решили использовать, чтоб обстроить, наконец, наш новый город и снабдить его крепким фортом. Дело продвигалось с величайшим успехом и быстротой. Сам Кортес показал пример, таская землю и камни и копая рвы под фундамент. Столь же

рьяно принялись за работу и все остальные, не исключая касиков. Задымилась кузница, изготавливались кирпичи и черепицы, стучали топоры, вереницей шли носильщики с лесным и иными материалами. Индейцы так великолепно помогали, что вскоре закончились постройкой церковь и несколько домов, а укрепления росли неимоверно быстро.

Мотекусума, между тем, собирал войска, так как сразу узнал о захвате своих чиновников. Когда же двое из них прибыли в Мексику и сообщили о поклонах и заверениях Кортеса, а также о том, что именно он их и освободил, то господь еще раз склонил сердце Матекусумы на милость, и он послал двух своих племянников в сопровождении четырех пожилых сановников к нам, чтоб досконально выяснить положение дел.

Принесли они, конечно, и подарки, материи и золото, всего на 2000 пезо. Наказ им был: поблагодарить Кортеса за освобождение Мексиканцев, а насчет местных туземцев сообщить, что великий Матекусума не уничтожит их только потому, что в своей стране они приютили Кортеса.

Послов приняли отменно, причем сейчас же передали им оставшихся трех пленных. Что же касается местных жителей, то Кортес просил их извинить, и что касается их дани, то она де уже не может более пойти в Мексику, так как двум господам и дважды платить одновременно нельзя: Тотонаки же только что стали подданными нашего короля. Впрочем, сам Кортес со своими товарищами вскоре прибудет в Мексику, чтоб лично представиться Мотекусуме, и тогда все вопросы будут разрешены легко и без остатка.

Одарив послов обычными мелочами из стекла и показав им очень красивое зрелище конских состязаний, Кортес весьма расположил их к себе и они спокойно отправились домой.

Посольство это придало нам новую и великую силу в глазах Тотонаков и даже дальних горных племен, ибо

все были уверены, что Мотекусума ответит на пленение своих страшным ударом и полным истреблением. А вместо этого — посольство, подарки и поклоны!

Нас и прежде считали за „teules“, а теперь это мнение еще более укрепилось, и сам Кортес с своей стороны старался его подкрепить. Так, например, явился к нам толстый касик и с великой опаской сообщил, что в двух днях пути от Семпоалы, в крепости Синпасинко, собралось великое множество мексиканских воинов, которые грабят и жгут окрестности. Кортес велел ему тотчас отправиться туда, а для изгнания мексиканцев дал ему... одного человека, нашего старика Эредиа, из Бискайи. Лицом Эредиа был ужасен, изранен, изрыт оспой, со страшной бородой, косящими глазами, телом сутул и прихрамывал — совсем вроде одного из их божеств. Да и хитер был Эредиа — недаром он долгое время служил в Италии, — и сразу вошел в роль, так что изумленный касик и вся его свита по настоящему уверовали в его нечеловеческую мощь.

Впрочем, Кортес скоро послал, как и было уговорено, гонца, чтоб вернуть и Эредиа, и касика, заявив, что он передумал, и вместо Эредиа пойдут он сам, чтоб посмотреть местность и тамошних людей. И снаряжен был отряд в 400 человек, с четырнадцатью лошадьми и почти всем наличным огнестрельным оружием.

Но случилась небольшая заминка. Кое-кто из приверженцев Веласкеса, видя серьезность приготовлений, заявили, что они не для этого пришли; что воевать страну столь великую и людную — безумие, и что они хотят назад, на Кубу, к своим домам и поместьям, тем более, что они устали и больны, а Кортес не раз заявлял, что никого не удерживает силком.

Больше всего волновались семеро, и Кортес, после краткого увещания, как бы согласился, велел им приготовить небольшое судно и снабдить их припасами для

плавания. Но тут собралась войсковая сходка и, во главе с алькальдами и рехидорами нашего нового города, потребовала от Кортеса приказа, что в виду опасности положения никто бы не смел покидать страны и что каждый, помышляющий о подобной измене, подлежит смертной казни.

Так и случилось. Кортес как бы уступил. А господам „уезжающим“ прохода не было от насмешек, да один из них еще хуже поплатился: он выменял своего коня Морону, и так и остался теперь пешим. В это же время, между прочим, пала лошадь Кортеса. Музыканту Ортису и рудокопу Гарсии пришлось ему уступить своего коня, одного из лучших во всей войске.

Поход на Синпансинко начался. По дороге мы завернули в Семпоалу, откуда взяли 2000 местных воинов, разделенных нами на четыре отряда, а также нужное количество носильщиков. На третий день мы уже приближались к крепости, лежащей на большой высоте. О нашем приближении уже знали и вместо войска к нам вышла депутация знатных людей и „пап“, которые с плачем стали умолять Кортеса не губить города, так как никакого мексиканского гарнизона у них теперь нет, а касики из Семпоалы обманули его, ибо давно между ними и здешними жителями идет борьба за землю и границы. Слышали они, что Кортес всюду хочет установить справедливость; зачем же именно здесь, у них, он поддерживает клевету и неправду.

Узнав это, Кортес немедленно послал своих офицеров, Педро де Альварадо и Кристобалья де Оли, чтоб они остановили отряды из Семпоалы. Но как те ни спешили, все же они опоздали: уже начался грабеж и избиение. С великим трудом удалось восстановить покой, а Кортес под страхом смерти велел касикам вернуть все, до последней курицы; прежде же всего освободить пленных.

Видя столь великую справедливость, жители Синпансинко охотно подчинились, обещали отстать от своих идолов

и жертв, и вскоре и сама крепость, и окрестные поселки формально были присоединены к державе нашего государя. При этом было не мало жалоб на Мотекусуму и его чиновников, совсем как в Семпоала и Киауитлане.

Но это мало. Кортес сумел также помирить местных жителей с людьми из Семпоалы, уладить их земельные раздоры, и от прежней вражды ничего не осталось. Когда, поэтому, мы находились уже на обратном пути, толстый касик и его свита, ушедшие вперед, чтоб приготовить нам место для ночевки, выразили восхищение и величайшую преданность. Ведь вот, индейцы они были, не более, а все же поняли, что справедливость — великое и святое дело, и что недаром Кортес пришел из-за моря. Тем теснее они обещали примкнуть к нам и стать нам „братьями“. Конечно, боялись они и Мотекусумы, который мог обрушиться на них с войском. Во всяком случае, они сделали все, чтоб слиться с нами, а именно: они привели восемь своих девушек, все дочерей касиков, в богатых уборах и с множеством украшений, и передали их нам в жены. Одна из них, племянница толстого касика, богатая наследница, была предназначена самому Кортесу, который принял ее с радостью, но заявил, что прежде всего и девушки и весь народ должны отказаться от идолов и стать христианами. Все ваши мерзости, сказал Кортес, должны быть немедленно прекращены; тогда только мы с вами породнимся и впоследствии наградим вас многими новыми землями. Но касики и „папы“ с ужасом возопили, что им невозможно остаться без богов и жертвоприношений, ибо боги по сие время давали им и урожай, и мир, и все необходимое.

Столь неподходящий ответ произвел на всех нас тяжелое впечатление, ибо мы знали и даже видели, как изо дня в день резали людей пред алтарями. Кортес немедленно стал с нами совещаться, и мы решили положить конец

всей мерзости, хотя бы это стоило нам жизни, так как туземцы несомненно будут сопротивляться.

Мы выстроились в полный боевой порядок, и Кортес объявил касикам, что поход наш направлен против их идолов. Касики стали созывать своих воинов, а мы стали подниматься по бесконечным ступенькам самого большого их храма. И еще раз касики стали умолять и угрожать: не губить богов, не позорить Семпоалы, иначе погибнем и мы, и они. Но тут не выдержал и Кортес; громовым голосом стал он поносить их за ложь, варварство и глупое упрямство. А донья Марина умело вернула речь об угрозе со стороны Мотекусумы, и касики одумались, отказались от сопротивления, но согласия все же не решались дать.

Мы же, человек пятьдесят, наконец, забрались на самую верхушку храма, где стояли идолы. Свалили мы их, разбили, и осколки бросили вниз, по ступеням. И были те идолы страшны лицом и уродливы телом, не то люди, не то драконы, величиной то с годовалого быка, то с человека, то не более собаки.

Вой и плач наполнял воздух; „папы“ по-своему молились, чтоб повергнутые боги не мстили им за поношение; кое-где засвистели стрелы. Тогда мы схватили толстого касика, 6 пап и множество знатных, и Кортес объявил им, что их казнят, если они не заставят своих прекратить нападение. Это удалось. Вышла процессия „пап“ в черных плащах, с нечесанными волосами, которые, как и лицо, измазаны были кровью, так что от них шел отвратительный смрад. Вышли они медленным шествием, шатаясь, стали собирать осколки своих демонов и сожгли их.

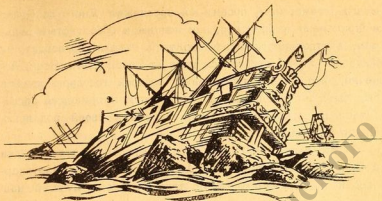
А потом Кортес выступил со многими поучительными речами о братстве, истинной вере и деве Марии. Индейцы слушали с большим вниманием, и охотно принялись за очистку и переделку одного из храмов, что и было закончено к следующему дню. Тогда Кортес велел четырем „папам“

постричься, одеться в чистые одежды и заботиться о чистоте и красоте нового храма, ежедневно украшая его свежими зелеными ветвями. А дабы над ними был надзор, он поселил при храме старого храмого инвалида, Хуана де Торрес. Решено было также вместо ладана употреблять местные курения, а свечи выделялись из туземного воска, употребления которого индейцы еще не знали.

На следующий день была торжественная месса, при которой присутствовали все индейцы во главе с касиками и восемью девушками, которые тут же были окрещены, а затем и распределены между нами. Племянница касика, ныне донья Катилина, была очень некрасива, но Кортес принял ее, не морщась; зато другая, донья Франсиска, была очень хороша, и ее получил Эрнандес Пуэртокарреро; имена остальных теперь уже не упомяну.

Мир был, таким образом, торжественно скреплен, и мы с великой радостью вернулись в Вера-Крус.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru>

ВНУТРЕННИЕ РАСПРИ. УНИЧТОЖЕНИЕ ФЛОТА.

В Вера-Крус ожидал нас корабль, прибывший с Кубы. Командовал им Франсиско де Сауседо, которого мы прозвали Щеголем, и с ним вместе прибыли Луис Марин, великолепный офицер, сильно потом выдвинувшийся, и 10 человек солдат. Главнейшей их новостью было, что Веласкес получил назначение в наместники, разрешение торговать где и как угодно, а также по своему усмотрению основывать новые города. Все это, конечно, не мало подняло дух его сторонников.

Между тем, постройка форта кончалась, и нам стало тягостно длительное бездействие. Почти единогласно, поэтому, заявили мы Кортесу, что пора де пощупать Мотекусуму и убедиться, так ли велика его мощь, как говорят. А пред походом следовало бы направить к государю точную реляцию о всех событиях, послав также в подарок все золото — не только от Мотекусумы, но и то, какое мы выручили от обмена. Кортес вполне согласился с нами, так как и сам давно имел те же мысли. Одно лишь казалось ему неподходящим: если каждый из нас возьмет приходящуюся ему долю добычи, то для государя не так уж

много останется. А посему он предложил Диего де Ордас и Франсиско де Монтехо, как ловким и оборотистым дельцам, в отдельности переговорить с каждым из солдат, не пожелает ли он отказаться пока от своей доли. Всем, конечно, было ясно, что первый подарок государю должен был быть значительным, а посему всем и пришлось согласиться на отказ, что они и закрепили своей подписью. Никто не увильнул.

Тогда мы выбрали и двух комиссаров для поездки в Испанию. Выбор пал на Алонсо Эрнандеса Пуэртокарреро и на Франсиско де Монтехо. Им дали лучший наш корабль, двух пилотов, между прочим, и Аламиноса, 15 матросов и достаточное количество припасов.

Сам Кортес написал весьма пространное донесение, которое подписали власти нового города и десять солдат, — среди них и я, — а командиры и солдаты составили еще и от себя большую, тщательную бумагу, разделенную на множество глав. Все там было описано по порядку, начиная с открытий Кордовы и Грихальвы, а затем о Веласкесе, Кортесе и т. д. Не забыли мы изобразить и великое богатство и громадную величину новых стран, а также здешние нравы и обычаи, верования, одежды и, конечно, и самих жителей, четырех из которых (мы их освободили в Семпоале из клеток, где их откармливали для жертвоприношения) мы и послали для образца. Сказали мы и о себе, о 450 солдатах, которые, окруженные целыми враждебными мирами, готовы сложить свои кости во славу государя, лишь бы во главе их был Кортес, самый лучший из генералов. Вышло так складно, что происки Веласкеса и его креатур тоже были выставлены в должном свете. Все мы расписались, притом в двух экземплярах, так как нам это казалось надежнее.

Послание наше прочитал и Кортес и нашел его правдивым и точным; обрадовался он и нашим похвалам ему;

одно лишь казалось ему лишним — упоминание о пятине золота, идущей ¹⁾ прямо в его кассу, да о первых открывателях тоже, пожалуй, можно было умолчать. Действительно, мы впоследствии узнали, что сам Кортес ни слова не сказал о Кордове или Грихальве, и всю честь приписал лишь себе.

Но, что сказано, то сказано. Послания были переданы нашим комиссарам, и настрого им заказано не заходить в Гавану. Затем отслужили мессу, и 26 июля 1519 г. они вышли в море. Еще дорогой Монтехо уговорил Аламиноса подойти к Кубе, недалеко от Гаваны, где у него было поместье, чтоб там забрать свежий провиант. Так и сделали, несмотря на возражения Пуэртокарреро. А ночью, во время стоянки, один из матросов тайно уплыл на берег с письмами для Веласкеса!

Веласкес был вне себя от полученных новостей, особенно от величины подарка, посылаемого королем. Он сейчас же снарядил два небольших судна, вооружил их наилучшим образом и дал приказ поймать наш корабль и привести комиссаров и золотую казну прямо к нему.

Но наше судно было уж далеко! И Диего Веласкесу осталась лишь возможность снарядить экспедицию уже прямо против нашего войска, что он и предпринял с лихорадочной энергией. Месяцев через 11 набрал он флот из 18 судов и до 1300 людей, во главе с Панфило де Нарваес, могучего, голосистого, надменного человека. Впрочем, об этой экспедиции скажу в свое время.

Наши же комиссары благополучно прибыли в Севилью, а оттуда, на почтовых, в Вальядолид. Молодой король опять был в отлучке во Фландрии, а президент Индийского Совета, епископ Фонсека, принял их не только сухо, но и оскорбительно. Письма и подарок государю он также взял.

¹⁾ См. в, стр. 69.

Оказывается, капеллан Веласкеса тоже очутился в Вальядолиде и рассказал о нас такие небылицы, как о бунтарях и смутьянах. Монтехо как-то не умел сопротивляться, зато Пуэртокарреро, имевший знатную родню, не стеснялся и на одно слово отвечал десятью, сильно донимая епископа. Тогда тот вспомнил ему старую историю, как он года три тому назад увез чужую мужнюю жену, и велел его арестовать, а сам, уже не стесняясь, донес королю о великих заслугах Веласкеса, не упомянув даже о наших реляциях и письмах.

Когда же Пуэртокарреро был освобожден, он, вместе с Мартином Кортесом, отцом нашего вождя, и юристом Нуньесом, тоже родственником Кортесов, послал особого курьера к королю во Фландрию, снабдив его дубликатами всех наших донесений, а также жалобой на действия и слова епископа Фонсеки, как отъявленного сторонника Веласкеса. Так король узнал, наконец, все дело в настоящем свете, и много дней при дворе только и говорили о Кортесе, нашей храбрости и удаче, о великих новых и богатых странах. Оказалось, что Фонсека переслал королю далеко не весь наш подарок, и вскоре ему пришлось узнать, что за штука немилость и всеобщее презрение. Нашим же посланцам велено было ждать возвращения короля, чтоб он лично мог их увидеть и вознаградить. Но это случилось не скоро.

А пока нужно вернуться в наш лагерь к Кортесу, где уже через четыре дня после отплытия корабля произошли крупные неприятности. Именно, вскрыт был заговор сторонников Веласкеса, приготовивших уже судно для бегства на Кубу, а также мечтавших о поимке наших комиссаров вместе с золотом. Заговор был вскрыт одним из его участников в самый последний момент, и Кортес еле-еле успел захватить мятежников, а также снять с корабля снасти, компас и руль. Многих лиц они еще оговорили, но Кортес не

дал этому ходу, зато зачинщиков судил настоящий военный суд, вынесший строгий приговор: повешены были Педро Эскудеро и Хуан Карменьо, пилоту Гонсало де Умбриа отрублена была нога, а другие приговорены к 200 шпиц-рутенгов; патера Хуана спас лишь его сын, а то бы пришлось ему плохо. Помню, как Кортес, подписывая приговор, воскликнул: „Какое счастье, если бы я не умел писать!“ Но ведь это или подобное говорилось уже не раз, начиная с императора Нерона!

При экзекуции Кортес отсутствовал. Он бросился на коня и помчался в Семпоалу, велел 200 солдатам следовать за ним; туда же он велел двинуться и Альварado, который с другими 200 был на фуражировке. Итак, Альварado не было ни на суде, ни при казни.

В Семпоале Кортес стал готовить большой наш поход против Мексики. Мы же, его сторонники, оставшиеся пока в Вера-Крус, на сходке предложили, чтоб все корабли наши были уничтожены, дабы таким образом пресечь возможность новых бунтов, особенно в наше отсутствие. К тому же не мешало воспользоваться моряками — ведь их было около 100 человек!

Знаю я, что мысль об уничтожении флота принадлежала самому Кортесу, но не он ее выявил, так как опасался, что впоследствии с него же и потребуют возврата их стоимости.

Предложение было принято и Хуан де Эскаланте, храбрейший человек и верный друг Кортеса, получил соответствующий приказ. Все ценное было снято с кораблей, а сами они были посажены на мели, где прибой их вскоре разрушил окончательно. Оставлены были лишь лодки. Матросы переведены были в армию, а неподходящие — в гарнизон Вера-Крус.

Затем Эскаланте прибыл к Кортесу в Семпоалу, и тот представил его всем касикам, как брата своего и намест-

ника, который останется в Вера-Крус и защитит их, в случае нужды, от Мотекусумы. Сам же Кортес надеялся на Эскаланте, как на каменную гору, и лучшего выбора он не мог сделать на случай разных козней со стороны Веласкеса...

Приготовления все были сделаны; носильщики для пушек стояли на-готове, а также 50 наиболее отборных индейских воинов; сам Кортес сказал нам замечательную речь, с многими примерами про римских героев, — вдруг случилась задержка. Прибыл гонец от Эскаланте с известием, что в виду Вера-Крус показался корабль, который, несмотря на костры, флаги и другие способы призывов, не пожелал пристать к берегу, и вновь ушел, и теперь, по наведенным справкам, стоит на побережье в расстоянии трех часов.

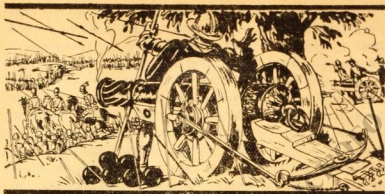
Кортес сейчас же передал командование Педро де Альварado и Гонсало де Сандовалю — это было первое поручение столь знаменитому потом Сандавалю, — а сам вскочил на коня и с еще 4 всадниками и 50 отборными пехотинцами отправился в Вера-Крус, куда мы и прибыли ночью.

Отсюда мы, без отдыха и еды, направились вдоль берега, и вскоре нам удалось словить четырех испанцев, которые принадлежали к отряду Альвареса де Пинедо, только что основавшему городок на реке Пануко. Снаряжена же эта экспедиция было губернатором Ямайки, Франсиском де Гараи, который еще в 1518 г. после известий о многих новых странах и множестве золота, исхлопотал себе в Испании патент на открытие и колонизацию всех стран к северу от реки Петра и Павла и ныне снарядил экспедицию из трех кораблей и 270 человек, под командой Альвареса де Пинедо, который и находится ныне в Пануко, в 3 дня пути.

Кортес дружески обошелся с пленными, стараясь их перетянуть на свою сторону и, наконец, спросил их: как

бы овладеть кораблем? Они предложили хитростью заманить экипаж на берег, но... как они ни звали на помощь, люди с корабля не высаживались, так как наверно заметили нас. Поэтому Кортес придумал другую уловку: четверо из нас должны были переодеться в платье наших пленников и остаться на месте, мы же остальные якобы совсем ушли, на деле же с наступлением темноты вернулись и засели в засаду вблизи места высадки. Но и это не удалось. Правда, утром с корабля отвалила лодка с шестью матросами, так как оставшиеся на берегу четверо наших неистово кричали и махали плащами; но приближалась она осторожно и высадила сперва, вдалеке, лишь двух людей с водой, а те, подойдя к передетым, скоро узнали обман, крикнули своим и лодка понеслась опять к кораблю! Эх, хотели мы было послать им в догонку добрую порцию пуль, но Кортес удержал нас.

Так и вернулись мы в Вера-Крус ни с чем, с шестью лишь пленными, изнуренные и голодные. А оттуда, не медля, двинулись в Семпоалу, к армии, где все приготовления уже были закончены. На месте, например, было 200 здоровенных носильщиков для переправки артиллерии, ибо другого скарба у нас, бедняков, тогда не было — ведь не было даже и настоящей обуви, а лишь плетеные веревочные туфли. Осталось выбрать лишь путь, и касики из Семпоалы советовали двинуться на Мексику через Тласкалу, так как жители им друзья, а Мексиканцам — лютые враги.

ПОХОД В ТЛАСКАЛУ.

В середине августа 1519 г. мы оставили Семпоалу, соблюдая величайший порядок и возможную осторожность.

В первый же день мы прибыли в городок Халапу, а оттуда в Сокочима, грозную крепость, утопавшую в виноградниках. Везде донья Марина и Агуиляр на-спех сообщали лишь самое необходимое о нашей святой религии, о короле Карлосе и об отказе от человеческих жертв. Всюду мы ставили также крест. Встречали нас хорошо, так как здешние жители дружили с Семпоалой и не хотели платить дани Мотекусуме.

То же продолжалось и далее, когда мы пришли крутым горным перевалом в Техутла. Но тут-то и начались наши напасти. Дорога стала все круче, горы все выше и безлюднее; съестного нигде нельзя было найти; со снеговых вершин дул холодный ветер, часто шел град, и мы, привыкшие к теплему климату, шли продрогшие, почти замерзшие. Хорошо еще, что кое-где при дороге стояли пустые храмы и подле них были навалены значительные запасы дров. Но еды и здесь не было.

Наконец, мы приблизились к городу Хокотлану, уже в пределах царства Мотекусумы, как то видно было по иному строению домов, иной одежде и всему укладу здешних жителей.

Вперед послали мы двух индейцев из Семпоалы, а сами любовались красивым видом опрятного города, блестящего белизной штукатурки. И вспомнили мы наши испанские приветливые города и прозвали город „Кастильбланко“ („Белый город“).

Между тем, прибыл местный касик с наиболее знатными жителями. Отвели они нам наши квартиры, достали припасов, но ясно было, что не очень они к нам благоволили. После еды они по требованию Кортеса стали рассказывать нам о Мотекусуме, о его великих армиях, расквартированных по множеству провинций, о великой силе золота и серебра в его казне, наконец, о самом стольном граде Мексико. Лежит он де по середке озера, и приблизиться к нему можно лишь водой или по трем искусственным дамбам; но и те прерываются съёмными мостами, да и каждая улица, даже каждый дом тоже может быть превращен в водяную крепость.

Не мало мы дивились этим рассказам. Но, странно, не страх они нам внушали, а великую жажду поскорее испытать свое счастье вопреки всяким укреплениям и съёмным мостам. Таков уж испанский солдат — нет для него невозможного: ведь на деле Мексика оказалась куда грознее этих рассказов!

Кортес же, в ответ, стал произносить свои обычные речи о государе и вере. Но индейцы молчали. Тогда Кортес обратился к нам: „Теперь, сеньеры, пожалуй, больше нечего делать, как водрузить крест!“ „Нет“, возразил патер Ольмедо, „время еще не пришло; сказали Вы им много полезного, но все же еще недостаточно, чтоб они уверовали“. Так, Кортес и отказался от своего намерения.

Зато индейцы очень интересовались нашими двумя псами, нашими конями, да нашей артиллерией. Перевод-

чики здорово пустили им пыль в глаза, объявив, что это — наши сотоварищи на войне, что они с яростью набрасываются на врага и до тла уничтожают его. И опять слышались речи, что мы подлинные „teules“ (боги), и что следовало бы нас умиловать подарками. Действительно, касик и его свита вскоре принесли нам подвески, ожерелье, разные фигурки из очень низкопробного золота, а также тук материй и в придачу дали еще четырех женщин для печения хлеба.

Не забуду я одного места в этом городе, подле самого большого храма. На большом пространстве, в тщательном порядке, стояли пирамиды черепов, всего не менее 100.000. Знаю хорошо, что обозначает такая цифра, но их действительно было столько! А по другую сторону, огромными грудями, высились остальные части костяков. Все было окружено частоколом с черепами же на остриях. Трое жрецов специально блюли это страшное место. Впоследствии мы видели еще не мало таких пирамид, даже в Тласкале, но нигде их не было столько.

На распросы Кортеса о дальнейшем пути, касик рекомендовал дорогу на Холулу, очень удобную и ровную. Но наши воины из Семпоалы указали, что путь на Тласкалу все же лучше, так как жители Холулы — верные подданные Мотекусумы, да и в самом городе стоит большой мексиканский гарнизон.

Взяв у жителей Хокотлана 20 лучших воинов, мы направились далее с еще большими предосторожностями и всегда зажженными фтилями.

Из маленького городка Хакатсинко, где нас одарили золотом, материей и двумя индианками, мы послали двух видных людей из Семпоалы послами в Тласкалу, ибо мы слышали, что по всей Тласкале собираются несметные полчища.

Два дня мы ждали наших послов. Оказывается, их не стали и слушать, так как из присутствия у нас людей из

Семпоалы и других данников Мексики Тласкальцы заключали, что мы двинулись на них по желанию Мотекусумы! Слышны были поэтому лишь проклятия и угрозы по нашему адресу, обещания нас зарезать и съесть. А послов наших заключили в темницу, откуда они лишь с великим трудом выбрались.

Не ждали мы этого! Но, что же делать: сомкнулись мы вокруг нашего знамени и двинулись дальше, искушая свою судьбу.

И счастье нам сперва улыбнулось. Без боя прошли мы сквозь пограничное укрепление, которое было столь крепко сложено из камней, извести и асфальта, что еле поддавалось железной кирке. Будь тут защитники — плохо бы нам пришлось... Вскоре мы вдаль увидели человек 30 воинов в полном вооружении; мечи и копья снабжены были столь остро отточенными кремнями, что могли помериться с нашим оружием. Мы послали всадников, чтоб захватить их живьем, но индейцы не только не побежали, а мужественно встретили атаку и ранили несколько лошадей. Рассвирепели тогда и наши и вскоре 5 индейцев пали мертвые. Тогда из засады высыпало не менее 3000 воинов, и конница наша должна была отойти. Подошедшая артиллерия опрокинула врага, который, впрочем, держался молодцом: четверо наших было ранено, а с той стороны оставили 17 убитых.

Хоть было уже поздно, но мы все же двинулись дальше, чтоб выйти из гор и спуститься в долину, изобилующую цветущими полями и садами. На ночлег мы расположились подле веселого ручейка, обмыли раны и смазали их, за неимением масла, жиром, вытопленным из убитого индейца. На ночь покушали мы щенят, оказавшихся здесь во множестве. Жители, убегая, увели и увезли все с собой, но собаки и щенята сами вернулись к ночи на старые пепелища. Всю ночь лошади были не расседланы, и пикеты, секреты и патрули зорко охраняли наш сон.

На-утро мы двинулись дальше и вскоре наткнулись на неприятеля, который шел двумя полками, всего около 6000 человек. С великим шумом надвигались они на нас, но Кортес отправил к ним трех пленных с предложением прекратить враждебные действия, так как мы пришли в качестве друзей и братьев к ним. Одновременно он приказал Диего де Годои, королевскому нотариусу, внимательно занести все дальнейшее в протокол, дабы, если нам когда-либо придется отвечать за урон, мы имели бы доказательство, что не мы начали первые.

Но враг не стал слушать никаких речей, а с остервенением бросился на нас. Тогда и мы ответили тем же, и наши мушкеты произвели немалое опустошение в их густых рядах. Враг отступил и соединился с главными силами, приблизительно 40.000, которыми командовал Хикотенга, как видно было по его цветам — красному с белым.

Местность была пересеченная, с многими обрывами, и конница наша была очень затруднена; к тому же враг стоял выше и бил сверху вниз, метко обстреливая нас не только стрелами и дротиками, но и камнями из пращей. Стало несколько легче, когда бой перешел в ровную долину. Беда была лишь в том, что мы должны были держаться все время вместе, иначе нас бы разъединили и уничтожили в отдельности: ведь против нас было не менее 20 сильных отрядов.

Враг всячески наседал; даже песком осыпал нас, чтоб ослепить и выбить из строя; но больше всего он стремился захватить наших коней. Живьем он ничего не захватил, зато был такой печальный случай. Морон, отличный кавалерист, и еще трое с ним получили приказ врезаться во вражеские ряды; здесь у него вырвали копье, изранили его мечами, а конь, получивший ужасный удар в шею, пал. Не подоспей мы во время — пропал бы и сам Морон, подхваченный замертво одним из трех оставшихся всадни-

ков. Как ни опасно было отделяться от других, наш взвод ринулся на подмогу и нам удалось отбить Морона; лошадь же, уже мертвую, уволокли, и нам удалось лишь срезать седло. Десятеро из нас было ранено, но не плоха была работа и наших мечей. Морон, впрочем, скоро скончался от ран; а труп лошади, как мы потом узнали, возили по всей Тласкале на-показ и в конце концов сбруя, подковы и войлочная шляпка ¹⁾ были принесены в дар богам. Целый час уже длилась битва. Велик был урон врагов. Изрядно мы бились, так как никогда еще не были столь близки к гибели. Но и неприятель показал себя храбрым; в полном порядке он отступил, потеряв одних начальников не менее восьми. О преследовании нечего было думать, ибо от усталости мы еле держались на ногах. Да и местность была мало подходяща из-за обрывов, множества домов, а также странных и опасных ям, в которых жили некоторые туземцы.

Произошла эта битва в первых числах сентября. Мы отошли к нескольким большим храмам и укрепились там, точно в замке. Раненых своих, 15 человек, мы опять пользовали человеческим салом, а также ухаживали за 5 ранеными лошадьми; едой нам служили куры и все те же вкусные щенята. Пленных забрали мы с два десятка, между прочим, двух знатных.

Весь следующий день мы отдыхали, исправляли арбалеты, изготавливали для них стрелы. Но затем Кортес сказал: „Смотрите, сеньеры, как бы тласкальцы не подумали, что с нас довольно и одной битвы! Покажем им, что мы не ослабели. Давайте, пойдем на разведки“. И семь всадников, несколько мушкетеров и арбалетчиков, а всего 200 человек, вместе с нашими союзными индейцами, отправились посмотреть цветущую, густо заселенную рав-

¹⁾ Надевалась лошади для предохранения от солнечного зноя.

нину. Легко мы при этом изловили несколько десятков туземцев, мужчин и женщин, но не причинили им вреда; зато наши союзники, свирепые по природе, не смогли удержаться от поджогов и грабежей.

Вернувшись в главную квартиру, мы, по повелению Кортеса, развязали пленных и накормили их. Затем толмачи наши беседовали с ними долго и вразумительно, говоря, что мы им братья и пришли им помогать, а не вредить. Одарили их также цветным бисером и отпустили их, вместе с двумя знатными пленниками, которым было наказано передать письмо главному начальнику.

Но старого Хикотенгу они не нашли, а сын его велел передать такой ответ: Пусть-ка сунутся во владения моего отца, там мы и помиримся, но лишь тогда, когда насытимся их мясом, а богов своих почтим кровью их сердец.

Помня недавнюю битву, не очень-то обрадовались мы такому ответу, но все же само возвращение обоих посланных было приятно: значит, они нам доверяют, слепой страх исчез. Кортес одарил их, поэтому, а кстати и спросил насчет Хикотенги и его военных сил. Оказывается, их не убыло, а прибыло, ибо всего у него теперь было пять ополчений, каждое по 10.000 человек; все они имели особых начальников, особые знамена с общим гербом Тласкалы — белая птица с распростертыми крыльями, а также полковые знамена и ротные значки, совсем как у нас, в Испании. Не ожидали мы таких порядков, а посему, будучи людьми и помня близость смерти, мы ночью исповедались и причастились; всю ночь, почитай, никто не спал.

В день 5 сентября выступили мы на рассвете, не исключая и раненых. Арбалетчики и мушкетеры получили приказ стрелять только залпами, причем одни только заряжали, а другие, лучшие стрелки, только стреляли; конница должна была действовать массой, прорывами, не ввязываясь в длительную борьбу; пехотинцам было реко-

мендовано биться сомкнутым строем; орудийная прислуга была увеличена.

Не прошло и четверти часа, как все поля кругом покрылись меднолицыми воинами. Началась битва, страшная, не поддающаяся описанию. Наша горсточка в 400 человек, среди которых было множество раненых и больных, была как бы вклинена в разъяренное вражеское море, и каждый из нас знал, что без победы он умрет либо на поле битвы, либо под ножом жреца.

В один момент вся земля была усеяна воткнувшимися стрелами и дротиками, но умелая стрельба и ловко рассчитанные действия кавалерии и пехоты не слишком часто позволяли врагу подойти вплотную. И все же мы бы не выдержали напора, если бы само великое множество врагов не явилось спасением: маневрировать они не могли, и многие отряды так и не введены были в бой, а, с другой стороны, каждый наш выстрел действовал без промаха. Наконец, уже в прошлой битве между Хикотенгой и другим начальником возникли пререкания, а теперь они перешли в явный разрыв и общее командование было разрушено. Так понемногу ослабели атаки, а вскоре некоторые части совсем воздерживались от боя, что навело уныние и на остальных. Все же отход произведен был в добром порядке, и наша конница лишь слегка могла преследовать врага.

Велико было наше ликование. Ведь лишь один из нас был убит, хотя более 60 получили поранения; сам я был задет камнем в голову и стрела врезалась в бедро, но все же я мог продолжать сражаться, как и большинство остальных раненых.

Вернулись мы к своим укреплениям с более легким сердцем, и в одном из подземных жилищ похоронили нашего убитого, дабы индейцы не заметили, что и мы смертны. Впрочем, нужда была все же не малая. Опять для наших ран не было масла, а для еды... не хватало

соли! К тому же со снежных гор вновь потянуло холодом, и мы дрогли всю ночь, хотя и впадали в сон от усталости.

На следующий день Кортес послал трех видных пленных, а также и тех двух, которые уже раз были нами отправлены для переговоров к касикам Тласкалы. Он еще раз подтверждал наше миролюбие и требовал свободного пропуска в Мексику, не более. Посланцы эти застали как раз большой совет, притом в очень дурном настроении; и в первый момент совет даже не желал выслушать посланцев. Но затем постановили: созвать всех жрецов, кудесников и гадателей и по их решению действовать. После множества заклинаний, волшебств и гаданий жеребьем же ответили, что мы — не „боги“, а люди, но сила наша идет от солнца, и если напасть на нас ночной порой, то нам не сдобровать.

Хикотенге, поэтому, был послан соответственный приказ, и в следующую ночь он направил на нас 10.000 отборных воинов, которые и напали с трех сторон одновременно. Шли они с величайшей уверенностью застать нас врасплох, да еще и в состоянии „слабости“. Велико было их изумление, когда они убедились в противном. Ведь мы все время спали одетыми, с оружием в руках, а кони наши были оседланы и взнузданы; не дремали и наши посты и патрули. Немедленно мы открыли убийственный огонь и наши удары были не хуже „дневных“. Враг заколебался, отступил; наша конница далеко его преследовала по ровному полю при полной луне.

Итак, замысел не удался; двух своих советчиков-кудесников они даже принесли в искупительную жертву, как мы впоследствии узнали. Потери Тласкальцев были велики, мы же потеряли лишь одного из наших семпоальских друзей убитым, да двух раненых.

Впрочем, на утро и мы сильно сдали. Ведь во всем лагере не было ни одного, кто за этот поход не получил бы

раны, а 55 человек умерло от ран, болезней или холода; многие неоднократно болели, да и сейчас 12 товарищей лежали пластом; сам Кортес, а также патер Ольмедо сильно страдали лихорадкой. Угнетало и мучило нас также полное отсутствие здесь соли. И невольно вырастали горькие сомнения: не смешно ли нам, больным и ослабевшим, идти походом против великого Мотекусумы с его многими армиями, даже если Тласкала нас и пропустит? Угнетение наше росло, тем более, что мы вновь отправили пленных с предложением мира, а ответа все еще не получали.

Не унывала лишь донья Марина, родом индианка, но с великим, бестрепетным сердцем. Всюду и везде она была вместе с нами, будь то днем или ночью; никогда она не выказывала малодушия и даже тревоги, хотя отлично знала, каковы наши дела. Заслуги ее безмерно велики: переговоры вела она и таким тоном, будто от нас лишь зависит гибель или спасение данной страны! Последним пленникам, например, она поручила сказать, что мы готовы простить все случившееся, даже... убийство нашего товарища-коня, но что терпение наше истощается и гнев наш будет ужасен...

На сей раз господь внушил тласкальским касикам, и прежде всего старому Хикотенге, иначе отнестись к нашим посланным. Собрано было большое собрание и взвешены все обстоятельства. Больше всего повлияло, что мы, несомненно, не друзья и союзники Мексики, которая вот уж 100 лет враждует с Тласкалой, уводит людей, разрушает обмен, так что нельзя достать ни соли, ни хлопка. Правильнее, поэтому, бороться не против нас, а с нами против Мотекусумы, общего врага, а посему послать к нам посольство, продовольствие, женщин. Так и порешили касики. Но молодой Хикотенга, не присутствовавший на собрании, и слышать не хотел о примирении, а, наоборот, готовил новое ночное нападение. Дошло до того, что он отказался от повиновения Совету, а тот, в свою очередь, запретил

начальникам отдельных частей исполнять приказы Хикотенги-сына. Урезонить его должны были те четыре посла, какие направлялись к нам, но и они, опасаясь молодого сумасброда, пошли кружным путем.

Два дня прошли спокойно, и Кортес, всегда советовавшийся с нами по всем делам, предложил нам небольшую ночную экспедицию в соседний городок Сумпансинко — не для избиения или устрашения, а лишь для провианта. Часа за два до восхода солнца мы вышли; участвовали все более или менее здоровые, между прочим, 6 всадников, 10 арбалетчиков и 8 мушкетеров. Команду принял сам Кортес, жестоко еще страдавший от лихорадки.

Было совсем темно, и с гор веял ледяной ветер. Не только люди, но и лошади сильно остудились, и два коня заболели опасно. Вообще, было много признаков неудачи и и суеверные люди стали болтать о возможности большого несчастья. Но Кортес нас успокаивал, и мы благополучно подошли к самому городу.

Продвижение наше было замечено, и все население спасалось в диком бегстве в виду диких рассказней, что мы убиваем всех, не щадя ни возраста, ни пола, пожираем сердца врагов и т. п. Видя весь этот переполох, мы нарочно задержались на обширном дворе храма, пока не разсвело, и тогда жрецы и старики, наблюдавшие за нами, решились подойти и заговорить. Начали они с извинений, что не оказали нам ни почестей, ни поддержки припасами, но в этом виноват молодой Хикотенга, стоящий вблизи и запретивший сношения с нами.

Кортес, чрез донью Марину, успокоил их и велел им идти к касикам главного города с сообщением о всем виденном и слышанном и новыми предложениями мира, а пока прислать 20 индейцев с продуктами. Так они и сделали, и вскоре у нас были и хлеб, и куры, и даже две индианки. Весело вернулись мы в лагерь, который с тех

пор неоднократно снабжался припасами из городка Сумпансинко, несмотря на недовольство Хикотенги.

И все же в лагере было не благополучно. Прежнее уныние выросло, особенно за наше ночное отсутствие, в нечто более опасное. Особенно недовольны были лица, имевшие поместья и индейцев на Кубе. Смертельно надоели им шатания по чужим землям, раны, лишения, холод. Выбрали они семь человек — имена их, чести ради, не хочу называть — для переговоров с Кортесом, начали ласково и вкрадчиво, а кончили требованиями и почти угрозами. Мера напастей переполнена! Дальше ждать — испытывать господ! Безумием было уничтожать корабли, чего не делали ни Римляне, ни сам Александр... Кортес отвечал им решительно, порой пространно, да так пристыдил, что им пришлось ретироваться. Конечно, было еще не мало ропота, проклятий, косых взглядов и тайных разговоров, но прямое послушание соблюдалось и в крутых мерах не было нужды.

Нелады были и у врагов. Совет Тласкалы в четвертый уже раз запрещал молодому Хикотенге враждебные действия против нас, и все же он плохо подчинялся или как бы издевался. Так, от него пришли 40 индейцев с съестными припасами, курением и перьями попугаев, в сопровождении 4 старух. Как будто пришли с миром, а на деле — с издевкой. „Если вы страшные боги, как уверяют жители Семпоалы, то примите в жертву присылаемых женщин и съешьте их; если вы добрые боги, то удовлетворитесь курением и перьями; а коли люди — кушайте присланные яства...“ Индейцы-носильщики, между тем, всюду шныряли и вынюхивали, то уходили из лагеря, то приходили, иногда заменяясь другими лицами, и ясно было, что они шпионы. Кортес, поэтому, велел двух из них, на вид наиболее почтенных, схватить и расспросить, и они быстро сознались, с какой целью их послал Хикотенга, стоящий неда-

леко, наготове, с войском в 20000 человек. То же сказали и другие. Тогда Кортес объявил об этом по лагерю; все наличные шпионы были схвачены — числом 17 — и Кортес велел некоторым отрубить большой палец, другим всю кисть и в таком виде вернуть их обратно к Хикотенге. Вид этих несчастных сильно подействовал на Хикотенгу, который уже готов был дать сигнал к наступлению; он сразу присмирел, тем более, что один из крупнейших его соначальников отказал ему в повиновении и ушел со своими отрядами.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uuaic.ru/>

ДРУЖБА С ТЛАСКАЛОЙ.

Так мы висели между миром и войной, деятельно готовя стрелы и исправляя свое оружие. Вдруг впопыхах прибежал солдат с форпостов с сообщением, что по дороге из Тласкалы показалось множество индейцев, нагруженных тяжелыми тюками. Вслед за ним прискакал всадник с тем же известием и прибавил, что караван совсем уже приблизился к нашему лагерю и лишь на время остановился для отдыха.

Кортес и все мы очень обрадовались доброй вести, твердо уповая, что это начало настоящего мира. Приказано было не бить тревоги и вообще сделать вид, будто мы ничего не ждем особенного.

При приближении к лагерю, из рядов носильщиков вышло четверо знатных, приветствовали нас в знак дружбы наклоном головы и прямо направились к хижине Кортеса. Здесь они рукою дотронулись до земли, поцеловали землю у его ног, всего его окурили и затем передали поручение великих касиков Тласкалы и всех их союзников, друзей и сродников. Пусть отныне будет мир, полный мир; ибо войну они начали потому, что многие годы окружены обманом и хитростью Мотекусумы, а посему не могли по-

верить нашим заверениям, видя в них новую ловушку того же Мотекусумы; теперь же они просят прощения за все содеянное и пусть примут принесенное ими продовольствие в знак мира и дружбы; через двое суток придет и Хикотенга с другими начальниками для выражения тех же чувств.

Закончив речь, они вновь преклонились до земли и вновь поцеловали прах у ног Кортеса. Но тот ответил им с великим достоинством и мрачным взглядом, что мало у него причин верить их мирным заверениям, что он уж совсем решился стереть с лица земли город их великих касиков, но раз уж они явились с просьбой о прощении, он готов сменить гнев на милость, пусть только придут к нему сами их великие касики, а не подручные люди.

Затем Кортес велел вынести синие стеклянные бусы для передачи касикам; послы откланялись и отошли в ту часть лагеря, где уже были воздвигнуты хижины по-индейски, разложены припасы, притащены дрова и вновь прибывшие женщины готовили нам превкусную снедь.

Видя все это, мы наконец-то уверовали в подлинность мира и с великой благодарностью обратились к господу. Это было спасение в крайний срок: все мы окончательно изнурились и слабели духом и телом.

Мир с Тласкалой невероятно увеличил нашу славу. Уже раньше в нас видели „teules“, сверхъестественные существа, теперь все преклонилось окончательно, со страхом пред победителями гордой и сильной Тласкалы.

Немедленно отозвалась и Мексика. Великий Мотекусума поспешил направить к нам в лагерь посольство из пяти сановников с приветствиями и поздравлениями, а также с подарками — разными драгоценностями на 1000 пезо и 20 тюками тончайших материй. Эти же послы сообщили об его готовности стать вассалом нашего великого государя и платить ему ежегодную, какую положат, дань зо-

лотом, серебром, камнями, тканями. Самим нам, впрочем, не следует утруждать себя приходом в Мексику, ибо путь далек, горист и безводен и даже Мотекусума не в силах устранить эти препятствия.

Кортес высказал полное удовлетворение, но просил послов не уезжать до тех пор, пока он сам не войдет в столицу Тласкалы.

Не успел Кортес отпустить этих послов, чтоб несколько отдохнуть в виду нового приступа лихорадки, как пришла весть о приближении Хикотенги с множеством касиков и военачальников. Одеты они были все в мирные одежды и приветствовали Кортеса по обычаю своей страны. Затем Хикотенга, видный мужчина лет 30 — 35, с гордой осанкой, широкими плечами и лицом, изрытым шрамами, заявил, что пришел от имени великих касиков Тласкалы с изъявлением покорности и послушания. Много времени Тласкала окружена жадными и злобными врагами, привыкла отбиваться и не верить словам, а посему и получилось прискорбное столкновение с нами, о чем они теперь искренно сожалеют. Теперь же они убедились, что мы непобедимы, и хотят стать вассалами великого Карлоса, чтоб тем покойнее проживать со своими женами и детьми, не боясь коварного Мотекусумы и его союзников.

Кортес радушно приветствовал недавнего врага и торжественно признал в нем отныне вассала нашего короля и, следовательно, друга.

Затем Хикотенга просил немедля прибыть в столицу Тласкалы, где великие касики и весь народ ожидают нас с нетерпением, но Кортес указал, что у него пока есть дела с послами Мотекусумы, а затем, вспомнив недавние нападения, омрачился и с горечью стал говорить о непостоянстве людей и ненадежности мира. Тогда Хикотенга выразил желание остаться со всеми пришедшими в качестве заложников...

При всех этих переговорах, столь внушительных и дружественных, присутствовали и послы Мотекусумы, и ясно было, что события сии весьма им не по вкусу. Когда же Хикотенга отклонялся, они тонко намекнули, что нас хотят заманить в столицу, чтоб тем вернее уничтожить, на что Кортес ответил, что не страшится измены и все же пойдет в Тласкалу. Тогда они просили его повременить хотя бы неделю, пока они пошлют кого-либо к Мотекусуме и получат его ответ. Кортес обещал им это, отчасти потому, что хотел сперва оправиться от лихорадки, отчасти потому, что в предупреждениях Мотекусумы надеялся найти не мало полезного для нас.

В это же время отправлен был в Вера-Крус и первый наш курьер, ибо все страны между нашим лагерем и нашим новым городом на побережье были теперь замирены. Кортес подробно сообщил Хуану де Эскаланте о всех наших победах и успехах, просил широко оповестить о них окрестности, устроить всеобщий праздник, а, кстати, доставить с курьером запасные гости и две бутылки вина, зарытые им в прежней его хижине. К великой нашей радости курьер вскоре вернулся с добрыми вестями об Эскаланте и тех 60 старых инвалидах, какие составляли гарнизон Вера-Крус.

Наши новые друзья, касики Тласкалы, с каждым днем все настойчивее звали нас в свою столицу, ежедневно присылая еду и лакомства в изобилии. Но Кортес не забыл своего обещания Мексиканцам и под благовидными предложениями оттягивал срок нашего посещения.

Наконец, в условленный срок, прибыло новое посольство из Мексики в лице шести высокочинных людей с богатыми золотыми подарками на 3000 пезо и 200 роскошных одежд. Мотекусума желал нам доброго окончания всех наших дел, но определенно просил не приводить с собой Тласкальцев, которым вообще нельзя верить: те-

перь, например, они только и ждут, как бы нас ограбить, тем более, что были свидетелями богатых подарков Мотекусумы.

Кортес благодарил и с беспечным видом уверял, что никакие козни ему не страшны, наоборот — теперь он еще более жаждет попасть в Тласкалу, чтоб проверить все эти слухи на месте...

В эту же минуту примчались запыхавшиеся гонцы с известием о приближении великих касиков и их свиты, которые идут, чтоб самолично вести нас в свой город. Кортес просил, поэтому, мексиканских послов обождать дня три, так как он сейчас будет занят важными делами с прибывающим великим посольством.

Великие касики, старый, слепой Хикотенга, Масэ-Эскаси и другие, все почтенного возраста, прибыли в носилках и паланкинах, с громадной свитой знатнейших людей, и почтительнейше склонились пред Кортесом. Затем выступил старик Хикотенга со следующим обращением: „Малинче, Малинче! (так отныне все индейцы стали звать Кортеса, так как его всегда сопровождала донья Марина, которую они прозвали „Малинчин“). Много раз просили мы у тебя прощенья за содеянное и объяснили тебе, почему мы так поступали. Знай мы тебя так, как мы теперь тебя знаем, мы поспешили бы тебе навстречу к самому берегу моря. Теперь же, когда ты простил нас, мы все, старые старшие касики, пришли к тебе, чтоб вместе с тобой направиться в нашу Тласкалу. Оставь же все свои дела, иди с нами, сейчас же! Ведь мы очень боимся, как бы Мексиканцы не нашептали тебе всякой скверны. Не верь им, а верь нам!“

Кортес с большой сердечностью ответил, что Тласкальцев он почитает отважным, прямым народом, и что в их столицу он не прибыл пока не по наущению Мексиканцев, а лишь потому, что не было у него людей для переноса

наших „Терузгес“ (так туземцы прозвали пушки) и прочего скарба.

Лицо слепца как бы просветлело и он воскликнул: „Как, из-за таких-то пустяков ты не мог нас посетить! и что же ты нам раньше не сказал об этом!“ И действительно, не прошло и получаса, как собрано было более 500 носильщиков, и мы, обычной своей воинской колонной, двинулись к Тласкале. Послов Мотекусумы Кортес пригласил с собой, дабы они сами убедились в чистоте намерений Тласкальцев; на их опасения он ответил, что они будут жить вместе с ним и никто не посмеет их тронуть.

При приближении нашем к Тласкале, касики поспешили вперед, чтоб все приготовить к торжественной встрече, и, действительно, все население, казалось, высыпало из города. Каждое племя и каждый род шли особняком со своими знаменами и в особых характерных одеждах; такими же красочными группами выступали и жители окрестных деревень. Хлопка у них не было из-за Мексиканцев, но одежда была из местного полотна, простенького, но изящного и хорошо окрашенного.

Затем выступали длинной процессией жрецы с кадильницами и храмовыми барабанами, в белых длинных одеждах, но с ужасными космами; к тому же они были забрызганы кровью, которая текла по лицу, так как они только-что кончили свои жертвоприношения; ногти на руках у них были невероятной длины, а голову они не поднимали — все признаки смиренномудрия и святости.

Кортеса тесным кольцом окружили наиболее знатные касики, образуя почетный его эскорт. Так мы вошли в Тласкалу 23 сентября 1519 года, на 24-й день после перехода границы.

Улицы города были полным полно народа; балконы и террасы ломились от множества ликующих женщин и детей.

Нам преподнесли десятка два корзин чудесных роз, и каждый из нас, особенно Кортес, офицеры и всадники, сплошь украшены были цветами.

Лишь медленно продвигались мы к назначенным нам квартирам, где Кортеса встретили и под руки ввели старик Хикотенга и Масэ-Эскаси. Для каждого из нас приготовлены были опрятные упругие постели и накидки из полотна. Поблизости с нами расквартированы были и наши друзья из Семпоалы и Кокотлана; а послов Мотекусумы Кортес поместил, как обещано, у себя.

Все было так хорошо и приветливо устроено, что мы невольно почувствовали себя у друзей, и невольно же ослабела наша бдительность, и караульный офицер счел возможным поговорить на сей счет с самим Кортесом. Но тот энергично воспротивился, ибо никакая любовь не должна затмевать рассудка и бдительности и многие знаменитые вожди гибли от своей беспечности.

Хикотенга и Масэ-Эскаси, впрочем, даже обиделись на наши меры предосторожности и предлагали заложников в каком угодно числе. Но Кортес их ласково успокоил, сказав, что он им целиком доверяет, заложников не возьмет, но что таков наш воинский обычай, отступать от которого мы не вправе.

В великом изобилии и покое прожили мы целых 20 дней в этом славном городе.

На следующий день после нашего въезда, Кортес велел соорудить алтарь и справить мессу, ибо у нас опять были гости и вино. Патер Ольмедо был еще болен, его заменил другой; все касики присутствовали.

После мессы Кортес ушел к себе, а мы, его обычная свита, а также великие касики, последовали за ним. И начался дружеский разговор. Хикотенга, от имени всех касиков, просил принять подарок, и на разостланную циновку положил пять или шесть кусочков золота, несколько камней

и несколько кусков полотна, всего на какие-нибудь 100 пезо. „Знаю, Малинче“, сказал слепец с улыбкой, „что эта наша нищета мало радости тебе создаст, но все, ведь, у нас отняли коварные Мексиканцы, и ты смотри не на цену подарка, а на сердце дарящего“. Но Кортес с великой сердечностью взял эти жалкие приношения и сказал, что они ему дороже целой горы золота. Много других теплых слов сказал он и окружил касиков знаками внимания и почтения.

Тогда старый Хикотенга начал вновь: „Малинче! Чтоб окончательно увериться в нашей дружбе, прими еще один дар от нас: мы решили дать тебе наших дочерей, чтоб они были вашими женами и чтоб у нас с вами выросло общее потомство. Мы хотим слиться с столь храбрыми и добрыми людьми. У меня самого красивая дочь, девушка, ее я предназначаю тебе“. То же сказали Масэ-Эскаси и другие великие касики, сопровождая свое предложение многими дружескими обещаниями... Хикотенга целый день провел с нами, и так как он ослеп от старости, но хотел иметь точное представление о Кортесе, он руками ощупал его волосы, лицо, бороду и все тело.

Кортес растроганно благодарил за высокую честь и мельком спросил патера Ольмедо: не пора ли теперь потребовать от них уничтожения идолов и кровавых жертв; ведь из страха пред Мексиканцами они пойдут на все. Но тот советовал не спешить, пока не найдется предлога, например, когда они приведут к нам своих дочерей.

Впрочем, уже на следующий день приведены были пять девушек, очень красивых, богато одетых, все дочери или племянницы самых главных касиков. Кортес опять благодарил, но просил пока-что оставить их еще в отчем доме. На изумленный вопрос касиков Кортес ответил длинной, красивой речью, где указал, что сперва всей Тласкале придется отказаться от идолов и возславить истинного бога и его мать, иксну которой он тут же показал им;

уверял он их также, что они вскоре поймут и всю выгоду такой замены, ибо бог даст им здоровье и удачу, а полям — ведро и обилие; их же проклятые идола лишь дьяволы, а посему не могут дать, а лишь отнять, не спасти, а погубить... Все это, от слова до слова, быстро и уверенно переводили донья Марина и Агуилар, ибо подобные речи были за обычай и повторялись при всякой возможности.

Но касики с великой серьезностью и единодушием ответили: „Малинче, все это и не раз мы уже слышали от тебя, и охотно верим, что ваш бог и эта великая дама — благие и добрые. Но не забудь, что ты всего несколько дней пришел в нашу страну, а, ведь, чтоб распознать ваших богов и весь ваш обиход, нужен немалый срок. Когда мы со временем все это узнаем, мы, конечно, изберем полезное и правильное. Если же теперь, из любви к вам, мы, старики, вдруг примем ваши обычаи, то что скажет наша молодежь? И сейчас уже жрецы грозят, что нас постигнут голод, мор и военные бедствия!“

По столь откровенному и бесстрашному ответу ясно было, что всякие настояния будут пока напрасны, и что они предпочтут смерть отказу от идолов. К тому же и патер Ольмедо, солидный богослов, тоже заявил, что необходимо повременить, так как негоже силой привлекать к христианству, да и люди должны иметь хоть кой-какие предварительные сведения о нашей святой вере. К его мнению присоединились и мы остальные, и Кортес ограничился пожеланием, чтоб один из новопостроенных храмов был очищен от идолов, вновь побелен и превращен в церковь. Касики охотно согласились, и там-то и были окрещены индейские наши невесты.

Дочь Хикотенги наименована была доньей Луизой, и Кортес взял ее за руку и передал Педро де Альварадо, объяснив Хикотенге, что Альварадо его младший брат и самый важный после него начальник. Дочь Масэ-Эскаси,

большая красавица, наречена была доньей Эльвирой, и ее получил, если не ошибаюсь, Хуан Веласкес де Леон. Остальных передали Кристобалу де Оли, Гонсало де Сандовалу и Алонсо де Авила.

Вся Тласкала участвовала в этом торжестве, особенно выделяя донью Луизу, как бы свою повелительницу. Она родила сына и дочь, донью Леонору, которая потом вышла за Франсиско де-ла-Кueva, знатного рыцаря, родственника герцога Альбукерка. Ее сыновья, четверо или пятеро, все важные господа и видные воины...

Неоднократно Кортес долго и дружески беседовал с ка-сиками о мексиканских делах, получая самые точные разъяснения, особенно от Хикотенги. Войско Мотекусумы достигало 100.000 человек и отбиться Тласкала могла лишь с величайшим напряжением, пользуясь ужасной ненавистью соседних племен, подчиненных Мексике и ограбленных ею. Много беды Тласкала видела и от соседней. Чолулы, большого города, откуда Мотекусума обыкновенно обрушивается на Тласкалу. Расположены войска гарнизонами в разных провинциях, из которых каждая платит тяжкую дань золотом, серебром, перьями, драгоценными камнями, бумажными материями и, особенно, людьми. Дворцы Мотекусумы, посему, полным полно сокровищами, ибо он владыка всех богатств подвластных ему стран, его желание — закон, и он берет себе все, что захочет.

Затем следовали рассказы о величине и блеске его придворного штата, о множестве его жен, которыми он иногда наделяет и других, о размерах и крепости его столицы, которую нельзя взять ни силой, ни измором, ибо в каждый дом проведена вода по трубам из далекого обильного ключа Чапультепек.

Оружие Мексиканцев состоит из двуострых дротиков, которые мечут при помощи особого ремня, так что те пробивают любой панцырь; затем из копий и мечей с велико-

лепно отточенными кремнями, прекрасных ватных панцирей и широких щитов; Мексиканцы отличные стрелки из лука, а в пращу вкладывают камни, старательно обточенные в виде пули.

Все это касики объясняли не только на словах, но показывали и рисунки, ловко исполненные на полотне. Коснулся разговор и более тонких материй, например, откуда пришли Тласкальцы и почему они, столь близко соседя с Мексиканцами, ответно с ними враждовали. Собщили они также о том, что до их прихода страну населяли великаны, грубые и дикие, которые потом либо вымерли, либо были уничтожены. В доказательство они показали бедренную кость такого великана. Действительно, она была размером в полный мой рост, а я ведь не мал. И таких костей было изрядное количество; мы дивились и ужасались такой породе прошлых времен и порешили образцы послать и нашему государю.

Но мы не только вели разговоры, хотя бы и интересные. Как раз в это время стал действовать вулкан подле города Хуэхотсинко, извергая пламя и огненные реки. Ничего подобного мы никогда не видали, и Диего де Ордас попросил разрешение Кортеса взойти на гору, чтоб ближе рассмотреть это чудо природы. Он взял двух из наших солдат, а также предложил нескольким знатным из Хуэхотсинко сопровождать его на Попокатепетл — так звали огнедышащую гору. Те, правда, не отказались, но постарались ему внушить страх рассказами об извергаемом пламени, громадных падающих камнях, дожде из пепла, удушающих газах и прочих ужасах. Но он настоял на своем, а они оставили его на полпути, у храма богов этой горы; пришлось трем бесстрашным Испанцам одним взбираться дальше.

Гора только дымилась, но как раз во время их восхождения началось новое извержение, земля затряслась, по-

сыпались какие-то губчатые камни, и им пришлось переждать с добрый час. Когда же стало потише, они продолжали свой путь, пока не добрались до самой вершины, в которой была совершенно крутая, громадная пропасть. Вид сверху был замечательный: как на ладони лежала Мексика, посередке озера, окруженная многими богатыми поселками и пригородами.

Насытившись вдоволь этим зрелищем, Ордас и его спутники спустились благополучно, к великому удивлению индейцев, и спокойно вернулись в Тласкалу. Туземцы не могли надивиться такой удали, да и мы в то время сочли это геройством. Впоследствии же не мало Испанцев и францисканских монахов поднимались до того же кратера. Ордас был лишь первым, за что и получил потом, в Испании, вулкан в свой герб. Когда же мы побывали в Никарагуа и Гватимале, Попокатепетл показался нам игрушкой.

Да, вот еще один факт. Часто мы в Тласкале натыкались на строения вроде клеток. В них содержалось множество индейцев, мужчин, женщин и детей, которые откармливались для жертвенного заклания. Ни минуты не думая, мы разрушали эти стойла и освобождали несчастных, которые жались к нам в страхе, боясь отойти хотя бы на шаг. Великое наше отвращение мы не скрывали ни пред касиками, ни пред остальными Тласкальцами, и часто их урезонивали бросить этот скотский обычай. Обещаний было много, но стоило нам лишь отвернуться, как все шло по-прежнему, и жестокости совершались повсюду.

ЗАПАДНЯ В ЧОЛУЛЕ.

Рассказы о богатствах Мексики сильно нас раззадорили, и в 17-й день нашего пребывания в Тласкале Кортес собрал общую войсковую сходку, чтоб обсудить дальнейший поход. Конечно, мнения разделились. Были и такие, которые указывали на безумие попытки — как может горсточка людей двинуться в столь прославленную столицу с ее множеством воинства. Но Кортес резко оборвал плаксивые речи, указав, что для нас существует лишь один лозунг — вперед; ведь не для смеха же мы столько раз оповещали Мотекусуму о своем визите. От всего сердца мы все, старые вояки, согласились с ним, а кучка недовольных, все те же помещики с Кубы, больше не раскрывали рта.

Хикотенга и Масз-Эскаси, видя наше твердое решение, не мало обеспокоились. Они всячески старались переубедить Кортеса, умоляя его не доверять Мексиканцам ни в чем: все их предложения, речи и подарки таят лишь измену. Нельзя ни верить им, ни щадить их, будь то юноша или старец; всех нужно уничтожить. Говорили они это не только из ненависти к Мексиканцам, но и из любви и преданности к нам, и Кортес неоднократно одаривал их, между прочим, той тонкой материей, какую мы получили в дар от Мотекусумы.

Когда же Кортес заикнулся о том, что после его похода в Мексику всюду в этих краях настанет мир и тишина, и что, поэтому, отношения между Тласкалой и Мексикой изменятся коренным образом, Хикотенга перебил его, сказав: „Заключать мир с Мексиканцами — пустая затея и трата времени; вражда все же останется в самой глубине сердца“...

Насчет избираемого пути мнения также расходились. Послы Мотекусумы, все еще находившиеся у нас, указывали, что наиболее удобная дорога ведет через город Чолулу, подвластный Мотекусуме, а посему всегда готовый оказать нам помощь. На этот же путь согласились и мы. Но касики Тласкалы советовали направление на Хуэхотсинко, жители которой в родстве и дружбе с Тласкалой; дорога труднее и голоднее, зато нет опасности измены, как в Чолуле.

Но Кортес избрал первый путь, настолько привлекал его большой город с множеством высоких строений и богатая его округа, изобилующая всякими припасами. Решив это, он тотчас сообщил о своем намерении властям Чолулы, выразив одновременно удивление, как это они до сих пор не удосужились прислать ему, посланцу великого монарха, достойного привет.

Между тем, доложили, что от Мотекусумы прибыло новое посольство с великими дарами, ибо Мотекусума считал недостойным своего сана посылать людей с пустыми руками. Действительно, дары на сей раз были изрядные: одного золота не менее чем на 10.000 пезо, а кроме того, 10 тюков удивительных изделий из перьев. Послами же — их было четверо — оказались что ни на есть знатнейшие сановники, по уверению Тласкальцев. Речь их была проста и коротка: Мотекусума де дивится, что Кортес находит удовольствие в общении с бедной и грубой страной; пусть он лучше поспешит в Мексику, где встретит подобающий прием... Конечно, Мотекусума хотел нас поскорее выма-

нить из Тласкалы, тесная дружба с которой ему была очень не по душе.

Кортес ответил рядом учтивостей, благодарил за приглашение, и просил пока что послов не уезжать, тем более, что сам задумал послать в Мексику двух наиболее блестящих наших офицеров, именно Педро де Альварадо и Бернардино Васкеса де Тапия. Подробностей, к сожалению, не знаю, так как в это время тяжело заболел лихорадкой, к тому же вскрылись раны, и мне ведомо лишь, что Кортес их вернул с пути и что, с другой стороны, Мотекусума очень заинтересовался этой парой и у своих послов испросил точное их описание и даже рисунки с них. Тут-то впервые Альварадо и получил название „tonacio“, что по-мексикански „солнышко“, ибо он был человеком очаровательной внешности и тонких, располагающих манер, всегда приветливый, точно сияющий. Впрочем, не менее приятное впечатление производил и Тапия, несмотря на громадную свою силу. Итак, их вернули, и никто из нас не скрывал, что посылка их — одно из наиболее неудачных мероприятий Кортеса.

В это же время касики Чолулы прислали „посольство“, если его можно так называть: всего четырех человек, незнатных и плохеньких, без всяких подарков, даже без припасов. Речи их были вялы и неуклюжи: касики де не смогли сами прибыть по нездоровью.

Тласкальцы очень удивились такому посольству, считая его за насмешку, а Кортес послал четырех индейцев из Семпоалы в Чолулу с требованием в трехдневный срок отрядить благопристойное посольство, иначе он будет считать, что вся их округа находится в бунте и восстании против него, Кортеса. Узнав это решение, касики Чолулы немедленно извинились, указав, что в Тласкалу они не отваживаются притти из-за давнишней вражды, но как только Кортес вступит в их пределы, он убедится,

что Чолула не хуже других умеет исполнять свой долг.

Кортес удовлетворился этими разумными объяснениями, и на следующее утро было назначено наше выступление. Тогда великие касики Тласкалы сообщили, что в помощь нам, зная нрав и предательство Мексики, они отряжают 10.000 отборных воинов. Кортес был растроган такой заботой, но согласился лишь на 2.000 человек, так как вторгнуться с большим войском в страну, с которой хочешь жить любовно, ему казалось нецелесообразным.

И вот мы двинулись на Чолулу, обычной колонной, но с удвоенными предосторожностями. На ночь мы остановились у большого каменного моста через реку, где для нас уже были приготовлены хижины и бараки и где ожидали нас посланные от касиков Чолулы, все люди знатные, с множеством съестных припасов, извещая, что на-утро придут и сами касики со жрецами. Так оно и было, Высыпало еще великое множество народа, и все казались весьма радушными и мирно настроенными. Об одном лишь просили касики и папы, чтоб наш отряд Тласкальцев, во всяком случае не входил в их город, так как вражда их давняя и возможны крупные неприятности. Кортес внял этому, и просил Тласкальцев расположиться вне города, объясняя им, особенно чрез Альварадо, разумность и необходимость такого распоряжения.

Когда касики Чолулы узнали об этом, они несколько успокоились, а Кортес приступил к ним с иными речами: почему они до сих пор не обещали бросить своего идолослужения и не выразили подчинения нашему государю, ведь сделали это другие окрестные народы и им не пристало бы отставать от них. Ответ был: отказаться от своих богов они не могут, тем более, что с нашими они знакомы со вчерашнего дня, зато ничего не имеют против признания нашего монарха. Впрочем, совершили они это

не формально, без нотариальной записи, и изустно, после чего мы начали свое вступление в город. Народа было видимо-невидимо, крыши и балконы были битком набиты разряженными зрителями; да и понятно: никогда еще они не видали ни лошадей, ни белых людей.

Прием в Чолуле, несомненно, сперва был и сердечным, и искренним. Но, увы, вскоре все изменилось. Именно, Мотекусума предписал, чрез тех своих послов, какие были при нас, чтоб Чолула потихоньку готовилась к бою, который откроется тогда, когда придет от него войско в 20.000 человек, и будет продолжаться этот бой непрерывно днем и ночью, до полного нашего истребления. Подкреплялось это предписание многими подарками и наградами, например, позолоченным барабаном или обещанием двадцать из нас принести в жертву именно здесь, в Чолуле.

Все было предусмотрено до мельчайших деталей: присланное войско спрятано в лесистых ущельях в получасе ходьбы от города, оружие роздано в громадном изобилии, балконы снабжены брустверами, улицы перерезаны рвами и земляными насыпями, дабы затруднить действие конницы; некоторые дома, как оказалось, были даже наполнены особыми шестами, ошейниками и ремнями, чтоб крепко-накрепко связать нас и в таком виде доставить живыми в Мексику... Но бог всемогущий решил иначе, как мы увидим...

Поместили нас в очень удобных квартирах, и пища шла нам изобильная. Но уже на третий день прекратили доставку еды, перестали появляться также всякие касики и папы. Если же показывался какой-нибудь индеец, он насмешливо хохотал и вскоре исчезал.

Кортес потребовал от послов Мотекусумы объяснений, почему прекращена доставка съестных припасов. Те ответили, что временно вышел весь маис в Чолуле.

На тот же третий день прибыло новое посольство от Мотекусумы, но уже с иным совершенно поведением: без

всякого церемониала, прямо-таки нахально, они объявили, что Мотекусума не желает нашего прибытия в столицу, так как нечем нас там содержать; ответ должен быть дан сейчас.

Кортес сразу понял, что дела приняли скверный оборот, но с обычной вежливостью и сдержанностью выразил лишь удивление, как это великий Мотекусума столь часто меняет свои намерения; а что касается их отъезда, то он просит их несколько повременить, на что они и должны были согласиться. Нас же он сейчас собрал, и внушил еще бóльшую осторожность, ибо пахнет изменой. Наконец, он пригласил к себе самого важного из здешних касиков, но тот не пришел, объявившись больным.

Опасные признаки накапливались все больше, и Кортес велел нам возможно незаметнее извлечь, бережно и даже с почетом, из близлежащего храма парочку жрецов. Это удалось, и Кортес начал с того, что богато одарил их, и потом спросил: почему с недавнего времени жрецов, касиков и прочих жителей обуял такой неожиданный страх пред иноземцами. Один из них, самый главный, ответил, что никакого особого страха нет, и он готов пойти и пригласить касиков, что он и исполнил. Кортес к ним обратился с тем же вопросом, указав, что ему пора двинуться дальше, в Мексику, а посему они должны доставить носильщиков для переноса пушек и багажа. Ответ был какой-то странный, а один из касиков прямо проговорился, заявляя, что они давно бы прислали еды, если бы не было запрета Мотекусумы.

Еще во время этих переговоров трое из наших друзей из Семпоалы, которые, в отличие от Тласкальцев, вошли с нами вместе в город, тайно донесли Кортесу, что ближайшие к нам улицы уже перекопаны, и что глубокие рвы, внутри которых торчат заостренные колья, искусно замаскированы досками и землей; что на крышах и балконах

навалена масса камней; что ряд улиц закрыт сооружениями из толстенных бревен. Почти одновременно прибыли и восемь Тласкальцев со следующим указанием: „Малинче! видишь, насколько мы были правы в своих предостережениях. Чолула готовит тебе ловушку; еще вчера они принесли в жертву семерых, чтоб бог дал им победу нам вами, и вчера же они вывели жен и детей из города“. Кортес поблагодарил их горячо, просил вернуться в лагерь и быть особенно бдительными, чтоб при первом зове двинуться в город на соединение.

Местным же касикам Кортес посоветовал помнить их обещание испанскому королю и не беспокоиться, ибо на следующий день он порешил выступить в Мексику, для чего Чолула должна предоставить носильщиков и 2.000 воинов, т.-е. столько же, сколько и Тласкала. Касики обещали точное исполнение и откланялись, весьма радуясь, повидимому, что их так легко выпустили и что мы своей просьбой о войнах еще более облегчили им дело, ибо те могут внезапно напасть на нас и продержаться, пока не подоспеет войско Мотекусумы для окончательной расправы. О том, что мы почуяли измену, никто из них не догадывался.

Кортес же старался все более и более точно проникать в их планы, а посему обратился к донье Марине, чтоб она новыми подарками склонила жрецов на дальнейшие разговоры. Донья Марина ловко умела обделять такие дела, и вскоре пред Кортесом предстали оба жреца. Кортес убедительно доказывал, что им, почтенным старцам, да еще священникам, менее всего пристало лгать, а посему он надеется, что они выложат ему всю правду, тем более что он завтра уходит и никому не скажет ни слова. Жрецы помялись немного, но постепенно разговорились: что Мотекусума несколько раз уж менял свои намерения, что раньше он приказал принять нас радушно в Чолуле и с почестями проводить в Мексику, а теперь

мексиканское жречество уверило его, что боги порешили нашу гибель в Чолуле, а посему он послал большое войско на помощь этому городу...

Богато одарив жрецов и отпустив их, Кортес собрал войсковую сходку для изложения дел. Меньшинство стояло либо за избрание другого пути, либо даже за возвращение в Тласкалу; мы же, большинство, указывали, что, не отомстив как следует за измену в Чолуле, мы в другом месте подвергнемся еще большей напасти, что если уж начать военные действия, так именно здесь, в богатом и изобильном городе; и что прежде всего нужно известить наших друзей Тласкальцев за городом, чтоб и они своевременно могли принять участие в нашем бранном труде.

Затем Кортес приказал нам приготовиться к походу на завтра, что было не трудно, ибо добра у каждого из них было почти что ничего, а послам Мотекусумы объявил, что какие-то злодеи в Чолуле замышляют коварство и измену, что они даже готовы свалить вину на послов и самого Мотекусуму, чему он, конечно, не верит, а посему просит их остаться у нас, прекратив всякие сношения с горожанами, а завтра, при походе, быть нашими проводниками в Мексику. Послы, разумеется, проявили большое изумление, уверяли в полнейшей своей лояльности, но все же к ним приставили стражу.

Всю ночь мы были на чеку, так как предполагали именно ночное нападение. Наибольшую уверенность получили мы еще со слов старухи-индианки, которой донья Марина, молодая, красивая и богатая, настолько приглянулась, что она уговаривала ее бросить нас и перебраться к ней, ибо ночью нас всех перебьют по приказу Мотекусумы. Пусть она соберет все свои драгоценности — а у ней их было уже не мало — и она ее сохранит, а затем выдаст ее за своего второго сына.

Умная донья Марина горячо благодарила старуху, но сказала, что сейчас не может с ней пойти, так как ей одной не снести всех своих вещей. Пусть она вместе с сыном останется в нашем лагере до ночи, и тогда они заберут все и уйдут вместе с ней. Старуха так и сделала, и донья Марина завела с ней длинные разговоры, понемногу вытягивая из нее все, что та знала. Оказывается, муж ее — начальник одного из кварталов; вот уже дня три, как идут приготовления к нападению; войско Мотекусумы прибыло и искусно спрятано, отчасти в самом городе; роздано много подарков и еще больше обещано; особые награды ожидают тех, которые живьем поймают испанца, чтоб он мог быть заколот на алтарях Мексики....

Донья Марина и глазом не моргнула при этих рассказах, а обнимала и гладила старуху; затем встала, говоря, что теперь пойдет собирать свои вещи. Сама же, конечно, пошла к Кортесу и все от слова до слова пересказала ему. Кортес велел привести старуху, и извлек из нее еще немало ценных сведений.

Так прошла ночь. С наступлением же дня в наши квартиры привалила великая сила индейцев под видом носильщиков и 2000-ного вспомогательного войска. Занятно было видеть затаенную радость и глубокую скрытую насмешку касиков и жрецов, предполагавших, что мы уже крепко сидим в мышеловке, ибо людей они привели много больше, нежели мы потребовали. Они наполнили громадные дворы храма, нашей квартиры, которая сохранилась и по сию пору в память того кровавого дня.

Как ни рано они пришли, но нас они уже застали готовыми к работе. Именно, наиболее надежные из нас были расположены вдоль ворот, чтоб у каждого проходящего отнимать его оружие. Сам же Кортес с охраной находился в глубине двора, верхом на коне. Узнав, кстати, что наши два жреца тоже стоят вместе с другими пред воротами,

он велел им сказать, что в их присутствии сегодня не нуждается, дабы таким образом избавить их от опасности, и чтобы не говорили, что за добрые услуги он заплатил не добром.

Тогда, сидя высоко на коне, Кортес гневно обратился к касикам и остальным жрецам, изложил им всю их измену, все предательские приготовления в городе в течение последних трех дней, прибытие отрядов Мотекусумы, словом, все, с величайшими подробностями. Касики, как один, ответили, что это так, но что вина падает не на них, а на послов Мотекусумы и на него самого. Но Кортес прервал их указанием, что по испанским законам они подлежат смерти, дал знак и раздался выстрел — условленный сигнал для начала кровавой работы.

Множество индейцев было перебито нами ¹⁾, другие были заживо сожжены. Не помогли им лживые обещания их лживых богов!... Не прошло и двух часов, как к нам присоединились наши друзья из Тласкалы, которые отважно пробились сквозь полчища жителей Чолулы, а теперь стали, несмотря на наши предостережения, разбредаться для грабежа и ловли людей. На следующий день, впрочем, прибыли новые отряды из Тласкалы и совершили новые неистовства в городе, ибо взаимная их ненависть действительно была непомерной. С великим трудом Кортесу, при помощи Альварадо и Кристобаля де Оли, удалось ввести их опять в нужные границы и выпроводить из города в лагерь.

Во время этой расправы к Кортесу устремились касики и жрецы из других, более отдаленных кварталов города, уверяя, что они и их подвластные не причастны к измене, в чем им и можно было верить, так как кварталы города

¹⁾ Сам Кортес в своей реляции королю указывает число 3000, навряд ли преувеличенное.

имели особые управления, независимые друг от друга. К их просьбам присоединились и оба известных уже нам жреца, а также старуха, сватавшая донью Марину.

Сперва Кортес не очень склонялся на эти просьбы, но потом, велев позвать послов Мотекусумы, заявил, что он готов переменить гнев на милость ради уважения к Мотекусуме, а посему приостанавливает дальнейшее возмездие. Одновременно он вызвал и начальников Тласкальцев из лагеря и повелел им отпустить на волю весь их полон, мужчин и женщин. что те и сделали, повинуясь воле Кортеса. Конечно, им это было не легко; впрочем, богатства они унесли все же достаточно — золота, одежд, соли, рабов. Еще любопытнее, что отныне отношения между Тласкалой и Чолулой не только поправились, но и ничем, насколько я помню, более не нарушались.

Затем Кортес велел местным касикам и жрецам принять меры, чтоб в пятидневный срок вернулись все жители и попрежнему бы действовали все „тиангэс“, т.-е. рынки, с своей стороны ручаясь, что никто никакой обиды не претерпит. Жители опасались, между прочим, что Кортес, взамен убитого главного касика, участника заговора, сам назначит нового, грозного; но Кортес поступил иначе, чем много способствовал возвращению мира и доверия, именно: узнав, что по законам страны наибольшее право имеет брат убитого, он ему и передал это место.

Когда город опять наполнился народом и сутолокой, Кортес велел созвать всех, особливо касиков и жрецов, и держал им длинную речь о преимуществах нашей святой веры и о пакости и тщете идолослужения и человеческих жертв, напомнив, что недавнее обещание их богов насчет победы было посрамлено. Посему он надеется, что вскоре они разрушат свои капища либо сами, либо попро-

сят сделать это нас, а пока один из храмов должен быть отделан заново и в него поместят алтарь и крест. Собравшиеся согласились на это, дали даже кучу обещаний, хотя потом их и не сдержали, но патер Ольмедо утешал нетерпение Кортеса указанием, что счастливое наше вступление в Мексику должно сильно изменить мнение всех здешних людей.

Прибавлю теперь, что город Чолула лежит в равнине, окруженный многочисленными цветущими поселками. Страна изобилует маисом, разными овощами и „аси“, из которого население гонит крепкое вино; ¹⁾ город же, вроде наших Талаверы или Паленсии, знаменит своей посудой с красивыми рисунками, которая расходуется и в Мексике, и по всем окрестным провинциям. В самом городе до сотни храмов, из которых особенно замечателен один, величиной больше всех мексиканских, с почти сотней дворов и колоссальным идолом, к которому устремляются паломники со всех сторон, принося жертвы и подарки и совершая 9-дневное служение...

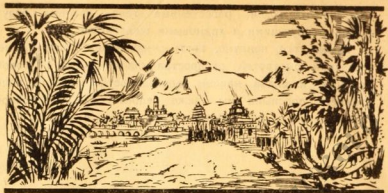
Остается еще сказать о войске, посланном сюда Мотекусумой. Узнав о нашей расправе, они немедленно повернули обратно в Мексику, где Мотекусума, вне себя от огорчения, тщетно вопрошал богов, что ему следует предпринять: помешать ли нашему продвижению на Мексику или, наоборот, спокойно впустить нас в столицу. Лишь после двухдневных кровавых жертвоприношений оракул сказал, что он немедленно должен послать к нам посольство, чтоб извиниться за события в Чолуле, всячески способствовать нашему приходу в Мексику, а затем, когда мы прибудем туда, прервать все сообщения и уничтожить нас голодом, жаждой и постоянными атаками. Тогда-то бог и примет с великим удовлетворением великую жертву —

¹⁾ т. наз. „pulque“.

всех белых людей, рассеченные тела которых будут съедены верующими и храмовыми животными...

Кроме того, понятно, весть о наказании Чолулы с невероятной быстротой распространилась по всей Новой Испании, и слава нашей непобедимости возросла паче прежнего; прослыли мы также вещими, так как всякое тайное дело для нас сейчас же становится явным.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

ПУТЬ В МЕКСИКУ.

Две недели пробыли мы в Чолуле, которая успокоилась и оживилась, совсем как раньше. Затем мы выступили в Мексику. Но накануне еще прибыло новое посольство от Мотекусумы с обычными подарками тысячи в две пезо: высказав свое сожаление за события в Чолуле и свой гнев по поводу того, что злое дело осмелились связать с его именем („жаль, что вы этот народ лгунов не наказали еще сильнее“!), Мотекусума звал нас в Мексику. Все мы, и солдаты, и офицеры, несказанно обрадовались такому повороту дел, и жажда увидеть, наконец, сказочно богатую Мексику усилилась непомерно, особенно у нас, бедняков, участников прежних открытий, не имевших кубанских поместий.

Троих из этого посольства Кортес оставил у себя в качестве проводников, а остальных вернул в Мексику с известием о нашем туда приближении.

Стоит отметить также, что оба великих касика Тласкалы сделали еще одну последнюю попытку удержать нас от губельного, по их мнению, похода; и еще раз они предложили Кортесу вспомогательный корпус в 10.000 человек, снабженный всем необходимым, вплоть до провианта.

Кортес был растроган, но опять-таки по указанным причинам отказался от столь крупной помощи, зато потребовал 1000 человек для транспорта и исправления дорог, которые тотчас и прибыли, все ловкие, сильные ребята.

Наконец, в самый последний момент наши друзья из Семпоалы заявили, что дальше они не пойдут, так как на каждом из них тяготеет много ответственности против Мотекусумы, чиновников которого они захватили силой и самую власть которого они отвергли. Как ни успокаивал их Кортес, как ни уговаривала донья Марина, они стояли на своем, и Кортес с миром отпустил их, раздав им щедрые подарки из мексиканских приношений и послав два тюка материи и толстому касику. С ними же он послал письмо к Эскаланте в Вера-Крус с изложением всех событий и просьбой поскорее закончить постройку крепости, быть бдительным и защищать окрестное население от возможных посягательств мексиканских чиновников, не забывая и о строжайшей дисциплине в собственном отряде....

Шли мы, разумеется, с всевозможной осторожностью, а посему небольшими лишь переходами. К вечеру мы дошли до местечка Искалпан, где нас встретили касики и жрецы страны Хуэхотсинко, соседей и союзников Тласкалы. Подарки их были бедны, но еды они припасли нам много, и Кортес принял их с великим расположением.

Но и они старались нас отговорить от похода, выставя великие опасности от многочисленности и коварства врагов. Когда же они в этом не преуспели, они подробно описали нам дальнейший путь. Скоро де, после выхода из гор, пред нами будут две дороги: одна, весьма хорошая и удобная; другая, загроможденная только что сваленными могучими деревьями. Первая, на Чалко, опасна, так как она нас приведет в искусственный тупик, где находится засада Мексиканцев; вторая, на Тлалманалко, — безопасна

и по ней мы должны пойти, так как и они сами, и наши Тласкальцы смогут освободить ее от деревьев.

Действительно. К полудню следующего дня мы миновали горное ущелье и увидели пред собой обе дороги. Кортес давно уже решил следовать совету касиков из Хуэхотсинко, но все же надумал испытать мексиканских послов, которые, конечно, высказались за дорогу на Чалко, удобную и обильную продовольствием.

Но мы пошли на Тлалманалко, и нашим индейцам лишь с великим трудом удавалось расчищать путь, ибо деревья были так велики, что и по сию пору многие из них лежат вдоль дороги. Когда же мы поднялись на кряж, пошел такой густой снег, что покрыл все в один момент. Впрочем, скоро мы стали спускаться, и на ночь укрылись в нескольких зданиях, служивших, вероятно, гостиницами для проезжающих купцов. Еда была обильная, и, несмотря на большой холод, мы хорошо провели ночь, а на следующий день спуск продолжался, пока мы не достигли Тлалманалко.

Здесь нас уже ожидало множество людей из Чалко, Амакэмекана, Аиотсинко и других поселений, названий которых теперь не упомяну. Сообща они поднесли нам подарок: золота на полтора пезо, да два тюка материи. Были они приветливы и доверчивы, и Кортес благодарил их от сердца и спросил, не нужна ли его помощь, а патер Ольмедо, по его настоянию, должен был произнести краткое поучение о вере и призыв к отказу от язычества. Те слушали весьма добродушно, а на призыв ответили, что — там видно будет; зато сообщение о величии нашего государя и его постоянное стремление установить повсюду мир и справедливость, — привело их в восторг, и они наперерыв стали жаловаться на гнет и издевки Мотекусумы, старательно наблюдая, чтоб мексиканские послы их не услышали. Оказывается, что их то и дело сгоняли на бар-

щину, на подвоз и перенос камней, леса, маиса, на обработку господских полей; собственными их полями завладели мексиканские храмы, а жен их и дочерей уводили насильно, не говоря уже об обычной охоте на людей для жертвоприношений.

Кортес утешал их, сколько мог, а донья Марина с особой охотой переводила его слова; он уверял их, что им придется еще малость обождать, и тогда ему удастся освободить их от тяжкого ига.

Отсюда Кортес, между прочим, хотел послать двух местных касиков в сопровождении нескольких Тласкальцев, чтоб посмотреть, что делается на другой дороге, особенно там, где расставлена была засада. Но касики указали, что засада эта снята вот уж несколько дней, что уничтожен и завал пути, ибо Мотекусума получил новый оракул — не препятствовать нашему въезду в Мексику, так как именно в этом городе всему нашему войску суждено погибнуть. „Не ходи же в Мексику, Малинче“, — молили касики, „там тебе действительно не сдобровать!“

Кортес поблагодарил их за сведения и совет, и с радостным лицом заметил, что никто у нас не может отнять жизни, ни Мексиканцы, ни кто-либо иной, а только наш бог. Посему-то мы и идем бестрепетно в Мексику...

Только что мы хотели пуститься в путь, как прибыло новое важное посольство, с обычными подарками, но необычным поручением. Оказывается, Мотекусума обещал ежегодно платить нашему государю столько золота, серебра и камней, сколько он повелит, но лишь тогда, если Кортес повернет назад, за что Мотекусума готов ему заплатить четыре бремени ¹⁾ золота, а каждому из нас по одному; дальнейшее продвижение к Мексике Мотекусума запрещал, ибо весь его народ готов вооружиться, да и к столице ведет

¹⁾ Бремя = 50 испанск. фунтам, т.-е. 800 унций.

лишь одна узенькая дорога и съестных припасов в ней теперь совсем мало.

Кортес поразился этим известием, но не показывал вида, а, наоборот, обнял послов и с великой охотой принял подарки. Ответ же его был короток: Мотекусума слишком великий монарх, чтоб так часто менять свое мнение, а посему он, Кортес, продолжит свой путь; Мотекусума слишком мудр, чтоб не понять, как сильно разгневается наш государь, когда мы не выполним его приказа посетить Мотекусуму и повидать Мексику; если же Мотекусуме не понравится наше пребывание в его столице, мы сейчас же, по первому его приказу, уйдем оттуда; что же касается недостатка съестных припасов, то мы столь избалованы и привычны, что это не играет для нас роли.

С этими соображениями Кортес и отослал послов. А в нас, солдат, невольно, по слабости людской, стали прокрадываться страх и дурные предчувствия: близость смерти обвела нас, ибо не напрасны казались нам столь единодушные предостережения и Тласкальцев, и наших друзей из Семпоалы, и людей из Хуэхотсинко, из Чалко и других местностей.

Впрочем, уже на следующее утро наше молодухи как рукой сняло. Именно, Мотекусума, узнав о непреклонности нашего решения, вновь изменил свою тактику, и послал нам навстречу своего племянника Какаматсина, князя Тескуко. О его приближении известили нас запыхавшиеся сановники, а вскоре прибыл он сам в невиданном доселе великолепии. Восемь знатных Мексиканцев, все владельцыные господа, несли его в золотом паланкине с множеством драгоценных камней и ярких зеленых перьев. Одежда его была роскошна. Приблизившись к нашему лагерю, Какаматсин покинул носилки, опираясь на двух свитских, а другие очищали пред ним дорогу, чтоб его нога не коснулась ни камня, ни соломинки. Прodelав обычные привет-

ствия, он сказал следующую краткую речь: „Малинче! Я и вот эти сановники прибыли приветствовать тебя и сопровождать тебя весь остальной путь; скажи, в чем нуждаешься ты и твои товарищи — все у тебя будет. А послал нас наш повелитель, великий Мотекусума“.

При виде столь великого богатства наши сердца воспламенились: если таков племянник Мотекусумы, то каков же он сам!

Кортес же спокойно обнял Какаматсина, сказал ему и его свите ряд учтивостей, одарил их стеклом, и мы двинулись вперед. Со всех сторон бежал народ, чтоб полюбоваться нами, и на дороге становилось тесно и пыльно.

Когда же мы на следующее утро попали на большую, как стрелу прямую дорогу из Истапалапана в Мексику, и когда впервые пред нашим изумленным взором открылись города и деревни, то на берегу озера, то как бы вырастая из самой воды, — нашей радости не было предела. То и дело слышались речи, что пред нами зачарованные дворцы из авантур Амадиса; многие даже высказывали предположение — не навождение ли это. В самом деле: всюду возвышались башни и храмы, могучие строения из камня, то на земле, то на воде. Никогда ни о чем подобном не мечтали мы даже во сне!

Чем больше мы приближались к Истапалапану, тем больше росло наше преклонение пред мощью и богатством этой страны. Пред городом нас встретили опять новые высокие особы: князь Куитлауака и князь Кохоуакана, оба в близком родстве с Матекусумой. Разместили нас в подлинных дворцах громадных размеров, чудной стройки, с обширными тенистыми дворами; все залы обвешаны были обоями из чудной материи. Кругом шли сады, да такие, что не насмотришься, не нагуляешься: везде редкостные, цветущие и благоухающие деревья, замечательные фрукты, цветочные ковры; там и сям виднелась зер-

кальная гладь прудков и прудов, иногда соединенных с озером широким каналом, хитро выложенным изразцами и каменной мозаикой; на деревьях, лугах, прудах — всякая птица, цветноперая, яркая. Все было так необычно и красиво, что навряд ли до нас кто-либо открывал столь дивные страны!.. Но теперь от всего этого нет и следа, и от великого города не осталось камня на камне!

Истапалапан в то время был значительным городом на-половину в воде, на-половину на суше. Ныне здесь уже нет озера; где раньше были каналы и шли суда, там теперь сеют и жнут. Все изменилось настолько, что никто этому даже не верит. А ведь прошло так немного времени!...

Местные касики преподнесли нам золота на 2000 пезо; Кортес их принял благосклонно и много с ними беседовал о вере и государе.

На следующее утро мы выступили из Истапалапана, и шоссе, по которому мы шли, было шириной в 8 шагов, прямиком вело в Мексику. Но, несмотря на такую ширину, оно было забито массой туземцев, которые отовсюду бежали, чтоб поглядеть на невидальщину, т.-е. на нас и лошадей.

С каждым шагом изумление наше росло и язык немел от удивления. Вон ряд провинциальных городов, здесь, точно вырастая из воды, ряд других; всюду шныряют лодки; шоссе часто ведет через чудесные мосты; а впереди мерещит сам великий град Мексико во всей своей красе.

А мы — кучка из 450 человек, затерянная среди этого моря чужих народов! Недаром все время вспоминались многократные дружеские предостережения, и невольно сердце сжималось от разнородных предчувствий. Да, были ли когда-нибудь мужи, бросившиеся столь же отважно в подобную авантюру!

МОТЕКУСУМА.

Когда мы подошли к месту скрещения главной дамбы с менее большой, ведущей из Кохоуакана с его множеством высоких храмов, нас остановила громадная процессия сановников и высокопочтенных лиц, занявшая всю ширину дамбы. Они приветствовали Кортеса и нас от имени самого Мотекусумы, а сопровождавшие нас высокие князья заторопились вперед, чтоб с своей соороны встретить своего повелителя.

И вот, вдали, показался и он сам, Мотекусума, несомый на несказанно дорогих носилках, окруженный громадной блестящей свитой. При нашем приближении он поднялся, и сейчас же склонились спины, и самые высшие касики схватили его под руки и как бы снесли на землю, а над ним возвышался балдахин, ослепительно сверкавший золотом и драгоценными камнями, от которого нельзя было оторвать глаза. Одевание великого монарха было столь богатым, что даже мягкие его полусапожки усыпаны были камнями и жемчугом, а подошва, говорят, была из чистого золота.

Известные уж нам четыре князя, его родственники, вели его под руку; но сами они были уже не в прежней

одежде, а в особой, парадной, которую быстро накиннули на себя для встречи Мотекусумы. Другие сановники все время расстилали дорогие шали, дабы нога монарха не коснулась голой земли. Никто, кроме четырех князей-родственников, не смел смотреть прямо в глаза Мотекусуме: у всех головы были почтительнейше и благоговейно склонены.

При приближении Мотекусумы, Кортес соскочил с коня и пошел ему на-встречу. Обменялись поклонами. Мотекусума произнес: „Приветствую вас“, а Кортес чрез Марину: „Как изволите здравствовать“. Затем Кортес из надушенного мускусом платка извлек ожерелье граненого венецейского стекла и возложил его на Мотекусуму; когда же он при этом хотел его обнять, ему помешали ближайшие свитские, ибо особы монарха никто не смеет коснуться. Затем было произнесено еще несколько ласковых и учтивых слов, и Мотекусума отбыл в Мексику, повелев двум своим племянникам, князьям Тескуко и Кохоуакана, сопровождать нас в наши квартиры.

Мы вступили в Мексику. Толкотня была невероятная; сверху и снизу, с крыш, балконов, лодок и плотов впились в нас тысячи тысяч глаз. И сейчас я вижу пред собой всю эту величественную картину так ясно, как будто она происходила лишь вчера. Наше ничтожество нами сознавалось все сильнее, но сильнее же мы вознадеялись на мощь и помощь Христа.

Все до единого мы нашли себе место в громадном дворце, который был отведен для нас. Раньше в нем жил Аханакатль, отец могучего Мотекусумы, а затем он остался необитаемым и только часть его Мотекусума отдал под храмы, да еще держал там потайной клад, как мы узнаем. Итак, сейчас там жили боги, а посему нас, как „teules“, туда и поместили, чтобы мы находились под одной кровлей с равными. Дворец состоял из множества поместительных

зал, и покои Кортеса сплошь были покрыты дорогими коврами; но и нас не забыли—наши постели, с новыми матрасами, подушками, блестящими одеялами и занавесями, были таковы, что на них могли бы покоиться принцы. Все блестело чистотой и богатыми украшениями.

Когда мы вступили во двор нашего дворца, нас встретил Мотекусума, взял Кортеса за руку и собственной персоной проводил его во внутренние покои. Здесь он надел на него драгоценную золотую цепь удивительно тонкой работы—каждое звено представляло рака—и все присутствующие, не исключая и мексиканцев, дивились столь неслыханной чести.

Кортес благодарил за все, и Мотекусума ответил: „Малинче! пусть ты и твои братья чувствуют себя здесь, как дома. Желаю вам хорошенько отдохнуть!“ С этими словами он удалился в свой дворец, который был очень недалеко от нашего. Мы же немедленно приступили к расквартированию отдельных рот по залам, выбрали подходящие места для пушек, и все устроили так, чтоб при малейшей тревоге все были бы вместе и в наивыгодной позиции. Затем мы сели за богатые столы и пир наш продолжался долго.

А вошли мы в могучий стольный град Теночтитлан-Мексику 8 ноября того же 1519 г. Хвала и слава господу нашему Иисусу Христу!

После нашей первой трапезы появилось великое множество сановников и придворных с сообщением, что и Мотекусума откушал и направляется сюда. Кортес вышел ему навстречу до середины зала, и Мотекусума вновь взял его за руку; принесены были драгоценные кресла мексиканской работы, с многой резьбой и позолотой; монарх пригласил Кортеса возвесть вместе с ним и начал разговор длинной и хорошо обдуманной речью: выразив еще раз свою радость по поводу благополучного прибытия, он сказал,

что уже два года тому назад впервые узнал о приходе белых людей в Чампотон, а затем, на следующий год — о новом приходе четырех кораблей; теперь, когда явился Кортес, он охотно исполнит все его пожелания, так как все более убеждается, что белые и есть те „люди с Востока“, о которых говорит древняя легенда. Кортес учтиво ответил великой благодарностью за все те благодеяния, какие сыплются теперь на нас; что мы действительно пришли с Востока, что мы подданные великого государя по имени Карлос, что мы все христиане и наш бог не похож на здешних идолов, о чем он позволит себе еще много и часто беседовать.

После этого Мотекусума велел принести разнообразные подарки и сам стал раздавать их — не только Кортесу, но и всем командирам и солдатам. Да, он проявил себя, как истинный грансеньер, для которого дарить — радость... При этой раздаче он, между прочим, спросил — все ли мы действительно братья и близкие, на что Кортес ответил утвердительно, понимая это в смысле веры и подданства.

Непринужденная беседа, впрочем, продолжалась недолго, так как Мотекусума понял нашу естественную усталость от похода. Приказав посему еще раз своим домоуправителям всячески заботиться о нас и о наших конях, он распростился, а мы все высыпали его провожать. Кортес, правда, немедленно же приказал, чтоб мы ни под каким видом не покидали наших квартир.

А на следующий день Кортес отдал визит Мотекусуме. Для этого он избрал четырех капитанов — Педро де Альварадо, Хуана Веласкеса де Леон, Диего де Орлас и Гонсало де Сандовалья, а также пятерых солдат, среди которых был и я.

Мотекусума тоже поднялся нам навстречу и прошел до половины зала, причем с ним были лишь его племянники, ибо все остальные сановники и придворные могут войти

в его апартаменты только по особому зову. Он взял Кортеса за обе руки и дружески подвел его к возвышению, где и усадил его подле себя, по правую, т.-е. почетную сторону. Нас также посадили, и Кортес начал длинную искусную речь. „Все наши желания ныне исполнились, все приказания нашего государя соблюдены в точности. Но остались еще веления нашего бога, о чем и хочу тебе сказать, как говорил в свое время и твоим послам Тендиле, Куитлалпитоку и Кинтальбору“. И затем Кортес тщательно изложил все по пунктам: что такое христиане и Христос, крест и вера, как сотворен был мир, как бог хочет спасения всех людей, ибо все они братья, как государь наш печалится, что столь славные и хорошие народы из-за своего язычества обречены на гибель, как он послал, поэтому, нас сюда, хотя мы — лишь первые вестники, а за нами присланы будут люди особой святости и чудных качеств, каковые обо всем нужном скажут лучше и вернее, и что таких людей у нас в Испании великое множество.

Кортес продолжал бы и дальше, но, убедившись, что Мотекусума хочет вставить и свое слово, замолк. Мотекусума ответил: „Малинче! То, что ты говорил о своем боге, я действительно уже слышал раньше от моих людей, посланных к тебе на берег моря. Знаю я и о кресте, ибо ты всюду и везде водружал его. Мы не возражали, так как и наших богов считаем добрыми и молимся им, совсем как вы, с незапамятных времен, так как и они, как и ваши, тоже сотворили мир. Посему не будем более говорить об этом. Зато относительно вашего государя я чувствую себя должником: уже два года тому назад, когда прибыли первые корабли, я очень хотел сам видеть прибывших людей, пригласить их к себе. Теперь боги исполнили мое желание: я вас вижу в своем дворце. Если же и пришлось однажды отсоветовать вам такое путешествие, то это было сделано с великой неохотой, ради моего народа, который

тогда боялся вас, рассказывая всякие небылицы о ваших пожирателях людей, пушках и конях. Теперь же и я, и мы все убедились в праздности этих рассказней, видим и знаем, что вы такие же люди, как и все, храбрые и разумные, а посему готовы с вами делить все наше достояние".

Кортесу оставалось только благодарить за столь лестное мнение. Но Мотекусума, несмотря на высокий свой сан, был весьма доступен шутке и продолжал: „Я отлично знаю, Малинче, какие ужасы и бредни рассказывали тебе о нас Тласкальцы, твои верные союзники: что мы и кровопийцы, и дворцы наши ломятся от золота и драгоценных камней. Надеюсь, что вы этому не поверили, а теперь и совсем разуверились, увидев воочию и наши дворцы, и нас самих“.

На это Кортес, вторя в тон, с улыбкой ответил: „Давно известно, что враг о враге добра не скажет. Зато глаза мои ныне говорят, что нет более щедрого и более блистательного монарха, и титул „император“ ему дан не напрасно“.

Мотекусума мигнул своему племяннику, и вскоре внесены были подарки для нас, каждому в отдельности, причем на простого солдата пришлось по две тяжелые цепи из золота, да по два тюка ценных материй. И одаривал нас великий Мотекусума с радостным лицом и великим достоинством.

Мы простились и вернулись к себе, где рассказали все товарищам. А теперь следует и нам подробнее описать Мотекусуму и весь его обиход.

Мотекусуме в это время было лет под сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, хотя и несколько худ. Окраска кожи куда менее сильная, нежели у прочих индейцев. Волосы не длинные; лишь над ушами, прикрывая их, оставлены были два пучка, которые курчавились. Борода не густая, черная. Лицо продолговатое, открытое, а

глаза, очень выразительные и красивые, могли быть и серьезными, и шутивными.

Каждый вечер он купался, ибо чистоту тела чтит высоко, и платье, раз надеванное, велел приносить лишь на четвертый день. Кроме двух главных жен, из местных княжеских домов, у него было множество второстепенных, дочерей сановников и прочей знати.

Вблизи его собственных внутренних апартаментов всегда находилось 200 человек для охраны и услуг; но запросто он никогда с ними не разговаривал, а лишь давал приказы или выслушивал донесения, которые должны были быть изложены сжато, в нескольких словах. Являясь по вызову или с поручением, представляющийся должен был набросить на свою, хотя бы очень богатую, одежду другую, более простую, особого покроя и свежайшей чистоты; с ног снималась обувь, и я много раз видел, что это делалось при входе во дворец даже высшими сановниками и князьями. Говорили с ним всегда с потупленным взором, и никто никогда не смел ему смотреть прямо в лицо. Уходя, нельзя было повернуться к двери, а нужно было пятиться назад; количество поклонов при входе и уходе было точно определено. Наконец, никто не имел права, даже в экстренных случаях, сразу предстать пред Мотекусумой: придворный обычай требовал, чтоб каждый пришедший некоторое время провел у ворот.

Что касается трапезы, то количество блюд обыкновенно доходило до 30; сервировали еду в особых судках, с помещением для горячих углей, чтоб кушанье не стыло. Каждое блюдо готовили в размере от 300 до 1000 порций. Пред трапезой он иногда осведомлялся, что сегодня изготовлено, и выбирал наиболее приятные для себя яства, какие и подавались к столу. В качестве особого лакомства, говорят, иногда готовили детское мясо. Так ли это — не могу сказать, ибо за великим множеством вкуснейших мясных блюд

трудно что-либо различить. Знаю лишь, что с того момента, когда Кортес серьезно поговорил с ним насчет человеческих жертвоприношений и людоедства, Мотекусума запретил подавать себе что-либо подобное.

В холодную погоду покои Мотекусумы обогревались особыми углями из коры какого-то дерева, горевшими без дыма с весьма приятным запахом. При этом, между ним и огнем ставили особые ширмы из золота с изображениями разных богов.

Сиденьем Мотекусуме служила невысокая скамья с мягкой обивкой, прекрасной работы; немногим выше был и стол, покрываемый тончайшей белой материей. Пред началом трапезы являлись четыре женщины, поливали ему руки из высокого сосуда, давали мягкие утиральники. Затем приносили ему лепешки из маиса, приправленные яйцами. Впрочем, до начала трапезы они же ставили перед ним ширмы с богатой резьбой и позолотой, чтоб никто его не мог видеть во время еды; около этой ширмы они и размещались, каждая на своем месте. Затем впускались четыре старца, из наиболее сановных, дабы Мотекусума, буде захочет, мог с ними перекинуться словом. Ежели он, в знак милости, угощал их каким-либо кушаньем, они должны были есть стоя, не поднимая на него глаз. Вся посуда на столе изготовлена была в Чолуле. Во все время трапезы придворные и охрана в соседних залах должны были соблюдать полнейшую тишину.

После горячих блюд подавались фрукты, хотя Мотекусума их почти не ел. От времени до времени ему подносили золотой кубок с особым питьем, который они называют „какао“ и который, будто бы, возбуждает.

Иногда к трапезе приглашались скоморохи, гадкие горбатые гномы, но большие ловкачи, иногда шуты, плясуны или певцы. Такие увеселения Мотекусума очень любил, и нередко подчевал их какао.

После трапезы женщины опять совершали ему омовение рук, снимали скатерти со стола и преподносили несколько трубочек, очень изящно позолоченных и распи-санных, в которых находились амбра и особая трава, назы-ваемая „табак“. Трубочки эти он брал в рот, затем их под-жигали с одного конца, и он выпускал дым изо рта. Про-делав так некоторое время, он отправлялся на покой.

После трапезы Мотекусумы наступало время еды и для его придворных; сперва для охраны и дежурных сановни-ков, затем для остальных придворных, наконец, для всего дворцового штата, которого было видимо-невидимо, так что нужно удивляться быстроте их действий и доброму порядку. Ежедневно скармливалось несколько тысяч порций еды и питья, и нельзя не ужаснуться великим ежедневным рас-ходам на этот счет. За всем смотрел главный управитель; он же вел и все счета, внося их в толстую книгу из мексиканской бумаги, называемой „аматл“. Счета эти и книги наполняли целый зал!

Было у Мотекусумы и два цейхгауза с богатым подбо-ром оружия, зачастую украшенного золотом и камнями. Я уж говорил, что кремни, вставленные в лезвие, режут и колят лучше наших мечей и пик; достаточно указать, что такими же кремнями Мексиканцы и брились! Особенно также следует упомянуть своеобразные, искусно сверты-вающиеся щиты, которые удобно переносятся и чрезвы-чайно просто разворачиваются в случае нужды. Мягких ватных панцрей было великое множество, и все они имели определенные цвета, вроде наших мундиров. Цейх-гаузы эти были не только для личного употребления Моте-кусумы и имели особых надзирателей с целым штатом помощников и рабочих.

Особые помещения отведены были для птиц, и мне приходится сделать над собой усилие, чтоб не застрять надолго в этом удивительном учреждении. Ведь там

держали все породы птиц, какие только встречаются в тех краях, начиная с различного рода орлов и кончая мельчайшими пташками. Все это сияло изумительным оперением, особенно мелкая птица и, разумеется, попугаи. Не мало было и домашней, убойной птицы... Большой штат опытных и заботливых людей смотрел за этими птичьими дворцами, следя за кормом, чистотой, здоровьем и правильным размещением по определенным гнездам и насестам.

В другом большом доме находились дикие звери, страшные, громадные и кровожадные, а подле был другой дом с не менее страшными идолами. Местные львы скорее похожи на волков и называются „шакалы“; большинство из них родилось уже в неволе, а кормили их не только всякой дичиной и собачиной, но и человеческой — в случае больших жертвоприношений. Впрочем, некоторые остатки от жертв всегда бросают змеям, среди которых, — а их там великое множество, — находится одна особо ядовитая и на редкость отвратительная: на конце ее хвоста странные костяжки, вроде кастаньет... После нашего несчастного отхода из Мексики многое множество наших несчастных товарищей было пожрано этим диким зверьем. Говорят, ими их кормили целую неделю.

Теперь же следует сказать и об искусных мастерах, каких в Мексике было много по любому ремеслу. Прежде всего, конечно, нужно упомянуть про резчиков по камню, а также золотых дел мастеров, ковкой и литьем создававших такие вещи, которые бы возбудили зависть их испанских товарищей. Великое их было множество, и самые знаменитые жили в Эскапусалко, недалеко от Мексики. Вместе жили и ювелиры, удивительно опытные в шлифовке разных камней. Великолепны были также художники, скульпторы и мастера по резьбе. Ткачеством и вышивками занимались более женщины, достигая в этом невероятного искусства, особенно в изготовлении тончай-

ших материй с прокладкой из перьев. Жены Мотекусумы занимались именно этим изделием, а особенно знамениты были ткацкие работы женщин-затворниц, вроде монашек, среди которых было много знатных девушек. Более простые, обыденные ткани шли из Костатлана, недалеко от Вера-Крус. Особый квартал во дворце Мотекусумы занимали плясуны, певцы и прочие увеселители. Ничем иным они не занимались, зато свои штуки, часто очень головоломные, они проделывали отменно.

Наконец, Мотекусума содержал еще, и только для себя, большое количество каменщиков, плотников, столяров, садовников. Особенно много было последних, ибо сады Мотекусумы были не только велики, но и чудны своим великолепием: всюду цветочные клумбы хитрых рисунков, везде духовитые растения, масса искусственных гротов, ручейков, бассейнов, прудов. Впрочем, всего не перескажешь!... Ясно, как могуч и велик был Мотекусума!

ЧУДЕСА ТЕНОХТИТЛАНА.

Четыре дня уже мы были в Мексике, но никто из нас, не исключая и самого Кортеса, не выходил за пределы нашего расквартирования. Но вот Кортесу захотелось поближе взглянуть на главный рынок и главный храм, и он послал к Мотекусуме Агуилара, донью Марину и молодого пажа, Ортегилю, который уже немного научился мексиканскому языку, чтоб испросить у него разрешение.

Мотекусума не отказал, но, очевидно, опасался, как бы мы чем-либо не оскорбили их божеств, а посему решил самому отправиться в храм, чтоб там нас встретить. Отбыл он с громадной блестящей свитой, а на полпути покинул носилки, чтоб приблизиться к богам своим пешком, как все люди. Самые знатные вели его под руки, а двое других несли пред ним два чудесных жезла, вроде скипетров. Перед храмом его встретило множество жрецов, и он с ними взошел, стал окуривать идолов и совершать иные разные церемонии.

Мы же с Кортесом, все больше верхом, отправились сперва на Тлателулко, т.-е. главный рынок, сопровождаемые множеством касиков. Сильно мы удивились и громадной массе народа, и неслыханным грудам всякого товара,

и удивительному порядку всюду и во всем. Касики давали нам очень точные объяснения.

Прежде всего, нужно сказать, каждый товар имеет свое особое место. И вот, в первую очередь, мы попали к ювелирам, золотых дел мастерам, продавцам дорогих тканей, а также рабов и рабынь; рабский рынок был несколько не меньше португальского рынка гвинейских негров; невольники имели на себе ошейники, которые прикреплены были к длинным гибким шестам, очень немногие лишь могли двигаться свободно.

Затем следовали ряды более грубого товара: бумажной пряжи и материи, ниток, какао, плетеной обуви, сладких местных корешков, всяких шкур и кож, сырых и дубленых, и т. д. и т. д., точно на ярмарке в Медина-дель-Кампо, моем родном городе. А там, смотришь, теснятся лари со съестными припасами — овощами, салатами, разной живностью, фруктами, колбасами, сладкими пирожками, медом. Совсем близко стояли горшечники, разный шепной товар, затем столы, скамьи, колыбели. А дальше шел, говорят, дровяной и угольный рынок... Но глаза наши уже устали, да и немисливо было все обозреть без остатка. Ведь достаточно сказать, что в Мексике ничто не пропадало и все считалось товаром: даже человеческие отбросы собирались и перевозились куда нужно, ибо употреблялись в производстве, например, кожевенном. Вижу, что читатель улыбается, но это именно так, как я говорю: недаром в Мексике везде были уборные, особо для этого построенные, укромные. Да, ничто в этом городе не пропадало даром!..

Впрочем, всего не перечтешь, что было на этом величайшем в мире рынке. Достаточно указать еще, что в особом месте продавался „аматл“, т. е. здешняя бумага, в другом — искусные изделия для особого куренья, „табаки“, далее — благовония разные, пахучие мази и притирания, далее — великое множество семян, отдельное место для

продажи соли, отдельный ряд для изготовителей кремневых инструментов, для инструментов музыкальных и т. д., и т. д. — без конца. Все битком набито народом, но везде порядок, да и на самом рынке был суд с тремя судьями и многими подсудками; суд этот наблюдал за качеством товаров, а также решал все распри.

Наконец, чтобы не забыть, еще одно: уже близко к большому храму, на краю рыночной площади, помещалось множество продавцов золотого песка, который хранился в костяных, весьма тонких, почти прозрачных трубках. Трубка определенной величины и являлась здешней единицей обмена...

Наконец, мы покинули рынок и вошли в громадные дворы, окружавшие главный храм. Каждый из них много больше рынка в Саламанке, окружен двойной стеной, выложен большими гладкими плитами. Всюду величайшая чистота, нигде ни соринки, ни травки.

У начала лестницы Кортеса встретили 6 жрецов и два высоких сановника, посланные Мотекусумой. Они хотели подхватить Кортеса под мышки, чтоб облегчить ему восхождение — всего ведь было 114 ступеней, — но Кортес отказался от их помощи.

Взобравшись на самый верх, мы увидали площадку с несколькими крупными камнями, на которые кладутся жертвы. Подле стоял громадный истукан, вроде дракона, окруженный столь же отвратительными изваяниями, и весь пол кругом был забрызган свежей еще кровью. Сам Мотекусума, в сопровождении двух жрецов, вышел из какой-то часовенки, где также стояли проклятые идола, и принял нас весьма милостиво. „Восхождение, конечно, утомило тебя, Малинче?“ Но Кортес ответил, что ничто на свете не может нас утомить. Затем Мотекусума взял Кортеса за руку и стал ему показывать раскрывающуюся кругом картину: не только столицу и многие другие города на

озере, но и самый рынок, по которому мы только что проходили.

Действительно, это дьявольское капище господствовало над всей округой. Ясно видны были три дамбы, ведущие в Мексику, с их перерывами и мостами — чрез Истапалапан, по которой мы четыре дня тому назад вступили в столицу, чрез Тлакупу, по которой нам суждено было через целых 6 месяцев спастись ночной порой, и чрез Тепеакилу. Ясно виден был и водопровод Чапультепекский, снабжавший весь город питьевой водой. Все озеро было, как на ладони; множество лодок сновало туда и сюда, доставляя людей и продукты в любой дом; а над домами повсюду высились, точно крепости, пирамиды храмов с часовнями и башенками на вершине. Внизу под ними кишел рынок с его многочисленной толпой, и шум его был слышен на далекую округу. Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и благоустроенного рынка.

Картина была поистине величественная, и мы на нее загляделись. Но Кортес шепнул патеру Ольмедо: „Не начать ли именно теперь разговор с Мотекусумой, чтоб он уступил этот храм для нашего бога“. Ольмедо ответил, что это было бы не плохо, но что сейчас говорить об этом преждевременно. Тем не менее, Кортес обратился к владыке Мексики: „Воистину, Вы великий монарх и достойны стать величайшим! Сущее удовольствие обозревать все эти Ваши города! А сейчас дозвоьте мне обозреть еще Ваших богов“.

Мотекусума ответил, что должен сперва посоветаться с жрецами, а пока нас провели в покой, расположенный в одной из башенок на вершине. Середину занимали два алтаря, на которых высились два идола громадных размеров и неуклюжей формы. Один из них представлял бога

войны с широким лицом, безобразными свирепыми глазами; в одной руке был лук, в другой, оттопыренной, связка стрел; тело чудовища было опутано какими-то змеями, а подле был изображен малый бес, как бы паж бога войны, державший короткое копье и богато изукрашенный щит; все было густо покрыто золотом, драгоценными камнями и жемчугом. На шее главного идола висело несколько человеческих масок, а также сердца из золота и серебра. Перед идолом стояли курительницы с местным ладаном „копалем“, на них — три сердца только что замученных индейцев. Стены и пол чернели от человеческой крови и распространяли отвратительную вонь.

На самой высшей точке всего храма была еще и другая капелла, изукрашенная чудной резьбой; там тоже был идол, получеловек-полуящерица, наполовину закрытый; эта закрытая часть, говорили нам, изображает землю, произрастительницу всех семян и растений, а само божество — бог плодородия. Но и тут была ужасная вонь от той же ужасной причины — запекшейся, гниющей крови.

Здесь же хранится колоссальный барабан, обтянутый кожей какой-то исполинской змеи; звук этого адского инструмента, слышимый на целую милю, нагоняет несказанную тоску. Тут же помещалось и множество других храмовых принадлежностей — большие и малые трубы, всякие жертвенные ножи из камня, множество обгорелых, сморщенных человеческих сердец. И всюду — кровь и кровь!

Не мог, повтому, наш Кортес удержаться, чтоб не сказать Мотекусуме: „Не понимаю, как столь славный и мудрый государь не убедился еще до сих пор, что все эти боги — злые духи, именуемые детьми дьявола. Чтоб убедить Вас и ваших „пап“ в этом, разрешите на вершине сего храма поставить крест, а в одной из капелл поместить образ богоматери; тогда сами увидите, какой страх обуяет ваших богов“. Но Мотекусума ответил очень немилостиво,

тем более, что подле находились двое „пап“, явно разгне-
ванных: „Малинче! Если бы я знал, что ты здесь будешь
поносить моих богов, я никогда бы не показал их тебе.
Для нас они — добрые боги; от них идет жизнь и смерть,
удача и урожай, а посему мы им поклоняемся. Тебя же
очень прошу оставить впредь всякое дерзновенное слово“.

Видя великую взволнованность Мотекусумы, Кортес
не возражал, а с веселой улыбкой напомнил, что пора де
нам честь знать и откланяться. Мотекусума нас не удер-
живал, а про себя сказал, что он еще останется, чтоб
умилостивить богов, которые очень разгневаны всем слу-
чившимся, на что Кортес сказал: „Если так, государь, то
очень прошу извинить нас!“

И сошли мы опять по всем 114 ступеням, что для
многих из нас, в виду паховых желваков, было делом
мучительным...

О размерах этого храма скажу еще несколько слов,
хотя во многом могу и ошибиться, ибо в то время я менее
всего помышлял, что когда-либо опишу свои похождения,
и все свое внимание направлял на службу, на наилучшее
исполнение приказов нашего Кортеса.

Весь храм, как мне кажется, занимал огромную пло-
щадь, на которой могло бы поместиться сот пять обыч-
ных домов. Все здание имело форму пирамиды с усеченной
вершиной, на которой помещались башенки с идолами;
ступени, идущие уступами, не имели перил. Впрочем,
внешний вид хорошо известен, потому что он много раз
изображался, например, на „коврах завоевания“ ¹⁾, один
экземпляр которых находится и у меня. Зато сообщу, что
я сам видел и слышал о построении его.

Все жители города должны были участвовать в по-
стройке, жертвуя золото, серебро, драгоценные камни,

¹⁾ Мексиканские гобелены, не сохранившиеся доныне.

каковые дары и клались в фундамент совместно со всевозможными местными семенами, и все это обильно орошалось кровью множества пленных. А узнали мы об этом следующим образом. Когда, уже после завоевания, на месте этого храма решили воздвигнуть церковь св. Якова, нашего хранителя и вождя, и стали для этого разбирать часть храма, то в основании его нашли великую массу драгоценностей; соседние засельщики хотели их забрать, но власти воспротивились и начался даже громкий и долгий процесс.

О громадных дворах, окружающих пирамиду храма, я уже говорил. Следует упомянуть лишь о небольшом здесь здании в виде башни. Вход в него охранялся двумя разнукнутыми каменными пастями с огромными клыками, и воистину это был вход в адскую пасть: ибо внутри было множество идолов, а в соседнем помещении много посуды для варки жертвенного мяса, всякие ножи и топоры, точно у мясников. Вблизи же были заготовлены штабели дров, а также водоемы чудесной чистой воды, прямо из общего городского водопровода.

Вокруг одного из дворов шли жилища „пап“ и прочей храмовой челяди, а в особом большом доме находилось множество знатных девушек, живших здесь в строгом затворе вроде монашек, с особым даже своим небольшим храмом...

Впрочем, главный храм в Чолуле был не меньше мексиканского, и даже выше его (ибо имел 120 ступеней), и почитали его тоже не меньше; но архитектура обеих во многом разнилась. Третий громадный храм, со 117 ступенями, был в Тескуко. Странно, и даже смешно, — как это каждая провинция и даже каждый город имел собственных своих богов, все разных, между собой враждующих!

НАХОЖДЕНИЕ КЛАДА. ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ.

Кортес, а также Ольмедо, вполне убедились, что Мотекусума никогда не позволит превратить какой-либо храм в церковь. Посему они решили построить часовню внутри нашей главной квартиры, потребовав для сего каменщиков. Мотекусума тотчас же согласился, и через три дня у нас готова была церковка, в которой мы ежедневно молились, чтоб внушить должное почтение Мотекусуме и его сановникам.

При постройке же случилось следующее. Когда мы выбирали место для постройки и старательно, как всегда, обшаривали стены и углы, двое из нас нашли след от недавно замурованной двери. Молва об этом быстро распространилась, — тем более, что мы уже слышали, что где-то здесь схоронены сокровища Аханакатля, отца Мотекусумы, — и в конце концов дошли и до Кортеса. Тот велел произвести разведку, и, когда дверь была вскрыта, он с несколькими офицерами вошел в замурованное помещение.

Действительно, это был великий клад! Всюду лежали кучками, в порядке, драгоценности в виде изделий, кирпичиков, листов; тут же находились и драгоценные камни.

Вскоре последовали туда и солдаты, между ними и я. Помню, что наше восхищение было беспредельным: никогда никто из нас не видал такого сказочного богатства!.. Все мы, и офицеры, и солдаты, единодушно решили никому ничего не говорить, ничего пока не брать, а дверь заделать по-прежнему.

Но так как мы все были люди большой воли и решимости, и так как среди нас было не мало людей опытных и мудрых, то мы отрядили к Кортесу депутацию из четырех капитанов и 12 солдат — среди них был и я — со следующими соображениями. Мы де сидим теперь в Мексике, точно в западне; ведь стоит лишь вспомнить великие дамбы с их разрывами и мостами, а также те великие опасения, какие высказывались на наш счет всеми дружественными индейскими племенами! Никогда нельзя верить человеку, а индейцу тем более; сегодня Мотекусума светел и добр, а завтра все может измениться в обратное: пусть не будет даже прямого нападения, но он может нас легко лишить пищи и воды. Помощи извне, хотя бы из Тласкалы, нам нечего ждать, ибо мы целиком отрезаны от внешнего мира. Что же делать?.. Чтоб обеспечить нашу жизнь, нам ничего иного не остается, как захватить самого Мотекусуму, не откладывая этого ни на один день. Правда, он щедр и расположен к нам, но это лишь приманка, и нельзя из-за гор золота, окружающих нас, не видеть смерти, которая всех нас сторожит.

Кортес ответил: „Кобаллеро! Не думайте, что я усыплен безмятежным покоем! Нет! Но достаточно ли мы сильны, чтоб предпринять неслыханное дело: заарестовать могучего государя в его же собственном дворце среди множества телохранителей и неисчислимых войск? Как нам устроить это так, чтоб он не успел позвать на помощь и этим разрушить все наши планы?“ Тогда четыре капитана, а именно Хуан Веласкес де Леон, Диего де Ордас, Гон-

сало де Сандоваль, Педро де Альварадо, единодушно заявили, что Мотекусуму придется завлечь под каким-либо предлогом в главную квартиру и здесь объявить его нашим пленником; если он окажет сопротивление или поднимет шум, то придется его тут же прикончить. Если сам Кортес затрудняется это сделать, то они готовы это взять на себя. Во всяком случае, времени терять нечего, ибо с минуты на минуту может разгореться борьба.

Указано было также, что чиновники Мотекусумы, как будто зазнаются и снабжают нашу трапезу менее обильно, нежели раньше. А наши друзья Тласкальцы прислали весточку, что Мексиканцы вот уж два дня, как замышляют что-то недоброе.

Совещание наше длилось более часа. Наконец, порешили: овладеть Мотекусумой, именно хитростью. Решено было также вместе с патером Ольмедо промолиться всю ночь, чтоб всевышний послал нам удачи.

А на следующий день два Тласкальца прокрались к нам с письмом из Вера-Крус. Известия, были до-нельзя печальные: комендант Эскаланте и шесть человек гарнизона пали в бою с Мексиканцами!

Дело было так. По примеру Семпоалы соседние племена Тотонаков тоже отложились от Мексики, перестали платить дань и принимать чиновников. Пока Кортес и мы были на взморье, это им проходило, но после нашего ухода начальник ближайшего мексиканского гарнизона, именно в Альмерии, объявил, что всякое селение, не платящее дани, им будет немедленно разрушено, и кое-где уже начал угонять скот и жечь поля. Перепуганные Тотонаки обратились к Хуану де Эскаланте, и тот послал гонца в Альмерию с указанием, что Кортес и Мотекусума живут в дружбе, а посему всякое нарушение мира будет караться особенно сильно. Ответ был издевательский, и тогда храбрый Эскаланте, получив известие о новом набеге,

выбрал мало-мальски подходящих людей из гарнизона, который, как сказано, состоял из слабосильных, стариков и малоопытных моряков, а также призвал некоторое количество союзных индейцев. С двумя пушками, но очень малым запасом пороха, тремя арбалетами, двумя мушкетами, а всего с 40 Испанцами и 2000 Тотонаков он двинулся против Альмерии. Отряд этот как раз наткнулся на Мексиканцев, когда они жгли и грабили дружеское селение; число неприятеля вдвое превышало число наших. Началась битва. Но в самом же начале Тотонаки дрогнули, кучка же Испанцев не только удержалась на месте, но и преследовала врага вплоть до Альмерии, где и запалили часть города. Эскаланте, тяжело раненый, дал краткую передышку своим солдатам, а затем пришлось вернуться в Вера-Крус, тем более, что и сам Эскаланте и еще шестеро были при последнем издыхании. Наконец, в этом же сражении пала еще лошадь, а Аргэлло из Леона, малый страшной силы и страшного вида, с огромной головой и густой вьющейся бородой был захвачен в плен. Он тоже был весь изранен и скоро умер, но голова его была прислана Мотекусуме, который, как мы потом узнали, испугался его страшного лика и не позволил этот трофей повесить, среди других, в мексиканском храме.

Последствием всего этого было: Тотонаки и все горные племена отвернулись от нас; поведение Семпоалы стало тоже двусмысленным; доставка провианта прекратилась, индейцы-каменщики, достраивавшие нашу крепость, разбежались. Всюду и везде вместо прежнего почтения и преданности появилось нестерпимое высокомерие.

Таковы были новости! Они нас прямо-таки потрясли: ведь это была первая наша неудача в Новой Испании! Вот как Фортуна быстро отвертывается! Только что мы мнили себя богатыми, ибо видели сокровища Ахаиакатля и ежедневно почти одаривались Мотекусумой; только что

нас называли „teules“, „богами“ и считали непобедимыми, и вдруг — мы такие же люди, как и все, ...слабые, беспомощные!

При создавшихся условиях всякое промедление могло быть сугубо опасным; вот почему мы решили пленение Мотекусумы не откладывать ни на единый час, что бы это нам ни стоило.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

ПЛЕНЕНИЕ МОТЕКУСУМЫ.

Рано утром все мы уже были на своих местах; лошади были взнузданы и оседланы; словом, — хоть сейчас в поход. Впрочем, и в спокойные дни мы не выпускали оружия из рук; когда же Кортес отправлялся к Мотекусуме, мы всегда были в полной боевой готовности.

Кортес взял с собой пятерых капитанов — Педро де Альварадо, Гонсало де Сандовалья, Хуана Веласкеса де Леона, Франсиско де Луго, Алонсо де Авила; сопровождали их также оба толмача, донья Марина и Агуилар. Все были в полном вооружении, но это не могло возбудить подозрения, так как в ином виде Кортес и его свита никогда не появлялись во дворце.

Наконец, как всегда, так и теперь, Кортес наперед послал человека с просьбой об аудиенции. Мотекусуме было не очень по себе из-за истории в Альмерии, тем не менее, он ответил, что очень рад посещению.

После обычных приветствий и поклонов, Кортес обратился к Мотекусуме со следующими словами. „Как мне понять, государь, что Вы, монарх столь могущественный назвавший себя нашим другом, повелели своим войскам на взморье напасть на селения, находящиеся под охраной нашего императора, угнать оттуда людей, сжигать дома и поля! Но мало этого: Ваши люди осмелились даже убить одного из наших братьев, а также одного коня!“ О капитане Эскаланте и о других шести Испанцах, скончавшихся от ран, Кортес ничего не сказал, ибо Мотекусума в то время не мог еще иметь сведений об их смерти.

„Как непохоже Ваше поведение на наше“, продолжал Кортес, „я твердо верил в Вашу дружбу, а посему велел своим начальникам всячески итти Вам навстречу; Вы же своим начальникам предписали как раз обратное: и в Чолуле они должны были нас убить, и сейчас, на взморье, они пытаются делать то же самое. Тем не менее, я, из любви к Вам, не алчу начать войны, не хочу разрушить этот город, но с одним условием — ради сохранения мира Вы должны сейчас вместе с нами, добровольно и спокойно, отправиться в наши квартиры, где и иметь впредь пребывание. Вам будут служить там столь же почтительно, как в Вашем собственном дворце... Но, не скрою: если Вы сейчас поднимете шум, то Вас немедленно убьют, и для сего я взял с собой этих моих товарищей“.

В первую минуту Мотекусума от неожиданности и испуга не мог произнести ни слова. Затем он, несколько оправившись, торжественно заявил, что никогда не давал приказа о нашем уничтожении; он готов сейчас же вызвать провинившихся начальников, чтобы наказать их примерным образом; и при этих словах он с руки поспешил снять печать с изображением бога войны, что делалось только при приказаниях величайшей важности. Затем он стал жаловаться на наше дерзкое предложение отправиться к нам

в плен из собственного своего дворца. Никто не смеет ему давать предписаний, а сам он добровольно пойти не желает.

Кортес привел ему немало резонов; но Мотекусума, с своей стороны, приводил не менее убедительные. Препирательства эти длились уже добрых полчаса, когда у Хуана Веласкеса лопнуло терпение, и он хриплым голосом и грубым тоном обратился к Кортесу: „К чему ваша милость теряет столь много слов? Или он сейчас последует за нами добровольно, или мы его прикончим. Скажите, пожалуйста, ему все это. Ведь и наша жизнь на волоске!“

Суровый, необычный тон произвел впечатление на Мотекусуму, к тому же он видел сильное возбуждение и всех остальных. Когда же, поэтому, донья Марина, спокойно, но решительно посоветовала ему не перечить Кортесу и согласиться на его предложение, тем более, что там ждет его почет и покой, здесь же, в случае отказа, угрожает неминуемая смерть, Мотекусума смягчился. Сперва он предлагал в заложники своих детей, единственного сына и двух дочерей, но просил избавить его самого от позора плена. „Что скажут мои приближенные, когда я сам дамся вам в руки в собственной своей столице?“

Но Кортес настаивал, что только его особа даст нам достаточную гарантию мира и покоя, и вот Мотекусума решился! Как только он объявил об этом, сейчас же поведение изменилось: все капитаны наперерыв просили извинить их за невольную непочтительность. Но в то же время ему предложено было объявить приближенным и охране, что он идет с нами по собственной воле, ибо поселиться у нас — таковы его желания и воля богов.

Ему принесли парадные носилки и весь кортеж отправился к нам. Конечно, мы сейчас же приняли все меры к наиболее надежной его охране. Во всем же остальном и Кортес, и мы все наперерыв старались ему угодить, развлекая его всячески, чтобы он не тяготился пленом.

Вскоре явились его сановники, а также племянники, как бы для услуг, а на самом деле, чтобы узнать — не пора ли открыть против нас военные действия. Но Мотекусума неизменно отвечал, что ему приятно провести с нами некоторое время, что переезд произошел по его собственному желанию, что боги вполне одобряют это его решение...

Такова правда о пленении могущественного Мотекусумы!

Весь свой обиход он перевел к нам: всех своих слуг и жен; попрежнему продолжалось его ежедневное купание неизменно при нем было двадцать крупнейших сановников, советников и военачальников; попрежнему ему привозили дань из самых отдаленных провинций, да и все государственные дела шли прежним порядком, не исключая и суда, который он отправлял с двумя мудрыми старцами, постановляя приговор в немногих веских словах. Даже церемониал, и тот не изменился: ищущие аудиенции приходили не чрез главные ворота, а чрез боковую калитку с обязательным там ожиданием, переодевались в простую свежую одежду, снимали обувь, приближались с положенными словами и поклонами, потупя глаза, как то требовал этикет, Мотекусума и вида не подавал, что плен его огорчает...

Мы же, с своей стороны, всячески старались еще более облегчить его тяжелую долю. Уже ранним утром, Кортес и высшие наши капитаны, обыкновенно Педро де Альварадо. Хуан Веласкес де Леон и Диего де Ордас, отправлялись к Мотекусуме, чтоб осведомиться об его здоровье, а также об его желаниях и повелениях. И так весь день мы были услужливы и почтительны, и сам пленный монарх как-то заметил, что „плен — не беда, тем более, что боги допустили это“.

Нередко то одному, то другому, особенно Кортесу и патеру Ольмедо, удавалось вставить удачное поучение насчет нашей святой религии или мощи и славы нашего

государя. Часто Мотекусума играл с Кортесом и другими офицерами в особую игру, вроде наших костей, которую Мексиканцы называли „татолок“. Проигрыш Мотекусума выплачивал золотом и разными драгоценностями, наши же — бусами и стеклянным сплавом. Помню, как однажды Альварадо вел счет игры Кортеса и при записи часто плутовал. Мотекусума заметил это и с улыбкой сказал: „Смотри, Тонатио ¹⁾, сколько ты делаешь „ихохоль“ при записи!“ Все мы на это громко рассмеялись, ибо и слово-то было комическое, да и Альварадо, тонкий кавалер и красивый малый, действительно имел тот грех, что всегда ко всему что-либо лишнее прибавлял.

Впрочем, выигрыш чаще всего оставался не у играющих, а у окружающих; пример дал сам Кортес, распределив свой выигрыш между приближенными Мотекусумы, а тот и без всякой игры ежедневно щедро дарил направо и налево, а Хуан Веласкес де Леон, особо любимый им за обходительность и услужливость, почитай каждый день получал то золото, то ценные ткани, то дорогие камни.

Зато, не менее чуток был Мотекусума к обидам и недостатку уважения. Помню, как один из наших солдат, здоровеннейший детина из матросов, вел себя не очень пристойно во время несения охраны. Мотекусума пожаловался, но паж Ортегиля сумел извинить матроса настолько, что монарх даже подарил ему несколько вещей, ценою в 5 пезо. Столь неожиданный поворот сбил матроса с толка, и в следующее свое дежурство он уже нарочно повторил свою выходку. Конечно, он был смнен, и больше не назначался во внутренние покои.

Или еще случай с Педро Лопесом, великолепным стрелком, но вполне неотесанным и грубым. Как-то ночью, стоя на страже у опочивальни Мотекусумы, он громко заметил

¹⁾ Прозвище Альварадо, см. в, стр. 117.

разводящему: „Хотел бы я, чтоб этот собачий сын, этот язычник околел скорее; из-за него добрым христианам приходится сокращать свою жизнь ночным бдением“. Мотекусума слышал это, на следующий день пожаловался Кортесу, и тот подверг солдата бастонаде. С тех пор никто уже не нарушал должной тишины; а если спросить, прав ли был Кортес, налагая столь тяжкое взыскание, то не следует забывать, что сам Мотекусума всегда был приветлив и тих, а главное — в его руках все же была жизнь всех нас: выскажи он недовольство, сейчас же обрушатся на нас бесчисленные его подданные, воинственный пыл которых он и без того еле-еле сдерживал.

Испытал и я на себе благожелательность Мотекусумы. Узнав, что я один из тех, которые первыми прибыли в эти места, еще до Кортеса, Мотекусума нередко заговаривал со мной, одаривал меня разными ценностями, и даже особенно отличил тем, что однажды передал мне одну из прежних своих жен, донью Франциску, в высоком происхождении которой никто не мог усумниться, кто ее видел хоть раз.

Так жил среди нас великий монарх, скромно и незаметно, в плену, но продолжал вершать все нужные дела, не исключая приемов многочисленных далеких князьков, военачальников и сановников.

Но вернемся к прерванному нами рассказу.

Через несколько дней прибыли военачальники, сражавшиеся против Эскаланте, которых он вызвал посылкой своего перстня. Что он им сказал — мне не ведомо знаю лишь, что он их передал Кортесу для суда.

И вот эти несчастные во всем признались: что они действовали по особому приказу Мотекусумы, который велел им приступить к сбору дани, а ежели заморские люди вмешаются, то немедленно их истребить.

Об этом признании Кортес немедленно известил Мотекусуму. Тот всячески старался оправдать себя, но Кортес

не придавал веры его словам, а заявил, что по закону нашего государя всякий, причинивший смерть другому, тоже должен принять смерть. Но из любви к Мотекусуме он готов взять вину на себя.

Зато с остальными подсудимыми Кортес уже не церемонился: 17 из них были приговорены к смерти и заживо сожжены пред дворцом Мотекусумы. Самого же Мотекусуму Кортес велел, на время казни его генералов, заключить в оковы; сперва тот всячески выражал свое негодование, но затем покорился, смолк и стал шелковым.

Вернувшись с казни, Кортес лично снял с него оковы, уверял, что он его любит не менее родного брата, обещал покорить ему еще больше земель, нежели у него было раньше, говорил, что Мотекусума свободно может посетить любой из своих дворцов, ежели это ему захочется.

Слушал Мотекусума эти слова и слезы потекли из его глаз; он отлично понимал цену подобных обещаний и все же поблагодарил Кортеса за его доброту. От выхода из нашей квартиры он наотрез отказался, ибо это послужит сигналом к резне: и сейчас ему трудно удержать своих верных от нападения на нас; при выходе же его они несомненно попытаются его освободить силой, поднимется весь город и несчастье будет ужасное... Впрочем, прибавлю, что сам Кортес чрез Агуилара постарался внушить Мотекусуме, что разрешение Кортеса мало поможет делу, ибо все наши офицеры и солдаты воспротивятся такому выходу Мотекусумы.

Кортес же сделал вид, что ответ Мотекусумы для него — неожиданность, и неоднократно обнимал его, уверяя в своей любви и преданности. Тогда же он уступил ему и своего пажа Ортегилю, который уже не плохо понимал по-мексикански. Этот юноша принес не мало пользы как нам, так и Мотекусуме: много он ему рассказывал об Испании, нас же извещал о том, что говорили с Мотекусумой его при-

ближенные. Служил он так хорошо, что Мотекусума искренно его полюбил. Да и вообще владыка Мексйки все более и более привыкал к нам, охотно принимал наши услуги и зачастую пускался в разговоры. С другой стороны, и нам было разрешено отступать от этикета; даже оружие и шлемы мы могли снимать в его присутствии, а ведь в то опасное время мы день и ночь не выпускали оружия из рук...

Казнь военачальников произвела свое полное действие. Молва об этой неслыханной расправе быстро распространилась по всей Новой Испании: прибрежные племена вновь покорились нам и покорно исполняли все приказы из Вера-Крус...

Стар я теперь, а события того времени живой стеной теснятся вокруг меня! Да и где это было слыхано, чтоб 400 воинов, в 1400 часах от родины, сперва уничтожили свои корабли — единственное средство их спасения, затем двинулись бы в громадную укрепленную столицу врага, хорошо зная, что именно там он им готовит верную смерть; затем пленили бы местного властителя, выхватив его из собственного дворца, охраняемого тысячами людей; затем публично казнили бы его генералов, а самого его продержали бы в цепях! Великое это чудо!

ПОСТРОЙКА МАЛОЙ ФЛОТИЛИИ.

Когда после казни мексиканских генералов все опять успокоилось, Кортес решил назначить в Вера-Крус, вместо умершего Эскаланте, Алонсо де Градо, ловкого и изворотливого человека, хорошего музыканта, но горе-вояку. Он был один из главарей недовольных, и немало красноречия потратил при тайных сговорах в Тласкале, о чем я уже рассказывал ¹⁾. И вот, зная этого субъекта вдоль и поперек, Кортес обратился к нему с обычной своей подкупающей сердечностью и простотой: „Сеньор Алонсо, давнишняя Ваша мечта близка к исполнению; всегда Вы стремились вернуться в Вера-Крус, теперь я Вас туда назначаю. Все Ваше внимание сосредоточьте на достройку укреплений, а не на военные предприятия, иначе с Вами может случиться такая же беда, как с Эскаланте“. Говоря это, Кортес незаметно подмигнул нам, ибо отлично знал, что Алонсо де Градо ни за какие блага не захочет рисковать жизнью.

И вот тот направился к месту назначения. Но, увы, плохо он выполнил инструкции Кортеса. Сейчас же по прибытии он облек себя неимоверной важностью; весь гарнизон должен

¹⁾ См. в. стр. 101.

был оказывать ему разные личные услуги, а окрестные деревни обязаны были доставлять ему золото и красивых женщин. Крепостную стройку он совсем забросил, и все время уходило у него на пирование и игру. Вернулись и прежние его мысли, и он недвусмысленно старался склонять гарнизон передаться Диего Веласкесу, если появятся корабли с Кубы.

Конечно, Кортес был немедленно извешен; он не мало скорбел о неудачном выборе, а опасность измены требовала скорого решения: вот он и избрал Хуана де Сандовалья, который немедленно отправился в Вера-Крус, арестовал Алонсо де Градо и переправил его в Мексику. Здесь он потребовал аудиенции у Кортеса, но получил отказ, и был заключен в новоотстроенный деревянный барак, от которого, помню и посейчас, так и разило чесноком и луком. Но уже через два дня ловкий парень сумел вновь заинтересовать Кортеса; его выпустили, даже примирились с ним, но военного командования уже никогда больше не поручали.

Что же касается деятельности Сандовалья в Вера-Крус, то она была отменной. Начал он с того, что позаботился о больных и немощных, чем сразу завоевал всеобщие симпатии, тем более, что и к остальному населению относился мягко и справедливо. Достройку крепости он возобновил немедленно, подтянул дисциплину, и вообще проявил себя отличным комендантом.

Кортес, который обо всем помнил и думал, поручил Сандовалью так же, как и Алонсо де Градо, тщательно собрать все железные части, оставшиеся от флота, и переправить их вместе с двумя кузнецами и их инструментом в Мексику. Де Градо этого не сделал, а Сандоваль все исполнил быстро и аккуратно, прибавив еще паруса, части такелажа, смолу и даже один компас, ибо знал, что Кортес вздумал построить две бригаантины для Мексиканского озера.

Когда этот транспорт прибыл, Кортес сообщил Мотекусуме, что он очень бы хотел для катания по озеру по-

строить два небольших корабля, а посему он просит отрядить мексиканских плотников на помощь двум нашим мастерам, Мартину Лопесу и Алонсо Нуньесу.

Строевой лес был лишь в четырех часах от Мексики, а посему его быстро доставили; столь же скоро подвигалась и сама постройка, ибо мексиканские мастера, получив модель, работали с изящной точностью. В короткий срок оба кузова были готовы, проконапачены и просмолены, мачты были поставлены, реи подвешены и даже был приспособлен особый плат через весь корабль в защиту от солнца. Оба корабля удались на славу, точно Лопес работал добрый месяц над моделью; да и вообще он был мастер своего дела, и им были построены те 13 бригантин, которые потом так сильно способствовали взятию Мексики...

Как раз во время работ, Мотекусума выразил желание отправиться в свои храмы на богомолье. Этим своим выходом, прибавлял он, еще раз удастся показать, что он не пленник, а добровольно проживает у нас, и всякие нашептывания должны, поэтому, прекратиться. Кортес сперва возражал, указывал на великую опасность для его жизни, ежели касики и „папы“ вздумают силой отбить его. В конце же концов он согласился, но с условием, что не будет человеческих жертв, что Мотекусума и обещал. Зато он мимо ушей пропустил совет Кортеса заменить паломничество к своим храмам молитвой пред нашей богородицей.

Выход состоялся с великим парадом, как в прежние времена. Участвовало множество сановников; сам Мотекусума был облачен в великолепные ризы; пред ним несли посох власти, который, кстати, и до сих пор остался у наших вице-королей в Новой Испании. Мы, с своей стороны, откомандировали 4 капитанов—Хуана Веласкеса де Леон, Педро де Альварадо, Алонсо де Авила и Франсиско де Луго—и 150 солдат. Примкнул также патер Ольмедо, чтоб не давать Мотекусуме учинять человеческие жертвоприношения.

По дороге господствовало то же преклонение, что и всегда, и у входа в проклятый храм Мотекусума по обычаю был на руках снят с носилок, а затем вознесен по ступеням на верхушку храма. При нас людей не резали, но „папы“ только что ночью зарезали четырех индейцев, и нам приходилось делать вид, что мы ничего не знаем. Конечно, не таково было время: ведь племянники Мотекусумы уже тогда все приготовили к восстанию в самом городе и в его окрестностях... Мотекусума, впрочем, пробыл там очень не долго, и в том же порядке мы вернулись с ним в наши квартиры. Выход, тем не менее, отлично повлиял на его настроение: он повеселел, и всем нам, участникам, велел выдать золотые украшения...

Когда бригантины наши были спущены и оснащены, они проявили отличный ход, будь то на веслах, будь то на парусах. Мотекусума узнал об этом и выразил желание проехаться на охоту, так как его заповедники, куда никто не смел проникать под страхом смерти, лежали по самому берегу. Кортес согласился, но с условием, что он поедет не на своей парадной лодке, а на наших бригантинах, плавание на которых куда удобнее и безопаснее. Мотекусума принял это предложение с явной радостью и в сопровождении своих приближенных сел на самую лучшую бригантину, а на другой поместился его сын с множеством касиков; охотники и прочая челядь следовали на местных челноках. С нашей же стороны, кроме Кортеса, отправились еще Хуан Веласкес де Леон, Педро де Альварado, Кристоаль де Оди и Алонсо де Авила с 200 солдат; всем была внушена величайшая бдительность особенно насчет особы Мотекусумы. К тому же, на борт приняты были 4 пушки с соответствующей прислугой и хорошим запасом пороха и ядер.

С самого начала нас подхватил попутный ветер, мы поставили все паруса, и Мотекусума впервые в жизни испытал, что значит лететь по водной поверхности. Туземные лодки, не-

смотря на множество гребцов в них, скоро далеко отстали; Мотекусума не мало смеялся и выражал свое удовольствие по поводу преимуществ нашей оснастки и парусности.

Мы быстро достигли цели; Мотекусума изрядно поохотился, истребляя целые полчища зайцев и кроликов, а затем, очень довольный, пустился в обратное плавание. Он же, уже вблизи Мексики, попросил выстрелить из пушек. Гром выстрелов до чрезвычайности ему понравился, и вообще за все время прогулки он был так прост и благорасположен, что мы наперерыв старались оказывать ему разные услуги.

Впрочем, и Мотекусума никогда не оставался в долгу. Стоило ему лишь мигнуть, как к нему уже тащили все, что он пожелает. Всякое хотение его было законом. Вот, например, такой случай. Сидели мы как-то раз вместе с Мотекусумой, когда какой-то ястреб-перепелятник ринулся на домашнего голубя и унес его. Франсиско де Асеведо не мог удержаться, чтоб не вскрикнуть: „Что за чудная птица! Какая сила, какая гордая осанка!“. А мы, придравшись к случаю, стали говорить и спорить о приручении разных птиц к охоте. Услышав столь оживленный разговор, Мотекусума заинтересовался его причиной; паж Ортегиля рассказал ему, что, имея мы такую птицу, мы быстро бы дрессировали ее, и она стала бы по приказу бить по любой птице, а в промежутках спокойно сидеть на рукавице охотника. „Если так“, сказал Мотекусума, „то я велю немедленно изловить и передать вам этого ястреба“. И действительно: чрез минуту уже предстал главный птичий охотник, а к вечеру того же дня он привез того ястреба, которого мы видели утром и приметы которого хорошо заметил Асеведо.

Вот какова была власть Мотекусумы! И вот как любезно и мило он относился к нашим желаниям! Все это скоро изменилось: быстро вращается колесо Фортуны, обстоятельства сплелись в ужасающий и угрожающий клубок!

НЕУДАЧНЫЙ ЗАГОВОР. ПРИСЯГА МЕКСИКИ.

Когда Какаматсин, князь города Тескуко, второго по величине города после Мексики, узнал о пленении своего дяди Мотекусумы, а также, что мы понемногу овладеваем всеми средствами государства, и что клад Аханакатля нами найден, но пока еще не взят, — он решил положить конец всему этому. Для этого он созвал всех своих вельмож своих близких родственников, князей городов Кохоуакана Тлакупы, Истапалапана, а также великого касика, князя Матлалтсинко, замечательного храбреца и столь близкого родственника Мотекусумы, что можно было поспорить, кто из них имеет более прав на корону Мексики.

Переговорив между собой, они призвали и кой-кого из мексиканских вельмож, чтоб установить с ними день нападения. Но тут же начались и расхождения: князь Матлалтсинко требовал короны для себя, а Какаматсин считал себя более подходящим...

Мотекусума узнал об этом заговоре от одного из своей родни, поссорившегося с Какаматсином. Дальнейшие расспросы, особенно у мексиканских вельмож, получивших от Какаматсина либо подарки, либо великие обещания, окон-

чительно выяснили картину. И вот, Мотекусума, как исключительно умный человек, не желая, чтоб его столица превратилась в арену мятежа и бойни, обо всем известил Кортеса, который и сам о многом давно уже догадывался.

Кортес предложил тогда передать ему верховное командование: он немедленно двинется против Тескуко, возьмет и разрушит город и опустошит всю округу. Но Мотекусума на это не согласился. Тогда Кортес сам объявил Какаматсину, чтоб он не смел создавать крамолы, иначе он погибнет. Но молодой и вспыльчивый князь дерзко ответил, что пора слов прошла и что угрозы он не боится. Наш полководец, однако, вторично его увещевал одуматься и не оскорблять Дон-Карлоса, нашего великого государя, иначе расплата будет ужасной. Но и на это получился еще более дерзкий ответ: никакого де Карлоса не знаю, да охотно не знал бы и Кортеса... После этого Кортес настоял пред Мотекусумой, чтоб тот всем своим авторитетом обрушился на ослушников, напоминая, что в самом Тескуко Какаматсин создал немало врагов своим высокомерием и жадностью. Действительно, при дворе Мотекусумы жил родной брат Какаматсина, прекрасный молодой человек, бежавший из Тескуко, так как брат покушался на его жизнь, видя в нем опасного соперника.

При таких обстоятельствах, советовал Кортес, желательно снестись с вельможами Тескуко и потребовать от них ареста и выдачи Какаматсина; или еще: под каким-либо предлогом вызвать Какаматсина, схватить его и до тех пор держать в темнице, пока он не одумается. В обоих случаях управление Тескуко передать его брату, ибо самая попытка к бунту уже лишала его престола.

Мотекусума избрал второй способ — вызов в Мексику, но выразил сомнение, насколько тот послушается; на этот случай он хотел послать особых людей для немедленного его ареста.

Кортес премного благодарил Мотекусуму за столь великую готовность поддержать мир, и настолько расчувствовался, что воскликнул: „Ныне, государь, будь Вы того пожелаете, я не воспротивлюсь Вашему возвращению в прежний Ваш дворец, ибо искренность Ваших побуждений я теперь вполне уразумел. Правда, не от меня одного это зависит, да и безопасность Ваша гораздо лучше гарантирована у нас, чем где бы то ни было. Во всяком случае, я никогда бы не лишал Вас свободы, если бы этого не потребовали мои офицеры!“.

Мотекусума, повидимому, поверил Кортесу, тем более, что и паж Ортегиля с своей стороны неоднократно рассказывал ему, что главные виновники пленения—офицеры. Посему он торжественно заявил, что предпочитает остаться под нашей охраной, пока дела с племянниками не распутаются...

И вот Мотекусума послал своего приближенного в Тескуко, приглашая Какаматсина к себе, будто бы для того, чтоб примирить его с Кортесом, у которого он живет не пленником, а гостем, по собственному изволению. Но Какаматсин не пошел на эту удочку. Он собрал своих приближенных и обратился к ним с горячей мятежной речью. С Испанцами де он покончит дня в четыре, не более; дядюшка по трусости этого не смел сделать, а ведь удобных моментов было сколько угодно, хотя бы тогда, когда мы спускались в долину Чалко. Вместо этого, Мотекусума впустил нас в город, где и дал укрепиться, затем расточает для нас все доходы государства, не уберег сокровищ Ахаиакатля, сам попался в плен и, кажется, готов отступить от веры. Беда великая! Чтоб она не увеличилась еще более, нужно нас немедленно уничтожить. На их помощь в этом деле он и надеется. Если же ему придется вступить на престол Мексики, он всех их сделает ближайшими советниками, а пока дарит им вот эти предметы. Успех обеспечен, ибо

все крупные князья, родственники Мотекусумы, согласны действовать с ним вместе, да и в самой Мексике есть много единомышленников. Овладеть столицей будет не трудно: часть войск двинется по дамбам и будет впущена беспрепятственно, другая переправится на лодках. Мы также не страшны: ведь недавно Мексиканцы победили много Испанцев под Альмерией, и голова одного из них, как и труп коня, долго показывались в Мексике. Не пройдет и часа, как все будут перебиты и тела их переданы для жертвенного пира.

Речь эта не произвела ожидаемого впечатления. Особенно военачальники переглядывались между собой в нерешительности, пока некоторые из них не заявили, что если это делается с согласия Мотекусумы—они не перечат; ежели же его не известили, они никогда не станут мятежниками, внося в столицу убийство и раскол.

Какаматсин разгневался, и трое из говоривших были схвачены. Тогда другие, подстрекаемые и поддерживаемые такими же молодчиками, как он сам, вынесли решение: стоять крепко за Какаматсина и принять его план. Мотекусуме же был отправлен ответ, что Какаматсин дивится его заступничеству за людей, которые до сих пор причинили ему лишь несчастье и позор; несомненно,—они его околдовали, отняв у него и ум и прежнюю энергию; их боги, особенно великая их богиня, снабдили их чарами, чтоб он послушно делал все, что они захотят. А посему: он скоро навестит и дядю, и его новых друзей, для которых его прибытие будет смертным приговором.

Дерзкое это послание до-нельзя возмутило Мотекусуму. Тотчас он велел позвать шестерых лучших своих генералов, передал им перстень с своей руки и приказал немедленно отправиться в Тескуко, переговорить там с благоразумной частью населения и при их помощи схватить Какаматсина и его пособников и отправить их в Мексику.

Так те и сделали. Предприятие удалось на славу. Какаматсин был захвачен в собственном дворце, вместе с пятью другими заговорщиками, как раз в тот момент, когда они обсуждали подробности похода. Их заковали в цепи, погрузили в лодки, и так привезли к Мотекусуме. Здесь Какаматсин держал себя еще более нагло, а посему Мотекусума, освободив остальных, передал его на суд Кортесу.

Кортес от сердца благодарил за столь высокое доверие и дружбу и советовал возвести на престол Тескуко брата Какаматсина, того самого, который нашел убежище в Мексике; но сделать это с соблюдением всех формальностей, так, чтобы сами знатные и народ его избрали. Так оно и случилось; и молодой принц стал князем Тескуко, под именем „Дон-Карлоса“.

Судьба Какаматсина не мало напугала остальных племянников Мотекусумы; зная, что дядя извещен об их переговорах с мятежниками, они побоялись прибыть ко дворцу. Но Мотекусума, по совету Кортеса, велел их также схватить, и не прошло и недели, как они сидели на той же цепи, что и Какаматсин...

Ясно, на сколь тонкой ниточке висела жизнь всех нас. Кругом только и было разговора, как нас убьют, принесут в жертву, съедят. Не будь помощи свыше, не отнесся бы к нам так великий добрый Мотекусума, которому все подданные, несмотря на его плен, повиновались в совершенстве. Зато и мы всячески старались задобрить монарха и послужить ему, даже тогда, когда после захвата князей непосредственная опасность миновала. Впрочем, мы не только почитали Мотекусуму, но и искренно его полюбили за простоту и щедрость. А тут еще он все чаще стал беседовать насчет нашей веры, и патер Ольмедо и паж Ортегия уже выражали надежду на близкое его обращение. Столь же часто, положим, он спрашивал также о нашем

государе, его вассалах, странах и народах. И не менее охотно он вел и простой разговор и садился играть в „тотолок“, неизменно отдавая нам свой выигрыш с присовокуплением еще новых подарков...

Итак, вся страна была замирена. Тут-то Кортес и напомнил Мотекусуме об его давнем обещании, еще до прихода нашего в столицу, — платить дань нашему государю. Сообщил он ему также, что в таких случаях у нас в обычае сперва принести вассальную присягу.

Мотекусума согласился созвать князей своей державы и сделать им надлежащие сообщения. Действительно, уже через неделю состоялся съезд главных касиков; не хватало лишь того храбреца, ближайшего родственника и наследника Мотекусумы, о котором я уже говорил. Правда, и он в своем Тула чуть-чуть смирился и прислал гонца с извинениями, что не может ни прибыть сам, ни прислать дань, ибо страна его еле перемогается. Мотекусума разгневался и отрядил за ним нескольких из своих начальников, но тот, как это всегда бывает с важными господами, уже был извещен о грозе и отбыл куда-то вглубь страны.

Съезд остальных князей, тем не менее, состоялся. Никто из нас на нем не присутствовал, кроме Ортегилии, пажы Мотекусумы, от которого мы и узнали подробности. Сам монарх открыл съезд большой речью, где указал на давнишнее пророчество о приходе людей с Востока, которым суждено овладеть Мексикой; далее, что именно мы и есть эти люди, как то теперь объясняют и сами боги в своих оракулах; а посему следует, выполняя волю богов, принести присягу и дать дань, как то требует Малинче, которому противоречить нельзя. Напомнил им также Мотекусума, что в течение всего десятилетия его царствования они были всегда добрыми и послушными, а он — милостивым и щедрым... Все согласились, и со слезами на глазах обещали исполнить его веления; прослезился и сам Мотекусума.

Один из высших сановников немедленно сообщил о таком решении Кортесу, и на следующий день назначено было торжество присяги. Присутствовали: Кортес, все офицерство, большинство солдат; запись вел Педро Фернандес, личный секретарь Кортеса. Мексиканцы являли великую грусть, а сам Мотекусума несколько раз плакал; видя это, не могли удержаться и мы, ибо мы его любили и сердце наше наполнилось горячим состраданием. Тем более увеличили мы свою о нем заботливость; Кортес и патер Ольмедо не отходили от него ни на секунду, всячески стараясь развеселить его; конечно, не мало было и тут попыток отвлечь его от служения губительным лже-богам.

ЗОЛОТО!

Хлопоча при Мотекусуме, Кортес как-то завел разговор насчет месторождений золота и высказал желание узнать подробности о местных жилах, россыпях и золотоносных реках, так как намеревается послать туда двоих из нас, хорошо знакомых с делом. Мотекусума ответил, что таких мест три: больше всего золота добывается в провинции Сакатула, в 10—12 днях пути к югу от Мексики; там оно добывается промывкой, и золотой песок оседает в особых деревянных лотках; затем, недавно, стали находить его и в речных руслах страны Гастеков, к северу, недалеко от тех мест, где мы высадились; наконец, изобильные месторождения находятся также у Чинантеков и Сапотек, которые, однако, не подчинены Мексике. Если Кортес хочет кого-либо из своих послать в вышеуказанные места, он, Мотекусума, охотно отрядит сановных проводников.

Кортес очень благодарил и сейчас же воспользовался предложением. В Сакатула он послал пилота Гонсало де Умбриа с двумя рудокопами. Это был тот Гонсало, которого Кортес некогда присудил к отрубанию ног, когда Педро Эскудеро и Хуан Серменьо были повешены, а другие

биты шпицрутенами за попытку тайно овладеть кораблем и бежать на нем ¹⁾). К северу послан был молодой офицер, лет 25, некий Писарро, родственник Кортеса; о Перу тогда еще ничего не знали, а посему имя Писарро было еще пустым звуком. Вместе с ним пошли четыре рудокопа и столько же мексиканских чиновников. Что же касается третьего пункта, то Мотекусума передал нашему полководцу большой холст с чертежом, изображавшим все места, реки, заливы и проч. с большой отчетливостью. Рассматривая его, Кортес обратил внимание на реку Гуакасуалко, изображенную в очень крупных размерах, и он порешил послать туда людей для обследования. Вызвался Диего де Ордас, человек великого ума и большой храбрости, правая рука Кортеса, который посему неохотно с ним расставался. Тем не менее, тот настоял на своем и отправился с несколькими Испанцами и двумя-тремя мексиканскими сановниками. Мотекусума предупреждал, что страна вне пределов его державы, а народ там сильный и решительный; легко может случиться беда, а посему он готов дать приказ, буде Ордас захочет, пограничным войскам сопровождать его...

Первым вернулся Гонсало де Умбриа и его товарищи. Привезли они с собой золотого песку на 300 пезо и рассказывали, что в Сакатула промывка ведется вяло и примитивно; если же послать туда опытных людей и применять те способы, какие существуют на Кубе или на Сан-Доминго, то прибыль будет немалый. С ними прибыли также двое знатных из тамошних мест с подарком для нашего государя, этак пезо на 200. Как будто пустяки! Но Кортес так обрадовался, точно преподнесли дар в 30.000 пезо; ибо состояние золота уверило его в существовании изобильных и добротных залежей. Щедро одарил он прибывших, и те с великой радостью вернулись во-свояси.

¹⁾ См. в. стр. 87.

Много чудес рассказывал также Умбриа о больших городах, затронутых им попутно, а также о замечательной провинции Матлалтсинко. Ясно было, что ни он, ни его спутники, не забыли себя и изрядную долю золота опустили в собственный карман. Но Кортес это даже предвидел, а посему и выбрал именно этого человека: таким путем он хотел смыть былую обиду.

Вторым вернулся Диего де Ордас, тоже не с пустыми руками. Прошел и он чрез много крупных поселений, и везде его встречали с великим почетом. Окраины же, по его словам, прямо стонали от невыносимых поборов начальников Мотекусумы, и он пригрозил о всех их неистовствах донести монарху. Реку Гуакасуалко он исследовал на большом протяжении, и в разных местах находил золото. Кроме того, вся тамошняя страна чрезвычайно удобна для разведения овец и вообще для скотоводства, а гавань была бы хороша, не будь она так далека от Мексики. Кортес и все мы очень обрадовались его счастливому возвращению.

Наконец, что касается Писарро, то и он вернулся, но с одним лишь спутником. Насчет золота зато у него была наибольшая удача: одного золотого песку он сдал более чем на 1000 пезо. Оказывается, что на месте он сам приступил к промывке и привлек множество индейцев обещанием двух третей добычи. В других местах жители сопротивлялись проходу Мексиканцев, зато охотно открывали свою страну Испанцам, так что на границе пришлось расстаться со всеми мексиканскими сановниками. Привез он с собой и двух касиков с подарками для Кортеса, которые готовы были присягнуть нашему королю, лишь бы избавиться от мексиканской ненасытности. Кортес их принял ласково, обнадежил их, одарил стеклом и под его покровительством они свободно вернулись домой.

Когда же Кортес спросил, что случилось с остальными испанскими спутниками Писарро, а именно с Варриентосом,

старшим Эредиа, молодым Эскалона и шутом Сервантесом, он, после долгих вывертов, принужден был признаться, что оставил их там, дабы они, пользуясь чудесным климатом и почвой, громадным золотым богатством и полной замиренностью края, могли организовать большую плантацию какао, маиса и хлопка, устроить внушительный птичий двор и не спеша обследовать золотonosные реки. Кортес воздержался от упреков, зато с глаза на глаз резко, говорят, обрушился на своего родственника за его низменный образ мыслей, который побудил его, забывая общее дело, заняться спекуляциями с какао и птичьими дворами. Сейчас же был отправлен солдат с письменным приказом всем и немедленно вернуться.

Со всех сторон, таким образом, посланные вернулись с образчиками золота. Богатство страны было установлено, а посему Кортес, после всестороннего обсуждения, решил обратиться к Мотекусуме, чтоб тот повелел со всей страны собрать дань для нашего государя, да и сам, как наиболее богатый вассал, показал бы пример. Мотекусума согласился, но предупредил заранее, что во многих местах такой приказ ничего не даст, ибо запас золота уже исчерпан, за исключением нископробных украшений.

Всюду были разосланы гонцы, особенно в те места, где добывалось золото; приказано было немедленно выслать столько же золота, сколько обыкновенно доставлялось Мотекусуме, и для образца приложены были два слитка. Прибыл гонец и к великому касику-храбрецу, родственнику Мотекусумы, но тот наотрез отказался не только от присылки золотых слитков, но и от послушанья Мотекусуме вообще. Таким ответом монарх был настолько оскорблен, что сейчас же отрядил несколько высоких военачальников, снабдил их своей личной печатью и велел им схватить ослушника.

Действительно, они им овладели и привезли пред очи Мотекусумы; но пленник не только не оторопел, но держал

такие речи, что в них нельзя было не видеть припадка сумасшествия, чему, говорят, он был подвержен и раньше. Посему Кортес, узнав о приказе Мотекусумы немедленно казнить мятежного принца, выпросил его у Мотекусумы и всячески старался смягчить его буйство, обещая вернуть и свободу. Впрочем, Мотекусума был иного мнения: он хотел, чтоб того по крайней мере примкнули к той же цепи, на которой сидели уже остальные бунтовщики...

Недели через три вернулись сборщики дани, посланные по всем провинциям. Мотекусума пригласил к себе Кортеса, офицеров и кой-кого из нас, с которыми он познакомился во время наших дежурств, и держал следующую, приблизительно, речь: „Малинче, и все вы сеньеры офицеры и солдаты! Я давно уже должник вашего государя, хотя бы потому, что он взял на себя тяготу послать своих людей в столь дальние страны. Примите, посему, сие золото в качестве дани, а недостаточность его извините кратковременностью сбора... Что же касается лично меня, то весь клад моего отца я предназначаю королю; я знаю — вы его уже видели, но знаю также, что ничего из него не взято. Теперь берите его и пошлите своему государю с указанием: вот что шлет Вам Ваш верный вассал Мотекусума. Кроме того, прибавлю еще несколько зеленых камней исключительной ценности, а также три лука, усеянные драгоценностями. И вообще, я готов бы дать все, что имею, но немного сейчас у меня осталось, ибо остальное передал я вам за это время в виде подарков и подношений“.

Столь милостивые и щедрые речи привели Кортеса и нас всех в приятное изумление; мы почтительно сняли наши шлемы и сердечно благодарили... Действительно, Мотекусума не медлил с исполнением обещанного: через какой-нибудь час началась уже сдача великого клада. Сокровищ было так много, что на их извлечение и просмотр понадобилось три дня! Читатель получит достаточное впе-

чатление, если я скажу, что клад этот, нагроможденный в три большие кучи, представлял ценность в 600.000 слишком пезо, причем серебро и иные драгоценности, не золото, не принимались во внимание! Не включено было также и то золото, которое оказалось не в поделках, а в виде слитков, зерен и песку. Впрочем, вся масса целиком была перелита в квадратные слитки, величиной в три пальца; помогали нам ювелиры из Эскапусалко, подле Мексики... Уже после этого прибавилось еще много вещей, присланных Мотекусумой: много драгоценностей удивительной работы, замечательные самоцветы, роскошно украшенные луки, множество вышивок из жемчуга и перьев... Словом, никогда бы не кончить с точным перечислением всех этих прелестей!

Кортес велел изготовить железное клеймо с испанским гербом, и все слитки были таким образом перемечены; художественных изделий на сей раз не тронули, так как жаль было их разрушать. Настоящих весов и гирь у нас не было, и хотя мы и изготовили разновески в 25, $12\frac{1}{2}$, 2, 1, $\frac{1}{2}$ фунта, 4 унции—все же при взвешивании точности не было, да на какую-нибудь пол-унцию никто и не обращал внимания. Вот после этого взвешения и была объявлена та сумма, которую я привел,—600.000 пезо; но мы считали, что подлинный итог куда выше.

По нашему мнению теперь нужно было лишь выделить королевскую пятину, и все остальное поделить между офицерами и солдатами, не забывая и тех, кого мы оставили в Вера-Крусе. Но Кортес хотел еще обождать с дележкой, ибо общая сумма скоро еще возрастет. Большинство же из нас, как офицеров, так и солдат, требовало не откладывать дележа, ибо нам казалось, что все три кучи как-то странно уменьшались изо дня в день, так что не хватало уже доброй трети. Подозрение высказывалось против Кортеса и его приближенных, а посему нельзя было более медлить.

Вот как происходил этот раздел. Из всей массы прежде всего взята была одна пятая для короля и другая — для Кортеса, согласно тому договору, какой мы заключили с ним на дюнах, выбирая его в генерал-капитаны. Затем Кортес потребовал вычета тех расходов, какие он потерпел на Кубе при снаряжении экспедиции, а также возмещение Веласкесу за суда, нами уничтоженные, наконец, оплату издержек нашего посольства в Испанию. Далее скостили пай для 70 человек гарнизона Вера-Круса, а также стоимость двух коней, павших при Тласкале и Альмерии. Только затем уж приступили к наделению прямых участников. Но и тут шли в таком порядке: сперва оба духовных лица, затем офицеры, затем всадники, затем мушкетеры и арбалетчики; всем предоставлялось по двойному паю. Когда же, после стольких надувательств, очередь дошла до нас, остальных солдат, по расчету — один пай на человека, то этот пай был столь мизерен, что многие его даже не брали, и тогда, конечно, и их доля шла в карман Кортесу!... Разумеется, тогда мы должны были молчать, ибо кому же было жаловаться на обман, и у кого требовать справедливости! К тому же Кортес не жалел ни ласковых слов, ни обещаний, а наиболее опасным крикунам ловко умел затыкать рот сотней-другой.

Доля товарищей в Вера-Крусе была сдана на хранение в Тласкалу; большинство офицеров превратили свой паек, при помощи все тех же ювелиров из Эскапусалко, в увесистые цепи, а Кортес, помимо того, велел себе изготовить еще золотой сервиз. Не отставали и солдаты, особенно те, которые сумели обеспечить себя еще до всякого раздела, и вскоре появилось множество слитков и других ценностей. Разумеется, тотчас пошла и высокая игра, особенно, когда некий Педро Валенсиано из пергамента изготовил карты, столь удачные по разметке и разрисовке, что их нельзя было отличить от настоящих, испанских.

Как пагубно отразилась дележка золота, изображу на следующем примере. Был среди нас некто Карденас, собственно моряк. Нужда принудила его пуститься в приключения, и дома он оставил жену и ребят в тяжелой бедности. Карденас вдоволь налюбовался несметным количеством золота и других ценностей до дележки, когда же на его долю в конце концов пришлось что-то около... 100 пезо, он впал в настоящую меланхолию. На дружеские вопросы, почему он так подавлен, он неизменно отвечал: „Как же мне не убиваться, коль все золото, добытое великими нашими трудами, пошло прахом на разные пятины, корабли и лошади, все прямо в карман Кортеса, в то время, как моя баба и мои ребята пухнут с голода! Ведь были же здесь средства, и мог бы я их им послать в свое время“. „Когда же это“, полюбопытствовали мы. „А тогда, когда мы отправляли наших агентов к королю. Не отними тогда Кортес нашей доли — была бы помощь нашим семьям. А тут, извольте видеть, пошли разные хитросплетения, да подписи, да постановления: давай все целиком королю, и отцу своему Кортес, небось, послал 6.000 пезо! А сколько он, кроме того, утаил — и сказать нельзя! А мы, бывшиеся в Табаско и Тласкале, Сумпатсинко и Чолуле, днем и ночью, постоянно рискуя жизнью или своими членами, так и остались бедняками и только облизываемся, а Кортес, что твой король, тоже берет себе пятину!“ И многое еще кричал Карденас, доказывая, что нечего было давать Кортесу пятины, ибо никакого короля, кроме законного, нам не нужно. Да и с пищей та же история: Кортес и офицеры берут все самое лучшее себе, и это в такое время, когда каждую минуту мы можем погибнуть в этом проклятом городе.

Конечно, Кортес узнал о подобных речах, и рост всеобщего недовольства не мог от него скрыться. Собрал он нас всех в круг и полились медоточивые речи: все де

сделали мы, а не он; пятинны он никакой не требовал, а лишь ту долю, какую мы же сами ему обещали; всякому, кто нуждается, он немедля готов помочь; наконец, только что поделенное богатство — пустяки по сравнению с теми, какие нас еще ожидают; ведь знаем же мы теперь, какие здесь великие города и изобильные золотые прииски — все это наше и все мы станем богачами... Вот что говорил Кортес, а кого подобные речи не понимали, тех успокаивал он и иначе: то сунет ему какую-либо драгоценность, то наобещает в три короба; а припасы с тех пор шли все в общий котел, и Кортес получал то же, что и солдаты. Не забыл он и Карденаса: дал ему 300 пезо и обещал с ближайшей оказией отправить в Испанию. Впрочем, о Карденасе нам придется еще рассказать, когда у Кортеса возникнут крупные неприятности в Испании пред королем; но об этом — в свое время...

Теперь же прибавлю еще один факт. Конечно, к золоту, как всем известно, стремится все человечество; и чем больше его имеешь, тем меньше удовлетворяешься. Вот и случилось, что из трех куч стали пропадать отдельные вещи, которые мы все отлично заприметили. Когда, поэтому, Хуан Веласкес де Леон то и дело заказывал мексиканским ювелирам то цепи из золота, то разные другие украшения, наш казначей, Гонсало Мехиа, указал ему, что многие из его вещей принадлежали к королевской пятине и не могли попасть в частные руки. Но Хуан Веласкес де Леон зная, как высоко ценит его Кортес, ответил, что ничего не вернет, ибо сам он ничего себе не брал, а все получил от Кортеса. Мехиа этим не удовлетворился, и вскоре возникла жестокая перебранка, затем выхвачены были шпаги, и они, ловкие фехтовальщики и силачи, несомненно убили бы друг друга, если бы мы их не разняли силой. Тем не менее, каждый получил уж по две раны.

Когда Кортес узнал об этом, он обоих велел арестовать и заковать. Впрочем, зная дружбу Кортеса к Хуану Веласкесу, мы не очень тревожились за его участь; а что касается Мехии, то им и мы были недовольны, так как он должен был пойти дальше—требовать недостающее не только у Хуана Веласкеса, но и у самого Кортеса. Впрочем, не буду распространяться, а расскажу самый конец всей истории.

Хуан Веласкес помещен был в комнату, недалеко от покоев Мотекусумы. Веласкес, крупный и сильный человек, не слишком стеснялся тяжелой цепью и преспокойно тащил ее за собой, если хотел размяться и расправить затекшие члены. Мотекусума слышал лязг и грохот и осведомился у пажа Ортегильи, кого это там засадили. Ортегилья и рассказал, что это—Веласкес, тот самый, который еще недавно командовал личной охраной Мотекусумы, и что он арестовал за какую-то недостачу золота. Вскоре появился и Кортес, чтоб по обыкновению осведомиться о желаних Мотекусумы, и тогда тот спросил его, за что столь храброго офицера заковали в цепи. Кортес как бы в шутку ответил, что у Веласкеса голова не совсем в порядке, ибо он, считая себя обделенным при распределении золота, погрозился отправиться в разные города, чтоб вытребовать у тамошних касиков золото. Боясь, что он исполнит эту сумасбродную мысль и что могут пострадать при этом касики, Кортес и посадил его на цепь.

Тогда Мотекусума стал просить за Веласкеса: он де отговорит его от странных планов, а что касается золота—он удовлетворит его из собственной казны. Кортес для вида согласился не сразу и только ради Мотекусумы. Оковы были сняты и Веласкес послан был с мексиканскими сановниками для сбора дани в Чолулу. Когда он через шесть дней вернулся, у него было золота больше,

чем когда-либо... Что же касается Мексики, он навсегда затаил обиду и отношения к Кортесу так и остались испорченными.

Я же рассказал эту историю, чтоб показать, как ловко Кортес умел использовать любой случай, чтоб внушить всем представление о строгой и нелицеприятной своей справедливости.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ

Мотекусума делал все нам в угоду. Одно. только было выше его сил: отказ от человеческих жертвоприношений. Как ни настаивал Кортес, как ни упрашивал патер Ольмедо, не проходило и дня без этих гнусностей. Тогда Кортес решил прибегнуть к решительным мерам, но так, чтоб не вызвать немедленного возмущения „пап“ и всего города. На особом совещании, посему, постановили: низвергнуть идолов с главного храма; ежели же Мексикаицы вздумают их защищать силой или поднять мятеж, то ограничиться требованием, чтоб на вершине храма был помещен и наш алтарь с иконой богородицы и крестом.

Кортес взял с собой семерых офицеров и солдат и отправился с ними к Мотекусуме, где указал, что все наше войско единодушно порешило положить конец резне людей, что мы просим его распорядиться о снятии идолов и замещении их нашим богом, иначе может случиться несчастье, и многие из „пап“ могут поплатиться жизнью.

По лицам окружающих Мотекусума увидел, что дело серьезно, и с великой горестью он воскликнул: „Ах, Ма-линче! Зачем ты хочешь принудить меня погубить весь

этот город! Боги уж сейчас разгневаны, и трудно сказать, какая великая опасность ожидает вас. Разреши мне созвать „пап“, чтоб посоветоваться с ними“.

Тогда Кортес удалил всех остальных, кроме патера Ольмедо, и попросил Мотекусуму еще раз выслушать их двоих. Это была тонкая хитрость, но не совсем безуспешная, как мы увидим. Именно, Кортес, как бы секретно, сообщил Мотекусуме, что есть еще одно, последнее средство спасти город от мятежа и крови — разрешить нам, не трогая богов, построить алтарь на верхней платформе храма. Конечно, не то требует войско, но он готов уговорить своих товарищей помириться на меньшем.

Но и на это предложение Мотекусума ответил с печалью и многими вздохами, что должен посоветоваться с жрецами.

Тем не менее, после долгих споров и разговоров, алтарь был нам разрешен, и помещался он сбоку от проклятого капища. Свершена была торжественная месса, при которой все мы присутствовали с большим подъемом. Сторожем при алтаре остался старик-солдат, и мы просили Мотекусуму, чтоб жрецы его не обижали, ибо на его обязанности лежит соблюдать чистоту, поддерживать вечно горящие свечи и украшать алтарь зеленью и цветами...

Никогда для нас не было недостатка в опасностях, теперь же, воистину, наступили тяжкие времена. Мексиканские боги, оказывается, вновь заговорили: они де намерены оставить страну, ибо слишком пренебрежительно относятся к ним пришельцы, да и в одном здании с иконой и крестом они остаться не могут; ежели же Мексика желает их сохранить, то всех нас нужно перебить; таково их решение, пусть об этом узнают Мотекусума и все, ибо пришельцы — насильники и святотатцы: пятерых князей они держат в цепях, священные предметы они перелили в слитки... Все это дословно было сообщено Мотекусуме, и тот пригласил к себе Кортеса для сообщения величайшей важности.

Приглашение это передал паж Ортегиля, который присовокупил, что Мотекусума находится в величайшем волнении и что весь предыдущий день до глубокой ночи он совещался с „папами“ и военачальниками, да в такой тайне, что Ортегиля ничего не смог подслушать.

Кортес взял с собой Кристобаля де Оли, еще четырех офицеров, донью Марину и Агуилера, и тотчас же отправился к монарху, который, после обычных приветствий, сделал следующее неожиданное сообщение: „Малинче, и все вы остальные капитаны! Великим горем преисполнило меня веление моих богов, переданное мне „папами“ и военачальниками. Боги требуют, чтоб мы пошли на вас войной, чтоб всех вас истребить или изгнать из пределов страны. Лучше, конечно, если вы сами удалитесь, еще до начала военных действий. Вот что я принужден вам сообщить! Не может быть спора, что жизнь ваша висит на волоске!“

Понятно, что Кортес и все присутствующие были не мало поражены и потрясены. Такого оборота никто не ожидал, а Мотекусума говорил с такой мрачной решительностью, что сомневаться в ужасной для нас опасности было невозможно. Тем не менее, Кортес быстро овладел собой. Поблагодарив Мотекусуму за предостережение, он высказал крайнее сожаление, что у него нет теперь кораблей, на которых мы бы могли уйти, тем более, что его, Мотекусуму, в случае нашего ухода, тоже придется прихватить, дабы представить его нашему государю. Посему он просит Мотекусуму повлиять на „пап“ и военачальников и дать нам время построить три корабля. Такой исход будет наилучшим, ибо всякая война несет с собой смерть многих и лучших. Решение его насчет постройки кораблей твердое: он сейчас же готов послать одного из своих офицеров и обоих наших мастеров к берегу для подготовки материала.

Услышав, что он должен отправиться с нами, Мотекусума опечалился пуще прежнего. Тем не менее, он обещал нам отрядить дровосеков и плотников и советовал величайшую спешку, ибо, возможно, что богов удастся успокоить на некоторое еще время.

Кортес откланялся, и все мы с минуту на минуту ждали начала военных действий. Все же немедленно позваны были наши мастера, Мартин Лопес и Андреа Нуньес, и Кортес совещался с ними о величине судов и о тех материалах, какие находились в складах Вера-Крус. Скоро прибыли и мексиканские мастера и их помощники, и на морском берегу закипела жизнь — валили деревья, набрасывали чертежи, строили модели, а затем начали постройку и самих кораблей. Говорили, что Лопес получил тайный приказ не слишком усердствовать, но мне об этом ничего неизвестно, а сам Лопес, в минуту откровенности, говорил лишь о подлинной, безобманной стройке...

Таковы-то были дела! Не скрою, что жутко нам всем было в этом громадном враждебном городе, и таково же было и настроение дружеской Тласкалы, ожидавшей немедленного на себя нападения. Донья Марина полна была тяжких предчувствий; маленький Ортегилья то и дело плакал; все мы насторожились и ни на секунду не выпускали Мотекусуму из глаз. Спали и ели мы кое-как; ложем служила циновка да связки соломы; мы не только не раздевались, но не снимали и доспехов. Караулы были так усилены, что на каждого из нас еженощно выпадало по смене. Так жили мы не день и не два, а все время, и я так привык к этой солдатской манере, что долго потом, после завоевания, не мог привыкнуть к постелям, подушкам и прочим тонкостям. Даже сейчас, в преклонном возрасте, мне душно в комнатах, и я охотно сплю наружу, причем до сих пор осталась привычка несколько раз просыпаться и вставать, чтоб убедиться, все ли в порядке...

Пусть читатель узнает, как велика была опаска у нас, подлинных завоевателей, как тяжела и некрасна была наша жизнь!

А тут, еще более неожиданно, стряслось и второе страшное несчастье!

Напомню ¹⁾, что наместник Кубы, Диего Веласкес, пылал ненавистью к Кортесу и к нам за то, что его миновала золотая казна, и что он, помимо великих почестей успел выхлопотать себе у епископа Фонсеки, президента Индийского Совета, разрешение снарядить против нас экспедицию.

Экспедиция эта теперь состоялась. В ней было 19 кораблей и более 1400 солдат; одних пушек было более 20 с громадным запасом пороха, ядер, кремней и двумя искусными артиллеристами; всадников было 80, арбалетчиков — 90, мушкетеров — 70. Как ни толст и неповоротлив был сам Диего Веласкес, он сам лично объехал весь остров, чтоб способствовать набору своего генерал-капитана Памфило Нарваеса. Цель экспедиции, по его речам, была: схватить нас живыми или мертвыми.

Правда, королевский суд ²⁾ на Сан-Доминго восстал против сего, ибо до него дошли вести о великих наших заслугах пред государем и церковью. Посему, члены суда, как люди мудрые и нелицеприятные, оспаривали право Веласкеса вмешаться вооруженной рукой, тем более, что отсюда получится немалый ущерб делу завоевания. Послан был аудитор суда, лисенсиат Васкес де Аильон, чтоб задержать отправку флота, но протестация его, выраженная по всей форме, не возымела успеха: Диего Веласкес потратил ведь на экспедицию почти все свое имущество, да и сильно он надеялся на поддержку всесильного епископа Фонсеки. Тогда Васкес порешил примкнуть к экспедиции, дабы на

¹⁾ Ст. в. стр. 85.

²⁾ Аудиенсия.

месте помирить Нарваеса с Кортесом и не допускать дела до крайности.

Экспедиция отплыла и вот теперь, неожиданно-негаданно, прибыла в Сан Хуан де Улуа, потеряв лишь один корабль, который разбился на высоте мыса Сан Мартина, ибо не знали они губительной силы северных шквалов.

Громадный этот флот замечен был нашими солдатами, которых Кортес отрядил на работу по промывке золота. Трое из них, именно: Сервантес, Эскалона и Алонсо Эрнандес Карретеро, немедленно отправились на корабль к Нарваесу и, говорят, все время восклицали о великом своем счастье, что они избавились от тирании Кортеса и неминуемой смерти, какая грозила им в великом городе Мексике.

Нарваес велел их накормить и напоить, и от вина их язык окончательно развязался. „Вот это так жизнь! Стакан доброго вина вместо рабского состояния у Кортеса, где нельзя открыть рта, где нет покоя ни днем, ни ночью!“ А Сервантес, шут по профессии, то и дело восклицал: „Счастливец же ты, Нарваес! Знаешь ли ты, что приходишь как раз во-время: предатель Кортес накопил изрядную сумму в 700.000 пезо, а солдаты его крайне против него возбуждены, ибо он их жестоко обманул при дележе“.

Вот что болтали эти подлые и бесчестные дезертиры, а Нарваес все наматывал себе на ус. Узнал он также, что в восьми часах пути находится новопостроенный город, Вера-Крус, в котором не более 60 человек гарнизона, все более старики и инвалиды...

О прибытии флота тотчас был извещен и Мотекусума, который, ни слова не сказав Кортесу, немедленно послал своих сановников к Нарваесу с золотом и прочими подарками и строгим приказом, чтоб местные туземцы изобильно бы снабжали пришельцев. Посольству этому Нарваес изобразил

Кортеса и нас всех в ужасном свете: мы де кучка сброда и разбойников, бежавших из Испании без ведома короля; как только король узнал о нашем здесь грабительстве, о великом злодействе — пленении Мотекусумы, он сейчас же послал Нарваеса с большим флотом, чтоб прекратить эти безобразия, освободить великого Мотекусуму, а нас всех либо убить, либо живьем привезти в Испанию, где нас ожидает заслуженная казнь.

Переводчиками служили все те же три солдата. Столь приятные речи Нарваес подкрепил еще посылкой множества испанских товаров.

Конечно, Мотекусума весьма обрадовался такому повороту дел, особенно, когда его, при помощи зарисовок, тщательно осведомили о величине и качестве экспедиции. Ему казалось, что Нарваесу, при его огромных силах, легко будет справиться с нами; тем более, что его послы видели и наших дезертиров и слышали их подлые речи. Поэтому, Мотекусума послал еще второе посольство, с еще большими подарками и с самым решительным приказом — во всем ублажать Нарваеса и его войско.

Трое суток Мотекусума знал уже о Нарваесе, а Кортес не имел ни малейшего даже намека. Но вот однажды ему бросилось в глаза, что Мотекусума, в последнее время либо печальный, либо угрюмый, что-то очень повеселел. Он спросил его о причине, а тот ответил лишь: „Да, с недавнего времени чувствую себя немного лучше“. Станным это показалось Кортесу, и он решил навестить Мотекусуму еще раз в этот день, чтоб выведать подлинную причину. А тот, с своей стороны, подумал, что Кортес получил, наконец, известия о флоте, и, чтоб отклонить всякое подозрение, решил как бы добровольно сказать ему все, что знает по этому поводу.

„Сейчас я, Малинче, получил странное известие. В гавань, где и ты высадился, прибыл флот из 18 кораблей

с большим количеством людей и коней. Вот изображение, которое мне прислали. Конечно, это для тебя не новость, и ты наверно пришел, чтобы мне сообщить об этом; я не сержусь на тебя за это секретничанье, наоборот — я радуюсь, что прибыли твои братья и с ними ты легко и без помех можешь отправиться на родину“.

Кортес нагнулся над рисунками, увидел испанские флаги, и с великой радостью воскликнул: „Слава богу, вот помощь во-время!..“ Еще более возликовали мы все: нам не сиделось на месте, мы назначили турнир и залп за залпом оглашал воздух.

Но вскоре радость наша улеглась. Первый пришел в себя Кортес, сообразив, что эскадра может быть только из Кубы, что она, значит, направлена против нас. Узнав еще кой-какие подробности и убедившись в этом печальном выводе, он собрал все войско и сообщил нам свои опасения.

С ними нельзя было не согласиться. Радость потухла. А Кортес мудро старался расположить к себе всех и каждого, щедро соря деньгами и обещаниями, чтоб все мы, как один, стояли за него. И это удалось, ибо имя Нарваеса никому из нас не было известно...

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
От редакции	5
Введение	7
Открытие Юкатана	9
Экспедиция в Табаско	22
Снаряжение Кортеса	36
Морской переход	44
Послы из Мексики	59
Первые подданные	70
Внутренние распри. Уничтожение флота	83
Поход в Тласкалу	90
Дружба с Тласкалой	103
Западня в Чолуле	115
Путь в Мексику	128
Мотекусума	135
Чудеса Тенохтитлана	146
Нахождение клада. Первые неудачи	153
Пленение Мотекусумы	159
Постройка малой флотилии	166
Неудачный заговор. Присяга Мексики	171
Золото	178
Гроза надвигается	189

Печатается и скоро выйдет в свет:

Д. Н. ЕГОРОВ

ЗАПИСКИ

СОЛДАТА

БЕРНАЛЯ ДИАЗА

II

ЗОЛОТО и СМЕРТЬ

Рисунки Н. В. Талепоровского

Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Прачешный пер., 6 тел. 553-92.

ОТКРЫТИЯ—ЗАВОЕВАНИЯ—ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Вышло из печати:

Н. М. ДРУЖИНИН — Русские мореплаватели в старой Японии (Два года в плену у Японцев).

Приключения известного русского мореплавателя капитана Головнина полны глубоко драматическими моментами и читаются с неослабевающим интересом. Помимо занимательного исторически-правдивого повествования, книга дает интересное описание жизни и быта дореформенной Японии начала XIX столетия.

Головнин занимался научным обследованием берегов Японских островов в то время, когда доступ европейцам в страну был запрещен. Захваченные обманным путем в плен, Головнин и его спутники были отправлены вглубь страны и, после тяжелого тысячеверстного перехода, были заключены в тюрьму. Положение пленников осложнилось изменой офицера, одного из ближайших товарищей Головнина. Попытка побега кончилась неудачей. И только через два года сподвижнику Головнина, капитану Рикордо, удалось, при помощи одного японца, сочувственно относящегося к европейцам, освободить своих товарищей.

Книга снабжена географической картой и рисунками Д. И. Митрохина.

Цена 80 коп.

Печатается и скоро выйдет:

1) **В. К. МЮЛЛЕР** — Путешествие и приключения капитана Дрека.

Обложка и рисунки В. Н. Талепоровского.

2) **С. В. БАХРУШИН** — Русские на Амуре.

ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН

Ленинград, Прачешный пер., 6.

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Серия биографических очерков

Проф. М. Д. ПРИСЕЛКОВ — Нестор Летописец. Ц. 50 к.

В. А. НИКОЛЬСКИЙ — В. П. Суриков. Ц. 50 к.

Проф. А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Кастильоне. Ц. 50 к.

Проф. Н. И. КАРЕЕВ — Томас Карлейль. Ц. 50 к.

Проф. С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Стенька Разин. Ц. 50 к.

Акад. В. П. БУЗЕСКУЛ — Перикл. Ц. 50 к.

Проф. Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Аншбал. Ц. 50 к.

Проф. Д. Н. ЕГОРОВ — Генрих Шлиман. Ц. 50 к.

Акад. С. Ф. ПЛАТОНОВ — Иван Грозный. Ц. 60 к.

Проф. Г. Ц. ФЕДОТОВ — Абезар. Ц. 60 к.

Проф. А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Александр I. Ц. 75 к.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ: „Это — не просто биографии с узко очерченным кругом лиц и событий, это — жизнеописания героев и гениев, великих и замечательных людей, мыслителей, учителей, вождей и слуг народных и т. д. всегда на фоне исторической обстановки в сложном сплетении борьбы классов, международных отношений, если лицо играет роль, как политический или социальный выразитель своей среды, или на фоне трудами многих накопленной энергии, из которой вырастает культурная деятельность ученого, художника, поэта и т. д.

(В. Селинов. „Наша Школа“, № 1—2. 1924).

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

740

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

4.28
пер 1850

ар. 30к.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

СОУНЬ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>